

ГРИГОРИЙ АРОНСОН

РОССИЯ
НАКАНУНЕ
РЕВОЛЮЦИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

МОНАРХИСТЫ
ЛИБЕРАЛЫ
МАСОНЫ
СОЦИАЛИСТЫ

Нью-Йорк
1962

RUSSIA ON THE EVE OF THE REVOLUTION By

GREGOR ARONSON

Copyright by the author

PRINTED BY RAUSEN BROS., 142 EAST 32ND STREET, NEW YORK

ЗАГАДКИ УБИЙСТВА П. А. СТОЛЫПИНА

1

1 сентября 1911 года, в Киеве на парадном спектакле в опере, в присутствии императора Николая II-го, был убит председатель совета министров Петр Аркадьевич Столыпин. В последнее время в русской политической литературе, особенно в эмиграции, интерес к государственной деятельности убитого министра чрезвычайно возрос. В этой фигуре, появившейся на горизонте после первой революции 1905 года и на заре русского парламентаризма, многие склонны видеть одного из крупнейших государственных людей своего времени, — более того, деятеля, который был способен вывести Россию на путь широкого исторического развития. В свете нашего трагического опыта, в эпоху войн и революций, многие готовы совершить переоценку политической деятельности Столыпина, признать положительное значение его планов аграрной реформы, попытки создать в России обширный класс крепких крестьян и тем выбить почву из-под ног революционеров, — и одновременно, — задним числом признать историческую оправданность тех методов «успокоения», которые записаны в анналах тех лет под знаком «стольпинской реакции».

Нужно отметить, что благожелательный пересмотр роли и деятельности Столыпина производится не только представителями либеральной политической мысли, — что нисколько не удивительно, если вспомнить, что после первой революции именно тогдашние либералы консервативного направления, как Петр Струве, А. Изгоев и др. лелеяли иллюзии о Столыпине, — но положительная и высокая оценка его деятельности сейчас также разделяется представителями правого лагеря, при

3

жизни бывшими его ожесточенными врагами и часто отравлявшими его существование в течение коротких лет пребывания Столыпина у власти.

И все-таки нельзя не отметить тот бесспорный факт, что никто из посмертных поклонников Столыпина и его деятельности не поставил себе задачи выяснить до конца трагическую загадку его гибели. И сын убитого, издавший в 1937 году в Париже о нем книжку, и дочь, выпустившая воспоминания об отце в Чеховском издательстве, — и историки царствования Николая II-го (С. Ольденбург и др.) довольствуются самыми общими местами, как только дело доходит до трагического финала его жизни. Почему? Может быть, потому, что разгадка убийства Столыпина очень неудобна для репутации всего старого режима, давно к тому же и довольно бесславно поверженного во прах? А может быть, потому, что до сих пор еще нет достаточно данных, чтобы разрешить эту загадку?..

Полагая, что в русской исторической и мемуарной литературе накопилось уже достаточно материала, чтобы осветить обстановку, в которой разыгрался киевский эпизод, столь характерный для старого режима незадолго до первой мировой войны, я попытаюсь восстановить его в основных очертаниях. Однако, с самого начала нужно предварить, что в этом деле мы сталкиваемся не с одной, а с множеством загадок, — во всяком случае с двумя, формулировать которые можно следующим образом. Первая загадка: кто виноват в убийстве П. А. Столыпина? И вторая загадка: кто был человек, совершивший убийство: агент Департамента полиции или революционный террорист?

Напомню прежде всего вкратце, что именно произошло в сентябре 1911 года.

На осень 1911 года в Киеве была назначена установка памятника Александру II, и было широко известно, что на торжества придут царь с царицей, двор, правительство и пр. Киевское охранное отделение стало загодя принимать необходимые меры, и уже в течение июня-июля было в Киеве произведено до 300 обысков и множество арестов. Чем ближе подходили сроки, тем активнее развивалась в Киеве деятельность Департамента полиции. Из Петербурга, Москвы, Риги, Харькова, Варшавы, даже из Сибири и Кавказа были стянуты в Киев десятки, если не сотни жандармских офицеров и се-

кретных сотрудников. Генерал Курлов, занимавший пост товарища министра внутренних дел и шефа жандармов, командировал для руководства всей организацией охраны царя и правительства вице-директора Департамента полиции Д. П. Веригина, полковника А. Спиридовича, своего личного секретаря Сенько-Поповского, своего двоюродного брата А. Курлова, секретаря штаба полковника Пискунова и др. Во главе киевского охранного отделения стоял подполковник Кулябко, приходившийся родственником Спиридовичу. Сам генерал Курлов прибыл в Киев 12 августа. По сведениям, впоследствии появившимся в печати,¹ на организацию охраны было израсходовано свыше полумиллиона рублей, а в личное распоряжение «главного лица, ведавшего охраной» (вероятно, Курлова) было отпущено еще 90 тысяч рублей.

Казалось бы, все меры предупреждения на случай какого-нибудь покушения были заблаговременно приняты, хотя не было, в сущности, серьезных оснований опасаться покушений. Было известно, что социалисты-революционеры после разоблачения Азефа распустили свои боевые организации, политический террор умер естественной смертью, а какие-нибудь небольшие группы максималистов были почти полностью разгромлены. В конце 1911 года не было ни одной политической группировки ни в России, ни в эмиграции, которая рассчитывала бы на перспективу близкой революции или готовила революционный террор.

И тем не менее 1 сентября на торжественном спектакле в Киевской опере, в присутствии Николая II, его свиты и его охраны, разыгралась драматическая сцена: молодой человек во фраке выхватил из кармана браунинг и два раза выстрелил в председателя совета министров Столыпина. Окровавленного Столыпина отправили в госпиталь, где он 5 сентября скончался. Его убийцу задержали. Он оказался киевлянином, помощником присяжного поверенного, Дмитрием Богровым, 24 лет. После краткой процедуры допросов и расследования он был судим в закрытом заседании Военного Суда и 12 сентября повешен.

Как случилось, что охрана, о которой вышеприведенные данные дают яркое представление, допустила покушение, допустила появление террориста в столь большой близости царя? Ведь пуля Богрова могла с той же легкостью, с какой

она достигла Столыпина, поразить и Николая II-го? Как все это могло произойти, если к тому же на спектакль допускались лица только по именным билетам, — каким образом попал билет в Киевскую оперу в руки убийцы Столыпина?

Эта сторона вопроса разъяснилась довольно скоро, но **от** этого всеобщее недоумение и волнение только возросло, **ибо**, как сообщалось в телеграмме из Киева от 3 сентября:

«Дознанием установлено, что преступник Богров — агент киевского охранного отделения. Билет в театр № 406, кресло 18-го ряда партера, он получил от начальника Киевского охранного отделения подполковника Кулябко, который поручил Богрову охрану Столыпина. Городская управа выдала билет № 406 лично Кулябко, в чем последний сам расписался». ² Ясно, но не вполне вразумительно! Ясно, что убийца Столыпина, Дмитрий Богров, был агентом охраны. Что же, он внезапно из охранника превратился в революционера и террориста? Если же такого «превращения» с Богровым не произошло, не значит ли это, что начальник Киевского охранного отделения послал Богрова — не охранять Столыпина, а — убить его? Можно себе представить наступившее после убийства Столыпина смятение умов, охватившее всю Россию в сентябрьские дни 1911 года.

2

Рептильная печать воспользовалась тем, что Богров оказался евреем, чтобы наперекор логике и фактам заняться прежде всего травлей евреев, повинных в терроре и в подготовке новой революции. «Зашевелилось революционное подполье», — писало «Новое Время» в связи с покушением на Столыпина и поднесло своим читателям информацию — клюкву: «В политических кругах... указывают, что дикий террористический акт явился первым после недавнего объединения революционных организаций: российской партии социалистов-революционеров, финляндских террористов и еврейского Бунда», ³ — информацию, вероятно, сообщенную газете ее сотрудником Манасевич-Мануйловым, агентом Департамента полиции. «Новое Время» продолжало антисемитскую интерпретацию киевского события и после того, как стало известно, что Богров служил в охранке. «Международ-

ный кагал явно начинает новое выступление» — читаем мы в «Н. В.».⁴ Вообще антисемитизм был ходким товаром в эти годы в России, и Дмитрий Богров, которого неизменно называли «Мордко», придал немало энергии черносотенным газетам, жившим на субсидии Департамента полиции, и речам черносотенных депутатов 3-ей Государственной Думы, пытавшихся довольно откровенно ответственность за убийство Столыпина переложить на евреев и одновременно — всячески смягчить причастность к этому преступлению охраны и ее деятелей.

Причастность охраны к убийству Столыпина становилась, однако, все ясней, и от этой стороны вопроса никак нельзя было уйти. С каждым днем выяснялось, что все призванные охранять главу правительства как нарочно делали все, чтобы Столыпин не мог уйти от предназначенной ему пули. Вот, по словам «Н. В.», как охраняли Столыпина в Киеве: «С момента приезда Столыпина в Киев, он совершенно не охранялся... Городской голова прислал для министра открытый парный экипаж. Об экипаже его никто не заботился... Охрана заявляла, что экипаж министра вовсе не должен находиться близко к царскому кортежу, т. е. быть в пределах охраны... Охраны самого министра никакой не было. В генерал-губернаторском доме, где он жил, не было даже дежурства офицера полиции».⁵ В другом месте отмечается (в очерке Л. Гана «Убийство П. А. Столыпина»), что два жандармских офицера, обычно состоявшие при Столыпине для охраны, подп. Пиранг и Дексбах, на этот раз почему-то в Киев не были командированы.⁶ Так обстояло дело с охраной Столыпина в Киеве. Почему же охраны не было? Почему «Н. В.» через 5 дней вынуждено уже было говорить о «бездарности, беспечности, недальновидности» охраны?⁷ Почему эта же газета выражала надежду, что следствие дополнит «кошмарную картину» постановки охраны на киевских торжествах, «которую мы пока лишены возможности дорисовать»?⁸ Не потому ли даже «Н. В.» было лишено возможности говорить об этом деликатном предмете, что Столыпин в Киеве был обречен на незащитность не только и не столько по «небрежности» жандармов, сколько по причинам политическим, о которых имеется уже достаточно данных, чтобы о них говорить?

Для того, чтобы ответить на вопрос о виновниках убийства Столыпина, следует сделать небольшое отступление.

К осени 1911 года уже давно миновало время, когда в Столыпине видели при дворе и в сановных и бюрократических кругах «сильного человека», того генерала на белом коне, который проведет «успокоение» взбудораженной страны. В. Шульгин писал в «Киевлянине» о нем: «Россия нашла человека», которому она можетверить бразды правления. Столыпин показал разгоном 1-ой и 2-ой Государственных Дум и «государственным переворотом» 3 июня 1907 г. все пределы своих возможностей. Октябристы, возглавлявшиеся А. И. Гучковым, на опыте сосуществования с правительством в 3-ей Госуд. Думе, убедились, что уступки, которые Столыпин вынужден был делать направо, приводят к ликвидации и манифеста 17 октября 1905 года, и «Основных законов» 1906 года. Но эти уступки никак не удовлетворяли крайних правых, все более забиравших силу и приобретающих влияние при дворе. В. Розанов двусмысленно хвалил Столыпина за то, что он «конституционализму... придал русскую бороду и дал русские рукавицы». Но Союз русского народа никакого, даже «истинно-русского» конституционализма не хотел, и его отделы требовали от царя разгона всякого парламента, даже в облике третье-июньской Думы. Крайние правые обвиняли Столыпина в том, что он стремится ограничить самодержавие царя и даже больше, — этот «сильный человек» грозит своим авторитетом вытеснить царя. Словом, справа шло на Столыпина наступление.

Правда, — «менее известно о сопротивлении Столыпину справа», — отмечает Н. С. Тимашев, автор предисловия к книге дочери Столыпина, М. П. Бок. Тем не менее он напоминает случаи, когда законопроекты Столыпина отвергались правым большинством Государственного Совета, возглавлявшимся Треповым и Дурново, и комментирует их следующим характерным замечанием:

«В этом большинстве преобладали члены по назначению государя, который систематически назначал в Совет лиц, враждебных премьеру, как бы в ограждение своего авторитета против затемнения авторитетом обаятельного и властного премьера»... Н. С. Тимашев констатирует, что «Столыпин уже начинал уставать и раздражаться из-за систематических

подкопов справа... Ко времени своей кончины П. А. Столыпин уже не пользовался доверием свыше. В бюрократических кругах открыто говорили, что дни его премьерства сочтены».⁹

Эти толки о близком конце политической карьеры Столыпина усилились как раз незадолго до киевских торжеств. Ген. Курлов в своих воспоминаниях рассказывает, как Столыпин ему жаловался: "Меня забыли пригласить в Чернигов». Курлов хлопотал за него при Дворе, но на его просьбу пригласить Столыпина на пароход последовал отказ. Неудивительно, что Столыпин ему говорил: "Мое положение поколеблено... уже не вернусь в Петербург ни председателем совета министров, ни министром».¹⁰

То, что Столыпин в это время ощущал себя "лишним человеком» и был полон предчувствий о предстоящей скорой отставке, отметил в своих воспоминаниях его преемник на посту премьера Коковцев. Он же показывал в Верховной Чрезвычайной комиссии Временного Правительства, что «впечатление у нас, у всех сотрудников Столыпина было такое, что дни его сочтены, что он в Киев едет, если не пропеть свою лебединую песню, то в предчувствии ухода».¹¹

Впечатление это, что дни Столыпина сочтены, что он обречен, полностью оправдалось в Киеве. Царь и двор его совершенно игнорировали. Он оказался на положении приживала, бедного родственника, которого терпят, но которому подчеркнуто намекают на то, что он лишний. Даже охрана не сочла нужным позаботиться о председателе Совета министров. Более того, небрежность со стороны охраны бросалась в глаза Коковцеву и другим, общавшимся в дни киевских торжеств со Столыпиным. И когда выяснилось, что покушение на него совершено было рукой агента охраны, и поползли слухи, что в устранении Столыпина были заинтересованы органы охраны, — совершенно необходимым оказалось назначение расследования действий охраны, чтобы выяснить:

имели тут место только небрежность или попустительство, или даже предумышленность, или все это в совокупности?

Сенатор Трусевич, бывший ранее директором Департамента полиции, получил назначение ревизовать Киевское охранное отделение в связи с убийством Столыпина. На основании данных расследования, было проведено затем предварительное следствие, в котором были привлечены в качестве обвиняе-

мых в бездействии и превышении власти Курлов, Кулябко, Спиридович и Веригин, т. е. все руководители охраны. В 1-м Департаменте Государственного Совета, по докладу сенатора Е. Турау, было решено предать указанных лиц суду.

Ревизия охраны и расследование выяснили ряд вопиющих фактов, установили, что не только Кулябко, но и Спиридович и Веригин знали, и не только они, но и глава охраны Курлов знал, что Богров прошел в оперу по билету из Охранного отделения. В дни, предшествовавшие покушению, и в самый день спектакля, руководители охраны находились в самом тесном контакте с Богровым. Чем дальше шло расследование, тем больше становилось ясно, что у охраны в деле убийства Столыпина рыльце в пуху. Князь Мещерский в своем «Гражданине» писал об охране, как о «чудовищно-уродливом учреждении». «Оно даже не азиатское, — писал он, — ибо наверное его нравственных черт и беспринципности нет ни в Китае, ни в Японии. Подобие ему можно найти разве лишь в Бухаре».¹² «Гражданин», между прочим, передал слух, что вдова Столыпина не приняла венка, который хотели возложить на гроб Столыпина представители охраны.¹³

Постепенно у органов расследования наметилась тенденция расширить круг ответственности лиц, виновных в связи с убийством Столыпина. Так, заинтересовавшись карьерой подполковника Кулябко, сенатская ревизия установила, что «быстрое движение по службе Кулябко в охранной полиции объясняется исключительной его близостью к влиятельному полковнику Спиридовичу, состоящему в распоряжении дворцового коменданта ген.-адъютанта В. Дедюлина и к заведывающему особым отделом Департамента полиции полк. Еремину».¹⁴ Не случайно в связи с этим мелькнуло сообщение о том, что «ревизия затронет и лиц дворцовой охраны». Становилось совершенно очевидным, что нити преступления, шедшие от Кулябко к Курлову и от Спиридовича — к Дедюлину, должны были привести прямоком в довольно высокие дворцовые сферы, о которых в печати нельзя было говорить. Появились в печати сведения об отстранении Кулябко от заведывания Киевским охранным отделением, о подаче Курловым прошения об отставке, об увольнении Веригина. Общественное мнение ждало суда, который должен был все поставить на свое место.

Но прежде, чем довести до конца наше изложение, **мы** должны остановиться на загадочной фигуре Дмитрия Богрова, охранника, убившего главу охраны, ибо Столыпин по занимаемой им должности и был этим главой. Любопытно, что когда в Госуд. Думу были внесены запросы октябристов, националистов и социал-демократов о действиях охраны в связи с убийством Столыпина, черносотенный депутат Марков 2-й утверждал, что сам Столыпин «и есть главный виновник своей смерти», ибо он состоял главой охраны и допустил службу в охране Богрова.

Гибель Столыпина от руки охранника не возбуждает никаких сомнений. Даже литература, посвященная реабилитации Богрова (имеются книжка А. Мушина, вышедшая в Париже в 1914 году и работа его брата — В. Богрова, изданная в Берлине в 1931 году), не оспаривает самого факта, что убийца Столыпина был агентом охраны. По одним сведениям,¹⁶ по донесениям Богрова были произведены аресты максималистов в Киеве, Воронеже, Борисоглебске, обнаружены лаборатории взрывчатых веществ и т. д. Богров, служивший с 1907 г. в охране, настолько пользовался доверием, что посылался в командировки за границу. Но, по другим сведениям, содержащимся в заключении сен. Трусевича, сообщения Богрова "носили совершенно безразличный характер». Заграничный орган Ц. К. партии социалистов-революционеров «Знамя Труда»,¹⁷ публикуя заявление, что ни Ц. К. и ни местные организации никакого участия в убийстве Столыпина не принимали, в том же номере пишет об убийце Столыпине: «Кто такой Богров? Мы не знаем этого и, быть может, никогда не будем знать». Иными словами: орган эсеров, зная на основании уже опубликованных официальных данных, что Богров был охранником, — по-видимому, допускал, что он играл двойную роль в этом деле и, войдя в театр по билету, полученному от Кулябко, убил Столыпина в качестве кающегося охранника, чуть ли не революционера.

Нужно признать, что появившиеся через 15 лет после убийства Столыпина материалы дают некоторое основание считать, что Богровым 1 сентября 1911 года руководила потребность в реабилитации, в искуплении. Он служил несколь-

ко лет в охранке, он выдавал анархистов и максималистов, с которыми был связан. Но — наступил момент, когда он решил искупить свое позорное прошлое и — убил Столыпина.

В «Каторге и ссылке» б. анархист Г. Сандомирский выступает в защиту Богрова и говорит о происходившем в нем «внутреннем процессе перерождения».¹⁸ Егор Лазарев, с которым Богров в Петербурге в 1910 году говорил о своем намерении убить Столыпина и просил моральной поддержки со стороны партии эсеров, — решительно отговаривал его от совершения террористического акта, но в свих воспоминаниях, опубликованных в «Воле России»¹⁹, Лазарев пишет об искренности «непонятого» Богрова, которого что-то «грызло» и толкало на отчаянный шаг.

И тем не менее, даже если признать, что охранником Богровым руководила потребность в реабилитации, и убийством Столыпина он рассчитывал вернуть себе моральное право на доверие в обществе, — все его поведение даже после совершения террористического акта нисколько не напоминает поведения революционера-террориста, готового умереть во имя дела, в которое он верит, — напротив, поведение Богрова продолжает оставаться элементом игры, которая плелась и продолжала плестись вокруг Столыпина в охранке.

На завтра после убийства Богров, сидя в заключении, давая показания в тюрьме и потом на суде, — как пишет Л. Ган, — отказался объяснить мотивы, по которым он решил убить Столыпина. «На суде обращало на себя внимание, — пишет Л. Ган, — это было 9 сентября, в присутствии Щегло-витова и других лиц, — стремление Богрова всячески смягчить складывающиеся неблагоприятными для чинов охраны обстоятельства, в особенности против Кулябко... С другой стороны, Кулябко старался подчеркнуть полезную для охранного отделения деятельность Богрова... Оба они как будто старались выставить друг друга в благоприятном свете для их «репутации» в глазах судей»²⁰. Когда за два дня до казни 10 сентября пом. нач. Киевского жандармского отделения Иванов спросил Богрова во время допроса, чем объяснить, что он на суде выгораживал Кулябку, Богров ответил: он «пожалел» Кулябку и «старался помочь ему выйти из затруднительного положения». В чем дело? Что за странное пове-

дение Богрова? Неужели накануне казни, у него не было другой заботы, кроме заботы о затруднениях начальника охранки?

В «Нов. Вр.», в сообщении о том, что «Богров старался всячески выгородить Кулябку», приводилось и такое добавление: «его показания производили такое впечатление, будто бы Богрову кто-то гарантировал побег и во всяком случае он за что-то благодарен Кулябке».²¹ Эту мысль о побеге Богрова, гарантированном ему охраной, мы находим и в таком авторитетном документе, как доклад сен. Турау в первом департаменте Госуд. Совета, где сказано: «Возможно, что Богров рассчитывал, что его приговорят не к смертной казни и надеялся со временем бежать».²² Любопытно, что в парижской газете «Будущее» тоже сообщалось о киевском происшествии, что «охрана... гарантировала Богрову спасение в форме заранее подстроенного побега и материальную обеспеченность дальнейшей жизни в форме ассигнованных кем-то на это 200 тысяч рублей». Как сообщается далее, Богрову «было обещано, что в момент выстрела электричество в театре внезапно и нечаянно потухнет, чтобы он мог, пользуясь темнотой, броситься незаметно в оставленный без охраны проход, в конце которого были припасены для него военная фуражка и шинель, а снаружи дожидался автомобиль с разведенными парами». Но — обещание не было сдержано.²³

Повидимому, слухи о том, что дело Богрова есть дело рук охраны, были настолько распространены в Киеве, что делались всемерные усилия для того, чтобы форсировать следствие и суд над Богровым и возможно скорее спрятать концы в воду. «Новое Время» писало по этому поводу, что «вследствие этой быстроты расследование сен. Трусевича лишилось важного для дела показания».²⁴ Действительно, почему было не выяснить все обстоятельства убийства Столыпина? Почему было необходимо спешить с казнью Богрова? Но, вероятно, охрана была заинтересована в том, чтобы скорее избавиться от своего рыаного защитника Богрова и заткнуть ему рот навсегда. Добивались скорейшей казни Богрова и другие: опасаясь, как бы охрана не организовала побег Богрову и желая убедиться, что он действительно казнен, представители правых организаций г. Киева добивались в виде исключения, чтобы их допустили присутствовать на казни, которая в спешном порядке и была проведена 12 сентября на Лысой горе, — оставив

нам в наследство неразрешимую загадку: в качестве кого действовал Богров, — как кающийся охранник, или как агент, выполняющий повеление всего своего многочисленного охранного начальства: Кулябки, Курлова, Спиридовича, Веригина, Дедюлина?

Загадку убийства Столыпина в последнем счете должен был разрешить суд. Но весьма влиятельные факторы при Дворе и черносотенная печать все делали, чтобы сорвать суд и тем самым возможность разрешения этой загадки. «Русское Знамя» ринулось на защиту ген. Курлова, «участь которого, — как сообщала газета, — была решена на столыпинском семейном совете». «Столыпин был образцом самовластия и самоуправства», — писало после убийства премьер-министра «Русское Знамя», а ген. Курлов, который «не скрывал своей симпатии к черносотенцам», по словам газеты, и который затем был участником кружка Бадмаева и Распутина, — ген. Курлов «охранял царя и августейшее семейство... в Киеве».²⁵ Правые круги требовали отмены суда над Курловым и его сподвижниками. Этого же добивалась и «дворцовая клика во главе с дворцовым комендантом Дедюлиным», которая, по воспоминаниям одного осведомленного современника, еще при жизни Столыпина вела ожесточенную борьбу против него.

Вот как подводит итоги всей загадке об убийстве Столыпина этот современник: «Сен. Турау выяснил, что глава охраны и свиты, ген. Курлов, был хорошо осведомлен о предстоящем покушении; мало того, он выяснил, что об этом знали также некоторые придворные во главе с дворцовым комендантом Дедюлиным. Когда началось расследование Турау, Дедюлин покончил с собой, опасаясь разоблачений. Он поторопился... Дело было по приказанию царя прекращено, а Курлов впоследствии получил назначение товарищем министра внутренних дел».²⁶

Мы могли бы здесь поставить точку, но как не привести свидетельство Коковцева, заменившего убитого Столыпина на посту премьер-министра, — Коковцева, который в своих «Воспоминаниях» передает, что в дни, когда произошло убийство Столыпина, императрица Александра Федоровна сказала ему на приеме в свойственном ей своеобразном, полумистическом тоне: «Вы придаете слишком много значения деятельности

Столыпина и его личности... Я убеждена, что Столыпин умер, чтобы уступить вам свое место, и это — на пользу России».²⁷

А что касается роли охраны в убийстве Столыпина, то здесь будет вполне уместно вспомнить предупреждение, которое сделал В. А. Маклаков Столыпину в Третьей Госуд. Думе. Говоря по запросу о провокаторе Азефе, организовавшем убийство Плеве и великого князя Сергея Александровича, Маклаков воскликнул: «Правительство в плену у шайки охранников».²⁸ Столыпин узнал на собственном трагическом опыте, до какой катастрофы может дойти государство, когда оно падает «в плен к шайке охранников».

4

Вскоре после появления в печати (в нью-йоркском «Новом Русском Слове») моей работы о «Загадках убийства Столыпина» вышла книга проф. А. В. Зеньковского «Правда о Столыпине». Автор книги — бывший сотрудник Столыпина и его большой поклонник, человек весьма консервативных воззрений, в общем подтвердил версию убийства Столыпина, которая выше очерчена в моей работе, т. е. признал, что в конечном счете все наличные данные ведут к Курлову, как руководителю охраны царя и министров на киевских торжествах и к Дедюлину, как представителю придворных кругов, стремившихся к устранению Столыпина из правительства.

А. В. Зеньковский пишет: «Во время самых торжеств ходили упорные слухи о готовящемся на Столыпина покушении... Со стороны генерал-адъютанта Дедюлина и Курлова во время торжеств по отношению к Столыпину было проявлено исключительно возмутительное отношение».²⁹ И далее: «Через несколько месяцев после смерти Столыпина главный военный прокурор вызвал к себе зятя Столыпина Б. И. Бока и сказал ему, что главным виновником смерти Столыпина является Кур-лов, по инициативе которого было совершено покушение. Вместе с тем тот же главный прокурор сказал Боку, что по распоряжению государя дело о Курлове было прекращено».³⁰

Таким образом в изложении Зеньковского вопрос, кто именно является главным виновником убийства Столыпина, — подтверждает то, что мною намечено в статье. На вопрос,

кто совершил убийство Столыпина, надо искать ответа в недрах тайной полиции того времени. Дедюлин, Курлов, Веригин, Спиридович, Кулябко, Богров, — все основные и второстепенные винтики машины Департамента полиции и охраны, — несут ответственность за это преступление. В виду того, что окружение царя, как и крайние правые элементы, рупором которых было «Русское Знамя», были заинтересованы после убийства в том, чтобы спрятать концы в воду и покрыть убийц, — исполнителя Богрова в скорострельном порядке прикончили, а инициаторов и руководителей убийства покрыли и царским именем амнистировали.

К такому решению первой загадки склонялось и склоняется до сих пор общественное мнение. В дополнение к тому, что было высказано выше, может быть, уместно привести мнение А. И. Гучкова, стоявшего одно время, в качестве руководителя октябристов и председателя Государственной Думы, довольно близко к Столыпину и бывшего весьма осведомленным наблюдателем развернувшихся событий этой эпохи. В своих показаниях перед следственной комиссией Временного Правительства в 1917 году, Гучков, между прочим, сказал следующее по интересующему нас вопросу: «Столыпин умер политически задолго до своей физической смерти». Безответственным влияниям, влияниям придворных реакционных кругов Столыпин «представлялся самым опасным революционером». «Борьба в этих кругах велась, главным образом, с целью свергнуть Столыпина... Влияния на ход государственных дел его лишили, а через некоторое время устранили его физически...» «Насколько эти т. н. темные силы участвовали в самом убийстве Столыпина... мне кажется, их участие в киевском событии имело место. Может быть, они не являлись активными участниками... но их участие могло выразиться в форме некоторого попустительства или непротивления».³¹

Гучков несколько ретуширует последний момент. По-видимому, в августе 1917 года у него не было желания более определенно формулировать обвинение против «темных сил», т. е. возлагать на представителей старого режима всю ответственность за убийство Столыпина. Он также умолчал о том бесспорном факте, что убийц загодя амнистировали, и преступление в киевском театре не было доведено до суда. Тем самым, не в политическом, а в формальном смысле расследо-

вание убийства Столыпина не получило окончательного разрешения.

Но кроме основной и первой загадки во всем этом деле имеется и вторая загадка, — это «загадка Богрова». Она также не получила своего окончательного разрешения, — именно потому, что непосредственного исполнителя плана убийства поспешили повесить, т. е. заткнуть ему рот, — прежде чем суд мог разобраться в этом сложном деле.

Из всего материала, опубликованного по свежим следам выстрела Богрова, главным образом, на основании сообщений столь близкой к правительственным кругам газеты, как «Новое Время», так и из других источников того времени, — было совершенно ясно, что хотя Дмитрий Богров и служил в охране, и рука его, невидимому, была направлена в Столыпина в результате игры «темных сил», заинтересованных в физическом устранении Столыпина, — тем не менее не исключена возможность, что у него могли быть и личные, так сказать, идейные побуждения, продиктованные, вероятно, прежде всего покаянной потребностью в «реабилитации». Во всяком случае, из всего известного по этому вопросу вытекает наличие и здесь загадки, решение которой было с самого начала сорвано.

Эта загадка второй очереди несомненно осложняется первой загадкой, ибо, если допустить, что «темные силы» при Дворе и среди крайне-правых возложили на Курлова со всей его компанией из тайной полиции задачу устранения Столыпина, то ведь вряд ли Богров мог быть сознательным участником этой игры и взять на себя выполнение этого плана только потому, что это ему поручили вышестоящие лица по полицейской иерархии. Естественно предположить, что, взявшись за это дело, с ведома своего начальства, он преследовал и свою собственную цель. И тут остается некая загадка, черты которой я попытался наметить.

Для цитированного мною выше А. В. Зеньковского, который отдает себе отчет в том, что Столыпин пал жертвой борьбы «темных сил», направленной против него, — нет, однако, никакой загадки в отношении Богрова. Для него он — «социалист-революционер», а так как известно, что социалисты-революционеры издавна практиковали террор, — то и в данном случае дело бесспорно: Столыпина убил эсер. Правда, Зень-

ковский знает, что Богров был агентом охранного отделения в течение 4-х лет, — но... "как начальнику охранного отделения Кулябко, так и генералу Курлову, — пишет он, — было точно известно, что Богров, будучи по своим убеждениям террористом социал-революционером, является определенным врагом как существующего строя, так в особенности самого Столыпина». И "тем не менее Кулябко, с согласия генерала Курлова, выдал Богрову билеты на вход в Купеческий сад и в театр в дни высочайших торжеств".

Попробуйте разобраться в этом переплете: охранник Богров, по словам Зеньковского, имел свои политические «убеждения», был террористом-эсером, об этом знали Курлов и Кулябко, — и поэтому они направили его револьвер в грудь Столыпина. Но автору книжки «Правда о Столыпине» этого недостаточно, и он тут же рядом сообщает, со слов киевского генерал-губернатора Трепова, что «было точно установлено, что в день покушения на Столыпина Богров обедал в ресторане... с известным врагом монархического государственного строя Львом Троцким-Бронштейном. Все поиски Льва Троцкого после убийства Столыпина ни к чему не привели». ³² Что же, — Троцкий тоже был террористом-эсером, — по мнению Зеньковского?

Все это, пожалуй, не заслуживало бы упоминания, — если бы мы не видели в утверждениях А. В. Зеньковского одной особенности, которая, к сожалению, характеризует очень многих, — боюсь, большинство, — правых людей, благополучно депортировавших эту особенность из старой России в эмиграцию и прочно сохранивших ей рыцарскую верность: я имею в виду не столько общий уровень политической культуры этих людей, сколько их специфическую политическую безграмотность. Совершенно ясен источник допущений Зеньковского: ему абсолютно безразличны все эти «оттенки» и «нюансы» русского революционного движения, и он — даже сейчас, после нашего страшного опыта коммунизма и диктатуры в России, — не склонен разбираться во всех этих социалистических течениях и направлениях. Эсдеки, эсеры, большевики, меньшевики, анархисты, максималисты, — все они одним мирром мазаны, все они — «террористы». Даже соглашаясь с тем, что главный убийца Столыпина был Курлов, — он все же никак не может решиться вложить ему или его сотруднику в

руки револьвер. Нет, Курлов, Кулябко или другие охранники должны были для совершения акта пригласить... эсера.

Таков ход мыслей Зеньковского. И, конечно, было бы просто лишней тратой времени доказывать, что эсеры к 1911 году уже давно не практиковали политического террора, — и не только потому, что разоблачение Азефа в 1909 г. сделало его более невозможным, но потому, что к этому времени они политически отказались от террора, как метода борьбы с царским режимом. От автора «Правды о Столыпине» все это отскакивает, как горох от стенки. Если вы попробуете разъяснить ему, что покушение на Столыпина на Аптекарском острове осенью 1906 года также не было делом рук эсеров, — что его совершили максималисты, отколовшиеся от эсеров, — несомненно и это разъяснение не дойдет до сознания автора, не желающего углубляться в вопрос и овладеть политической грамотой. Поэтому ему представляется также правдоподобной и версия о том, что за спиной Богрова мог оказаться и... Троцкий, никогда не бывший эсером, никогда не признававший террора в борьбе с царским режимом и т. д. Достаточно того, что Троцкий вместе с Лениным совершил октябрьский переворот в 1917 г., чтобы поверить во всякий вздор, который распространяли о нем загодя политически-безграмотные полицейские (да и генерал-губернаторы).

В сравнении, однако, с представителями правой эмигрантской печати (я имею ввиду статью в «Нашей Стране», появившуюся в ответ на мои «Загадки убийства Столыпина»), вышеприведенные утверждения звучат еще довольно скромно. «Наша Страна», конечно, никакой загадки в убийстве Столыпина не видит. Дело более, чем просто: Богров был эсером, и убийство Столыпина было делом эсеров. То, что Богров служил агентом в охранке, ничего не меняет: и другие эсеры (следуют имена...) тоже служили в охранке. Что касается политической обстановки, в которой дворцовые круги и черносотенцы откровенно стремились к устранению Столыпина, — то эта сторона дела «Нашей Страной» преодолевается опять таки с обезоруживающей простотой: автор статьи удостоверяет, что знакомые ему лидеры крайних правых «были большими почитателями покойного премьер-министра». И ему только остается зачислить пишущего эти строки вместе с... Милюковым в «герои революции» и кроме того в... «члены

партии эсеров» (?), чтобы стали окончательно ясны мотивы, которыми он руководился в своей работе об убийстве Столыпина.

С иронией, заслуживающей лучшего применения, «Наша Страна» пишет, что на основании «Загадок убийства Столыпина» можно «вообразить», что «в России в это время была эпоха Екатерины Медичи» или же что Россия переживала время, близкое тому, когда «Отец Народов расправлялся со своими министрами и генералами». Блажен, кто верует, что тогда в России «царили другие нравы, обычаи и мораль». Призадумавшись над «Загадками убийства Столыпина», вряд ли можно, однако, остаться в этом блаженном, идиллическом состоянии, — даже если признать, что Сталин перецеголял по части нравов старый порядок.³³

В другой эмигрантской газете, «Русская Жизнь» (С. Франциско), вопрос об убийстве Столыпина трактуется вне всякой связи с политической обстановкой тех лет. Это приводит к тому, что борьба на верхах, в которой приняли большое участие столь влиятельные факторы, как двор и окружение царя, крайне-правые круги и пр., как бы исчезает из поля зрения автора статьи, отказавшегося разгадывать основную загадку, приведшую к убийству Столыпина и сосредоточившего внимание на второй, второстепенной, загадке — личности и мотивов поведения исполнителя террористического акта Богрова. «Русская Жизнь» не принимает приведенной выше точки зрения «Нашей Страны», что охранник Богров — как верный сын партии социалистов-революционеров совершил по ее поручению этот акт и отвергает предположение, что пишущий эти строки в своих высказываниях «защищает свою партию от обвинения» в этом убийстве (да позволено мне будет тут заметить, что я никогда не был эсером!).

Но вместе с тем, исходя из положения, что эсеры тут не при чем, автор статьи в «Русской Жизни», игнорируя бесспорные данные о борьбе придворных и правых кругов против Столыпина и роль «темных сил» в этой борьбе, — каким-то сложным, обходным путем начинает разыскивать виновников убийства среди... масонов. «Русская Жизнь» в этом случае неоригинальна. В моих очерках о масонстве я приводил извлечения из доклада чиновника Департамента полиции, пытавшегося направить внимание, — несомненно, в угоду ген. Кур-

лову или по его поручению, — на этот «след». Какие основания у автора статьи полагать, что «за спиной Д. Богрова» стояли масоны? Только одно, — что масоны были «засекреченной» организацией, т. е. что о них почти ничего неизвестно.³⁴

Но достаточно присмотреться к списку деятелей русского масонства, — насколько сейчас они известны, — чтобы было ясно, что с этими людьми меньше всего можно связывать представление о террористическом характере их деятельности. Да и по всему своему морально-философскому облику, по своим стремлениям объединять людей разных воззрений и в сущности не допускать в свою среду деятелей крайних крыльев, — масоны меньше, чем какая-либо другая из нелегальных организаций, могла быть втянута на путь террористической борьбы.

К тому же, в 1911 году, да и вообще после революции 1905 года, масоны, насколько можно судить, находились в стадии упадка и никакой активности не проявляли. В этом отношении интересно показание ген. Герасимова, заявившего на аудиенции у царя, что «в России, по его мнению, никаких жидо-масонских лож нет, и масоны вообще никакой роли не играют»³⁵. Эта аудиенция была в 1907 году. Но, по сообщению Герасимова, вопрос о масонах настолько не имел актуального значения, что «комиссия по расследованию масонского движения, работавшая при Департаменте полиции», так и не закончила своей деятельности к революции 1917 года.

Пора подвести итоги. Мне представляется, что имеются две загадки в деле об убийстве П. А. Столыпина. Первая и главная, — это в вопросе о виновниках убийства, толкнувших Богрова на террористический акт. Несмотря на то, что политически является бесспорным для самых широких кругов русского общества, где надо искать виновников убийства, — расследование было по приказанию царя прекращено, ген. Курлов с компанией суду не были преданы, Курлов был даже назначен тов. министра внутренних дел. Формально, следовательно, дело не было доведено до конца, сохранив в себе элементы загадки.

Вторая же загадка сводится к личности Богрова, который был в спешном порядке отправлен на тот свет, унеся с собой

не только ключи к роли деятелей охраны в убийстве Столыпина, но и те индивидуальные мотивы, побудившие его взять на себя выполнение террористического акта против премьера, устранение которого в 1911 году, во времена 3-тней Госуд. Думы, ни эсеры, ни анархисты, — никакие другие нелегальные группировки ни в России, ни в эмиграции не ставили своей целью. Эти мотивы вернее всего лежали в потребности Богрова, в течение ряда лет обслуживавшего охрану, — рано или поздно «реабилитировать» себя в глазах порядочных людей. Но совершенно очевидно, что и тут мы стоим перед загадкой, для решения которой у нас нет исчерпывающих данных.

В заключение я хочу отметить, что эту мою точку зрения разделяет и дочь П. А. Столыпина, г-жа М. П. Бок, которая, ознакомившись с моими статьями, опубликованными в «Новом Русском Слове», написала мне: «Вы правы, говоря, что тайна убийства останется, очевидно, неразгаданной... Я думаю — и для будущих историков также».³⁶

ПРИМЕЧАНИЯ

1. «Новое Время», 13 сентября 1911 г.
2. «Новое Время», 3 сентября 1911 г.
3. «Новое Время», 3 сентября 1911 г., передовая .
4. «Новое Время», 11 сентября 1911 г.
5. «Новое Время», 13 сентября 1911 г.
6. Л. Ган. «Исторический Вестник», март 1914 г.
7. «Новое Время», 6 сентября 1911 г.
8. «Новое Время», 8 сентября 1911 г.
9. М. П. Бок. «Воспоминания о моем отце». Стр. 12-13.
10. П. Курлов. «Гибель императорской России», 1923 г.
11. Верховная Чрезвычайная Комиссия. Показания В. Коковцева в заседании 25 августа 1917 г.
12. Цитировано в «Новом Времени» 27 сентября 1911 г.
13. «Новое Время», 20 сентября 1911 г.
14. «Новое Время», 6 сентября 1911 г.
15. «Новое Время», 18 сентября 1911 г.
16. Л. Ган. «Исторический Вестник», март 1914.
17. «Знамя Труда» № 38, 1911 г.
18. «Каторга и ссылка» № 2, 1926 г., Москва.

19. «Воля России», кн. 8-9, 1926 г., Прага.
20. Л. Ган. «Истор. Вестник», 1914 г.
21. «Новое Время», 13 сентября 1911 г.
22. В. Богров, Берлин 1931 г.
23. «Будущее», 31 декабря 1911 г., Париж.
24. «Новое Время», 20 сентября 1911 г.
25. «Новое Время», 25 сент. 1911 г.
26. Л. Львов-Клячко. «Повести прошлого», Москва, 1929 г., стр. 129.
27. В. Коковцев. Воспоминания, т. II, стр. 8. Париж.
28. В заседании Государственной Думы 13 февраля 1909 г.
29. А. В. Зеньковский. «Правда о Столыпине», Нью-Йорк, 1956, стр. 234.
30. А. В. Зеньковский. «Правда о Столыпине», Нью-Йорк, 1956, стр. 238.
31. Показания А. И. Гучкова перед Чрезвычайной Следственной Комиссией Временного Правительства 2 августа 1917 года. «Падение царского режима», т. VI, стр. 252-253.
32. А. В. Зеньковский. Стр. 236-237.
33. Лев Лукин. «Решение загадки г. Аронсона», «Наша Страна» от 21 марта 1957 г.
34. Н. Пушкарский. «Кто стоял за спиной убийцы П. А. Столыпина». «Русская Жизнь», 23 сентября 1961 г.
35. А. Герасимов. «Борьба против первой русской революции» (по-немецки). 1934 г., стр. 146-147.
36. Из письма М. П. Бок (Сан-Франциско) от 25 ноября 1956 г.

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ АЗЕФ

Депутат 4-ой Госуд. Думы Роман Малиновский — агент
Ленина и Департамента полиции

1. СКАНДАЛ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

В четверг 8 мая 1914 года на заседании Государственной Думы председатель М. В. Родзянко сделал следующее сообщение: — «Позвольте доложить, что на имя председателя Госуд. Думы поступило заявление от члена Госуд. Думы Малиновского о том, что он слагает с себя полномочия члена Госуд. Думы (Марков 2-ой: интересно знать почему). Мотивы не приведены».

Можно себе представить, что это сообщение председателя Гос. Думы прозвучало в заседании, как разорвавшаяся бомба. Малиновский был лидером фракции большевиков в Госуд. Думе и пользовался довольно широкой известностью, как оратор и деятель рабочего движения. В чем дело? Почему Малиновский так неожиданно покинул Госуд. Думу?

При оглашении этого заявления Малиновского в заседании не было ни одного депутата-большевика, и думская фракция большевиков была застигнута известием об уходе Малиновского из Госуд. Думы врасплох. Правда, депутат-большевик Ф. Самойлов сообщает, что «до ухода из Думы (за три дня до 8 мая) Малиновский в частном разговоре сделал заявление, что ему не хочется дольше оставаться в Думе, что в полезность пребывания в ней он мало верит, что нужно идти в рабочие массы и т. д.»² Другой депутат-большевик А. Бадаев вспоминает, что после исключения из Гос. Думы на 15 засе-

даний левых депутатов (речь идет о последствиях обструкции, устроенной левыми депутатами при появлении председателя совета министров Горемыкина 22 апреля) Малиновский настаивал на том, чтобы «бросить Думу и обратиться к массам с призывом к немедленному революционному выступлению».³

Но от такого рода декларативных заявлений до ухода из Думы, без ведома и разрешения фракции, председателем которой Малиновский был, без предварительных совещаний с другими депутатами-большевиками и, вероятно, за спиной Ленина и его доверенного лица в Петербурге — Каменева, — была поистине дистанция огромного размера.

Ф. Самойлов передает, будто бы Малиновский подал свое заявление об уходе из Думы в присутствии Коновалова, тот сообщил Керенскому, последний деп. Тулякову и т. д. И вот 8 мая депутат-большевик Муранов был оглушен вопросом: — Верно ли, что Малиновский уходит из Думы? Еще не успели депутаты-большевики войти в залу, а Родзянко уже оглашает заявление Малиновского об уходе...

Ф. Самойлов подробно передает настроение членов большевистской думской фракции. Депутат Петровский безнадежно вызывал во фракцию Малиновского для объяснений. Малиновский отказывается явиться. Петровский приходит к нему на квартиру, чтобы забрать у него материалы фракции. «В этот раз Петровский застал Малиновского в нетрезвом виде. Он плакал, рвал на себе рубашку, всячески нервничал, но идти во фракцию отказался». К Малиновскому обращался и Каменев, око Ленина. «Но и тут ничего не вышло. В своем письме Каменев назвал Малиновского подлецом». Только 10 мая от Малиновского была получена телеграмма: «Еду за границу. Открытое письмо через два дня».⁴

Пришлось считаться с фактами и слухами. А слухи эти носили весьма определенный характер. Самойлов сообщает, что «скоро к нам появился некий Циоглинский и подал письменное заявление о том, что Малиновский — провокатор». Никто из товарищей Малиновского в это поверить не мог. 12 мая в большевистской газете «Путь Правды» было от имени депутатов-большевиков напечатано опровержение «ложных слухов», сеющих «смуту» среди рабочих. «Образ действий Малиновского может быть объяснен лишь крайней степенью нервной усталости и потери душевного равновесия», — писа-

ли депутаты-большевики. — «Считаем ниже своего достоинства останавливаться на грязных и клеветнических слухах... бульварной печати».⁵ Тем не менее 20 мая в «Пути Правды» российская с.-д. рабочая фракция вынуждена была публично осудить поступок Малиновского и объявить его «вне наших рядов».⁶

Малиновский в это время уже выехал за границу... Спустя несколько лет, уже во время февральской революции, председатель Госуд. Думы М. В. Родзянко рассказал в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства некоторые подробности, связанные с уходом из Думы Малиновского.

«В один прекрасный день Малиновский пришел ко мне в кабинет и бросил на стол прошение: — Прочитайте! — Я говорю: Что это такое, Малиновский? Это невежливо. — Мне не до того. Прочитайте. Я уйду из членов Гос. Думы. — И ушел. А потом уехал за границу. Через несколько дней был Джунковский в Думе. Я говорю: Почему Малиновский вдруг удрал? Получил паспорт? Он говорит: — Дело его ликвидировано. Мне самому это претит. Это отвратительно, что в Думе на положении члена Думы был сыщик... Родзянко сообщил трудовику Д. Геловани об этом под честным словом. В интересах престижа Думы не хотел говорить об этом «позорном факте».⁷

Джунковский в своих показаниях перед Чрезвычайной Комиссией сообщил, что в 1912 году во время выборов в 4-ую Госуд. Думу он был московским губернатором. Но от него скрыли уголовно-политическую биографию Малиновского (и то, что он был вором, и то, что он служил в охранке). Только после выборов Самарин ему все рассказал. Но ко времени своего разговора с Родзянко Джунковский был уже товарищем министра внутренних дел и шефом жандармов. Виссарионов из Департамента полиции доложил Джунковскому о Малиновском еще в марте 1913 года. Джунковский сказал: «С этим господином надо расстаться», и вот как Джунковский передал свой разговор с Родзянко, спросившего его: — Ну, а что, Малиновский был вашим сотрудником? — Джунковский: Нет. — Родзянко: Ну, ну, — мне то вы можете сказать. — Джунковский: Раз вы так вопрос ставите, то с глазу на глаз могу вам сказать.⁸

Любопытно привести по поводу роли Джунковского в разоблачении Малиновского соображения жандармского генерала А. Спиридовича, высказанные им в книге, вышедшей в 1960 году: «Джунковский провалил самого главного информатора, «сотрудника» Департамента полиции, большевика Малиновского, ведшего, под руководством Белецкого, разрушительную работу среди большевиков и освещавшего перед войной самый центр большевизма — Ленина и его окружение. Это преступление по должности. За подобное действие (Азеф) Лопухина судили и по суду сослали в Сибирь».⁹

Чтобы более не возвращаться к ген. Спиридовичу, приведем из его «Истории большевизма» замечание общего порядка: «Департамент полиции вносил через своих секретных сотрудников большую дезорганизацию, благодаря чему к началу войны в России была разрушена почти вся нелегальная работа социал-демократии»...

Каковы же были мотивы, побудившие ген. Джунковского разоблачить большевистского Азефа и совершить «преступление по должности»? Есть основание считать, что в данном случае имеется действительно аналогия с Лопухиным, идущая гораздо дальше. Лопухин заявил на суде, что, разоблачая Азефа, «поступал так в исполнение долга каждого человека не покрывать молчанием гнуснейшее из преступлений». В другом месте мы пришли к заключению, что поведение Лопухина получает свое объяснение по масонской линии. Надо полагать, что и Джунковский не стерпел по моральным соображениям пребывания охранника Малиновского на посту члена Госуд. Думы, к тому же взявшего на себя роль самого радикального революционера и большевика в Думе, действовавшего по шпаргалке и Ленина, и Департамента полиции. Насколько известно, и Джунковский действовал здесь по масонской линии.

2. ПРОВОКАЦИЯ И БОЛЬШЕВИЗМ

Как это ни покажется странным, не последнюю роль в укреплении большевизма в России играла особая покровительственная политика по отношению к нему Департамента полиции. Г.г. Белецкий, Виссарионов, Заварзин, Мартынов и другие столпы охранки, — по-видимому, не без ведома и согласия лиц,

несших ответственность за сохранность режима, — имели свою собственную политическую «теорию», согласно которой в интересах Департамента полиции была поддержка -всяких экстремистских и максималистских настроений в революционных рядах. Агенты охраны, по этой теории, должны были не столько вести наблюдение с тем, чтобы предотвращать и умерять, — сколько наоборот: провоцировать, разнуздывать, обострять, толкать в крайность.

Потому ли, что они хотели вызвать протест с тем, чтобы в надлежащий момент в крови утопить его, — и таким путем предотвратить грозившую снова, по их мнению, вспыхнуть революцию? Потому ли, что они искали оправдания своему существованию и своей деятельности, запугивая вышестоящее начальство наличием довольно искусственно раздуваемой опасности максималистских настроений, распространенных в стране, в рабочем классе, в с.-д. среде и т. д. и благодаря этому получая ордена и награды и делая успешную бюрократическую карьеру? В государственном строе, лишенном твердой правовой основы, тайная полиция всегда имеет тенденцию стать государством в государстве и играть свою независимую от общей политики роль.

Известен, например, секретный циркуляр Департамента полиции, изданный уже во время войны, — после ухода Малиновского с политической сцены, — со специальной целью помешать объединению большевиков с меньшевиками в с.-д. партии и содействовать укреплению в большевистском течении наиболее непримиримого и крайнего направления Ленина.

Вот полный текст этого циркуляра:

«М. В. Д. Департамент полиции. По 9-му делопроизводству. 16 сентября 1914 г. № 190791. Лично. Совершенно секретно. Циркулярно. Начальникам губернских и областных жандармских управлений, отделений по охране общественной безопасности и порядка, и господам офицерам отдельного корпуса жандармов, ведающим розыском.

Поступающие из партийных агентур сведения указывают на стремление, проявленное в последнее время в среде российской с.-д. рабочей партии, к объединению различных существующих в таковой партии течений, в целях как общего усиления партии, так и для придания всем последующим ее активным выступлениям большей согласованности в действиях.

Учитывая исключительную серьезность настоящего намерения и всю нежелательность осуществления такового, Департамент полиции считает необходимым предложить начальникам всех розыскных учреждений безотлагательно внушить подведомственным им секретным сотрудникам, чтобы они, участвуя в разного рода партийных совещаниях, неуклонно и настойчиво проводили и убедительно отстаивали идею полной невозможности какого бы то ни было организационного слияния этих течений, и в особенности объединения большевиков с меньшевиками.

Подписал: Директор: Брюн-де-Сент-Ипполит. Скрепил:

Заведующий делопроизводством М. Броецкий. Верно:

Подполковник Долгов».¹⁰

Зачем Департаменту полиции было нужно искусственно поддерживать существование фракции большевиков, если не во имя той большой или малой политики, которую преследовал Департамент полиции? Зачем нужно было Департаменту полиции не только проводить в 4-ую Госуд. Думу своего секретного сотрудника Малиновского, но и редактировать его речи с думской трибуны, — написанные Лениным, Зиновьевым, Каменевым и другими лидерами большевиков, — и с тем, чтобы, если нужно, усилить в этих речах элемент призыва к массам, к протестам? Зачем нужно было сажать на пост редактора «Правды», легально выходившей в Петербурге, — агента Департамента полиции Мирона Черномазова, которого, кстати, некоторые из большевиков стали подозревать в провокации не только по его поведению, но — «судя по его статьям»?¹³

Людам, со стороны наблюдавшим деятельность большевиков в годы, предшествовавшие мировой войне, бросалось в глаза какое-то непонятное сочетание большевизма и Департамента полиции, и Ю. О. Мартов, например, в письме к П. Б. Аксельроду в связи со слухами о Малиновском, писал: «мы почти уверены теперь, что весь «правдизм» руководился из охранки».¹²

Вспоминаю, что в первые дни февральской революции мне пришлось видеть неожиданный по содержанию циркуляр Департамента полиции, предписывавший жандармским управлениям щадить и не подвергать аресту деятелей легального

рабочего движения, секретарей страховых больничных касс, профессиональных союзов и пр. Тогда я воспринял этот циркуляр, как неожиданное свидетельство о либеральных тенденциях, пробравшихся в Департамент полиции. Впоследствии, сопоставляя некоторые явления, я понял, что на эти посты в легальных рабочих организациях Д. П. часто сажал своих людей и через них пытался проводить свою полицейскую задачу.

Любопытна в этом отношении, например, судьба Черномазова. Когда он был по подозрению отставлен от редактирования «Правды», он пошел на работу в больничные кассы Петербурга и добивался поста редактора большевистского журнала «Вопросы страхования».¹³ Не желание ли сохранить «око» Д. П. в легальных рабочих организациях и толкать их в желательном для него направлении лежало в основе «либерального» циркуляра?

Если провокация была излюбленным методом Д. П. и до, и после революции 1905 г., — вспомним Азефа и азефовщину у эсеров, как и аналогичную, хотя и в меньших масштабах, работу во всех антиправительственных партиях, — то кажется, все же ни одна политическая группировка в России не пользовалась столь усиленным вниманием Д. П., как большевики, опутанные столь плотной, паутинной сетью провокации. Мемуарная литература позволяет набросать весьма яркую картину того, как оплетал Департамент полиции своей провокацией большевиков, и на некоторых, отмеченных ею иллюстрациях стоит остановиться.

Вот старый большевик, член Революционного комитета, С. Гусев-Драбкин выступает с речью на заседании Истпарта 13 марта 1928 года. Что же он рассказывает на интересующую нас тему? «Годы 1908-9 характеризуются почти полным развалом организации, — говорит он. — К этому времени относится чрезвычайное развитие провокации. Свердлов был в ленинградском комитете еще с четырьмя членами комитета, и он тогда подозревал, что один из них провокатор. А после февральской революции, когда открыли архивы Департамента полиции, оказалось, что все четверо были провокаторами, а Свердлов был единственным большевиком в этом комитете».¹⁴

Та же атмосфера провокации окутала агентов большевистского Ц.К. в 1910-11 г.г., Бреслава (Захара), Шварца (Семена), Голощекина (Филиппа), объезжавших тогда Россию по поручению Ленина. Это несколько не удивительно, ибо в одной Московской области, тогдашнем центре большевиков, действовало от 8 до 10 провокаторов. Пятницкий (Осип Таршиш), правая рука Литвинова, главный транспортер, ведавший границей, был в свою очередь окружен провокаторами. С ним, между прочим, работал разоблаченный впоследствии Брандинский. А другой провокатор, Лобов, в те годы особенно хлопотал в Москве, после каждого очередного провала, о «восстановлении» московской организации большевиков.

Об этом выразительно рассказывает в своих мемуарах Ц. Зеликсон-Бобровская, описывая положение в 1912-1914 г.г.:

«По части провокаторов Москва в то время, можно сказать, побил рекорд. На протяжении всех этих лет над Москвою висело какое-то проклятие; все, бравшие на себя инициативу восстановить Московский Комитет нашей партии, неизменно запутывались в трех основных, чисто московских провокаторах, как в трех соснах: Романов, Поскребухин, Маракушев, не говоря уже о Малиновском».¹⁵ Тогда именно и действовал в Москве большевистский комитет в составе трех большевиков и двух провокаторов.

На совещании, созванном Лениным в Праге в январе 1912 г., на 13 делегатов приходилось 3 провокатора: Малиновский, Романов и Брандинский, к которым затем прибавился четвертый провокатор — Шурканов, впоследствии, — после того, как был разоблачен Малиновский, — работавший вплоть до февральских дней 1917 года и у большевиков, и в Департаменте полиции.

О Малиновском, конечно, нужно говорить особо. Дело Малиновского представляет собою отдельную главу, чрезвычайно важную для характеристики дореволюционного большевизма. Малиновский играл центральную роль одновременно и при Ленине, и при Департаменте полиции. Охранка провела его в 4-ую Госуд. Думу, большевики провели его в Ц.К., сделали своим лидером в Государственной Думе, поставили во главе Русского Бюро Ц.К.

Более того, наблюдался почти полный параллелизм рабо-

ты между руководством Ленина и «руководством» Департамента полиции, — настолько было поразительно совпадение и цели, и средств у этих двух, казалось бы, столь полярных инстанций.

3. МАЛИНОВСКИЙ В ДЕПАРТАМЕНТЕ ПОЛИЦИИ

Прежде, чем рассказать о Малиновском, как охраннике, мы должны вкратце сообщить о нем биографические сведения, — в частности, для того, чтобы стало яснее, как он дошел до жизни такой.

Роман Вацлавович Малиновский — крестьянин по происхождению, родился в 1878 году, в деревне Глодова, гм. Чагне, Липповского уезда, Плоцкой губ. По национальности — поляк. По профессии — рабочий, портной, затем токарь по металлу. Проработав несколько лет в Германии, он потом поступил слесарем на завод Лангезинена в Петербурге, где вскоре начинается его работа в профессиональных союзах, и Малиновский выдвигается в первые ряды рабочих вождей — в обеих столицах, а потом — и в общероссийском масштабе.

В этой биографической справке, однако, отсутствует один существенный штрих, — о чисто-уголовных деяниях Малиновского, всплывших особенно отчетливо в период, когда Департамент полиции решил проводить Малиновского в Государственную Думу. В Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства Виссарионов сообщил, что в связи с предстоящими выборами в Москве возникла переписка в недрах Департамента полиции о том, что Малиновский отбывал в 1902 году наказание за кражу со взломом, — за кражу в третий раз, и что это формально является препятствием для участия в выборах в Гос. Думу.¹⁶ В другом месте¹⁷ мы находим указание, что Малиновский был, по-видимому, за кражи лишен по суду всех особых прав и преимуществ, поступил в солдаты в Семеновский полк по паспорту своего родственника и по этому паспорту проживал. Впоследствии на процессе в Верховном Трибунале (в ноябре 1918 г.) Малиновский в своей речи коснулся уголовной полосы своей деятельности и, между прочим, сознался: «Я остался сиротой и принужден был бродяжничать; случайно проходя мимо чужого дома, я с товари-

щами вошел в этот дом, и мы взяли там хлеб, масло, 13 рублей денег». Но после этого были, по-видимому, еще две кражи, — и еще со взломом. Об этом «сирота» категорически умалчивает.

Обвинитель Малиновского в большевистском Революционном Трибунале, Крыленко, счел нужным в этом пункте Малиновского успокоить. «Уголовная судимость, — заявил он, — не является в наших глазах тем фактом, который кладет раз навсегда несмываемое пятно и от которого нельзя уйти. Мы знаем много примеров, когда и в наших рядах находились лица, имевшие в прошлом подобные факты, но мы никогда не делали отсюда вывода, что необходимо изъять такого человека из нашей среды».¹⁸

Если Ленину и его компании уголовные преступления Малиновского, хотя бы задним числом, не казались препятствием для выдвижения Малиновского на самые передовые посты в рабочем движении, — то чего уж требовать от охранников. С них взятки — гладки. Они, можно сказать, принципиально, — никаких моральных требований не предъявляли секретным сотрудникам Департамента полиции. Еще при выборах такого сотрудника в члены Госуд. Думы могли возникнуть какие-нибудь сомнения, но они, как мы знаем, без особой щепетильности были преодолены.

Когда же начал свою почтенную деятельность Малиновский в охранке?

Виссарионов на процессе Малиновского установил, что Малиновский вступил в отношения с охранкой в 1907 г. под кличкой «Эрнест». Белецкий вскоре оценил его качества и считал его «гордостью охранного отделения». В биографической справке¹⁹ говорится, что с московским охранным отделением Малиновский был связан уже с 1905 г. под кличкой «Портной». Привлекли его на службу в московскую охранку полковник Заварзин и ротмистр Иванов, затем он перешел к Мартынову. Впоследствии Виссарионов познакомил Малиновского с Белецким, который и «вел» его уж до конца. Денежные расписки в Департаменте полиции Малиновский подписывал третьей кличкой: «Икс».

Вначале, по-видимому, жалованье Малиновского не выходило за обычные пределы; как всякому филеру, ему платили

25-50 рублей в месяц. После прохождения в Госуд. Думу «Департамент полиции, ценя заслуги Малиновского, увеличил ему жалованье до 500 рублей в месяц»,²⁰ А из цитированной выше биографической справки мы знаем, что когда «в мае 1914 года по распоряжению товарища министра внутренних дел ген. Джунковского, Малиновский был уволен из числа сотрудников, ему был выдан годовой оклад содержания — 6.000 рублей и заграничный паспорт, с коим он уехал за границу».²¹

Под руководством Департамента полиции деятельность Малиновского постепенно принимала поистине гомерические размеры. Малиновский, благодаря своим ораторским дарованиям и уму, с каждым годом выдвигался на все более высокие посты в рабочем и социалистическом движении. Он входил в правление союза металлистов в Петербурге и был в 1906-09 г.г. его секретарем; он был одним из наиболее активных представителей в рабочих делегациях на общественных съездах тех лет: на съезде по кооперации (1903), на съездах фабричных врачей (1909, 1911), на антиалкогольном съезде (1910). Одно время он выдавал себя за меньшевика, чуть ли не сторонника ликвидаторского направления в меньшевизме. Но, по-видимому, по настоянию своих руководителей по Департаменту полиции, — не видевших большого толку в освещении деятельности меньшевиков, в эти годы до чрезвычайности мало занимавшихся «конспирацией», — Малиновский ограничивался выдачей лидеров ликвидаторов, высланных тогда из Петербурга в Псков и в другие места, — и переключился на большевистские рельсы. В январе 1912 года Малиновский говорил Ленину, что он «постепенно после самых серьезных размышлений и наблюдений» переходил к большевизму. Вероятно, это было сделано по прямому приказу Департамента полиции.²²

Имеется сообщение о том, как 13 мая 1910 года Малиновского арестовывают на улице. На допросе у жандармского офицера Иванова он выражает желание поговорить с начальником охранного отделения Заварзиным. В своей книжке Заварзин описывает свою встречу с Малиновским, с «шатеном с застенчивым взглядом серых глаз».²³ Эта «застенчивость» не скрыла от Заварзина подлинную сущность Малиновского: «В нем сквозил деятель, толкаемый авантюризмом, денежным расчетом и тщеславием». Заварзин рассказывает,

что беседа с Малиновским у него затянулась до утра. Припомнили Малиновскому и его уголовное прошлое, и он согласился стать регулярным сотрудником. (Надо думать, что Заварзин путает, относя эту беседу к 1910 году, ибо из показаний Виссарионова на процессе Малиновского в 1918 г., ясно, что последний поступил в охранку еще в 1907 г.).

Но с 1910 года положение Малиновского в охранке заметно укрепилось. В соответствии с видами Департамента полиции началось систематическое продвижение Малиновского в большевистской иерархии. Задача была в том, чтобы проникнуть в окружение Ленина, быть в курсе всей его деятельности и его планов, а, быть может, использовать Ленина и руководить им в направлении интересов Департамента полиции. По-видимому, способности Малиновского высоко оценивались в этом отношении в охранке, и началась игра, которая продолжалась в течение ряда лет. Виссарионов в одном из показаний на Чрезвычайной Следственной Комиссии говорил: «Малиновский производил впечатление человека разумного, толкового». Председатель (Н. К. Муравьев) спрашивает Виссарионова: «человека, преданного идее сыска и лицам, сыск проводящим?» Виссарионов отвечает: «Возможно, что так».²⁴

4. ОХРАНКА ОКРУЖАЕТ ЛЕНИНА

Департамент полиции несомненно хорошо разработал все свои планы, связанные с Малиновским. В Праге была созвана конференция большевиков, которая состоялась 6-17 января 1912 года. В книжке, изданной об этой конференции, сообщается, что на ней было 15 делегатов от 20 подпольных организаций (среди них было два провокатора по меньшей мере: Малиновский и Романов). Там мы читаем: «В Ц.К. выбраны Орджоникидзе, Спандарьян и др. Сталин выбран заочно. Свердлова потом кооптировали». Но о Малиновском, выбранном в Ц.К., даже не упоминается. Между тем это был первый этап продвижения Малиновского в кружке Ленина.²⁵ М. Розанов в статье «С Лениным в Праге», писал, что «никто не подозревал, что два делегата Малиновский (рыжий, рябой верзила с отталкивающим лицом) и Романов были осведо-

мителями охранки». На этой конференции был и третий провокатор — Брандинский.²⁶

Любопытный эпизод, связанный с выборами Малиновского в Ц.К. на этой пражской конференции, воскрешает в своих воспоминаниях О. Пятницкий. Он пишет: «Выборы Ц.К. были тайные, но каждый из участников конференции знал, какие кандидатуры были намечены. Когда среди кандидатов появилось имя Малиновского, я стал агитировать против. Ильич же агитировал за него. Ильич спросил меня, почему я агитирую против Малиновского. Я тогда ему заявил, что он стоит далеко от партработы, что он случайно попал на конференцию и что, наконец, его очень мало знают. Ильич находил Малиновского дельным и очень способным работником. Малиновский действительно оказался хорошим и дельным работником».²⁷ Весьма характерно для большевистских нравов, что весь этот эпизод Пятницкий опустил в последующих изданиях своей книжки.

Избрание в Ц.К. большевиков открыло широкий путь Малиновскому как в большевизме, так и в рабочем движении. Самой высокой точкой этого продвижения было проведение его от московских рабочих в 4-ую Государственную Думу осенью 1912 года. Его кандидатура проводилась соединенными усилиями Департамента полиции и Ленина, — хотя откуда шла инициатива избрания Малиновского в Думу, — не вполне ясно. Но об этой эпопее нужно говорить отдельно, — так как в ней особенно красочно выступают приемы деятельности охранки, бесстыдство и беззастенчивость их.

Здесь нам достаточно установить, что, окружив Ленина на пражской конференции, Департамент полиции получил в свои руки все нити центральной работы большевиков в России. Без преувеличений можно сказать, что при помощи Малиновского большевизм весь оказался в руках Белецкого, Виссарионова и других руководителей охранки. А когда Малиновский прошел в Госуд. Думу и стал правой рукой Ленина в большевистском движении, — для Департамента полиции открылась полная возможность проводить свою собственную политику через основные каналы большевизма, — через Ленина за границей, через Малиновского в Думе, через большевистскую прессу. Как выше уже упоминалось, в «Правде» эту политику охранки проводил и другой секретный сотруд-

ник Белецкого и Ко, Черномазов, которого потом большевики сняли «по подозрению» с поста редактора, — хотя не исключено, что этого добивался и Малиновский, почувствовав, может быть, в нем... конкурента по Департаменту полиции.

Не Бог знает какая глубокомысленная была эта политика Департамента полиции. Мы знаем уже из приведенного выше циркуляра от 16 сентября 1914 года, изданного через несколько месяцев после разоблачения Малиновского и уже во время войны, что одной из центральных линий этой политики было недопущение какого-нибудь сближения и объединения большевиков с меньшевиками. Но ведь эта политическая линия была идеей-фикс, можно сказать, маниакальной идеей самого папы от большевизма, Ленина. Тут было полное совпадение политических тактик Белецкого и Ленина, и можно без всяких преувеличений сказать, что деятельность Малиновского шла без сучка и задоринки в русле и Ленина, и Департамента полиции. Сказалось такое глубокое сродство душ, что параллелизм в работе между большевиками и охранкой проводился, не вызывая никаких осложнений для Малиновского.

Еще в 1910 году «большевистскому центру» за границей, т. е. Ленину при помощи сумм, оставшихся в его кассе от экспроприации предыдущих лет, — удалось поставить издание легальной газеты «Звезда» в Петербурге, — газета выходила с декабря 1910 г. по апрель 1912 г., когда ее заменила «Правда».

В 4-ой Государственной Думе с.-д. большевики и меньшевики выступили в качестве единой социал-демократической фракции. Председателем ее был Н. С. Чхеидзе, тов. председателя — Малиновский. Общую декларацию от имени всей фракции огласил 7 декабря 1912 г. Малиновский. Как сообщают большевистские источники, в выработке текста декларации принимал участие от большевиков «Коба» (Сталин), а «в основу речи Малиновского и декларации легли инструктивные указания Ленина».²⁸ Но депутат Бадаев вынужден был в своей книжке добавить существенный штрих: «Оглашение декларации было поручено Малиновскому, который, следуя указанию директора Департамента полиции

Белецкого, опустил при чтении ряд листков, содержащих, между прочим, пункты о всеобщем избирательном праве».²⁹

После консолидации с.-д. фракции в Гос. Думе было достигнуто принципиальное соглашение об издании единого органа печати. Это решение было сорвано Лениным, и Департаментом полиции. Тогда по предложению депутатов-меньшевиков (они составляли тогда «семерку») был найден компромисс: все с.-д. депутаты дали свои имена в качестве сотрудников и большевистской «Правды», и меньшевистского «Луча», — все, за исключением Малиновского, который отказался дать свое имя в меньшевистскую газету (конечно, этого требовали и Департамент полиции, и Ленин). Большевикам-депутатам (т. е. «шестерке») пришлось одобрить поведение Малиновского. Так, проводилась в жизнь общая политика Ленина и Белецкого: не допускать объединения.

Белецкий в Чрезвычайной Следственной Комиссии показывал: «Я знал, что делается в партийной среде, даже имел в своем распоряжении архив партии в течение ночи. Речи (депутатов) составлялись партией. Мы просматривали, и если они не отвечали направлению (т. е. направлению Департамента полиции! Г. А.) мы обсуждали, можно ли выступать или нет. Задача моего руководства заключалась в том, чтобы не дать возможности партии объединиться. *Divide et impera*. Наша политика сводилась к тому, чтобы два течения не могли слиться и представить собой крупную силу». Кстати, за опубликование общей декларации в Госуд. Думе «Правда» (№188) и «Луч» (№ 70) были подвергнуты суду, а редакторы газет были привлечены к судебной ответственности. Эта мера воздействия на печать усиленно практиковалась тогда. Так, следует отметить, что из вышедших в 1913 году 288 №№ меньшевистских газет — «Луч» и сменивших ее под другими названиями — подверглось 116 номеров административным преследованиям, из которых 77 были конфискованы, а 39 оштрафованы на 19.500 рублей, — причем редакторам за отсутствием денег пришлось отсидеть в тюрьме.³⁰

Из материалов по делу Малиновского, опубликованных в 1917 году,³¹ ясно, что руководство Департамента полиции производилось систематически. Так, перед конференцией в Кракове Малиновский выезжал во Владимирскую губернию,

чтобы передать приглашение одному из депутатов ехать к Ленину. Малиновский выехал в эту поездку по фальшивому паспорту на имя Генриха Эйвальда, выданному ему охранкой. Он сам тоже должен был ехать к Ленину за границу и перед отъездом получил ряд директив от вице-директора Департамента Виссарионова.

Виссарионов и показывал в Следственной Комиссии: «Малиновский представлял сведения о жизни фракции, об ее связях, о партийном органе, о расколе между большевиками и меньшевиками. Приносил письма Ленина, Крупской... проекты речей, планы. Говорил о предстоящих выездах членов фракции. После поездки за границу давал подробный отчет». Белецкий показывал, что когда Малиновскому было поручено поставить в Финляндии партийную типографию, то он, Белецкий, станок и шрифт взял у Малиновского в Департамент полиции и печатал на нем... циркуляры Департамента полиции.³²

Поведение Малиновского в Гос. Думе было всегда вызывающим. Доходило до того, — рассказывал Родзянко, — что его товарищи по председательствованию в Гос. Думе отказывались председательствовать во время речей Малиновского, — настолько они были резки, — между тем, как председатели Совета министров неоднократно намекали ему, Родзянко, на возможность роспуска Думы, если левым будет дана свобода слова.³³

Порой в недрах Департамента полиции возникали в связи с выступлениями Малиновского вопросы, — как бы вдруг не обнаружилась двойная его роль, — ведь тогда произойдет «грандиозная неприятность». Золотарев, товарищ министра внутренних дел, успокаивал Виссарионова и сказал, — пророчески сказал: «Я не думаю, чтобы с.-д. фракция стала подымать шум из-за Малиновского. Это не в интересах партии».³⁴ Когда председатель Следственной Комиссии, выслушав сообщения руководителей охранки о характере выступлений Малиновского с думской трибуны, спросил Белецкого в упор: И так, «тайный агент Департамента полиции призывал страну к революции?», Белецкий укрылся за дипломатическим ответом: «Именно до последнего предела, до призыва он никогда не доходил. Деятельность Малиновского была предупредительной».³⁵

5. ПРАВАЯ РУКА ЛЕНИНА

Малиновский после прохождения в Гос. Думу стал правой рукой Ленина, и без него не проходило ни одного центрального партийного совещания. Он принял участие в совещании в Кракове в декабре 1912 г. (т. н. февральское совещание 1913 г., — из конспирации), где главной задачей было объявление войны ликвидаторству. Малиновский выезжал опять к Ленину в Поронино на совещание, состоявшееся 22 сентября — 1 октября 1913 г. (из конспирации — т. н. августовское), где было принято решение расколоть с.-д. фракцию и порвать в Гос. Думе с депутатами-меньшевиками. Малиновский был уже признанным главой Русского Бюро Ц.К., он был также делегирован от большевиков в состав Международного Социалистического Бюро. Ему также было, дано поручение Ц.К. начать борьбу с провокацией в партии. Кстати, именно он кооптировал в Русское Бюро Сталина, которого он и выдал в Петербурге, как и Свердлова, в руки Департамента полиции.

О «летнем совещании» в Поронино, где обсуждался вопрос о расколе фракции, пишет Крупская в своих «Воспоминаниях о Ленине», давая яркую характеристику Малиновского: «Помню споры в нашей кухне, помню страстность... На этот раз Малиновский нервничал во всю. По ночам напивался пьяным, рыдал, говорил, что к нему относятся с недоверием. Я помню, как возмущались его поведением московские выборщики Балашов и Новожилов (оба были на совещании в Поронино. Г. А.). Почувствовали они какую-то фальшь, комедию во всех этих объяснениях Малиновского».³⁶

Крупская это писала задним числом уже после разоблачения Малиновского. Тогда, когда происходили эти совещания, и Ленин, и преданная ему до отказа Крупская видели все это в другом свете. Любопытно в этом отношении привести, что писал Горькому в январе 1913 года Ленин: «Малиновский, Петровский и Бадаев шлют вам горячий привет. Парни хорошие, особенно первый». В том же томе сочинений Ленина находим, между прочим, его письмо Горькому: «У нас один чудесный грузин засел и пишет для «Просвещения» большую статью, собрав все австрийские и пр. материалы»..., обнару-

жив, как хорошо он умел подбирать подходящих людей для своего партийного хозяйства.³⁷

Из имеющихся материалов становится совершенно ясным, что раскол с.-д. фракции был дружно задуман с обеих сторон — и в Департаменте полиции, и в большевистском центре. Заварзин удостоверяет, что Белецкий дал указание Малиновскому вызвать между думскими фракциями раскол... Сотрудник это поручение выполнил. Может быть, «до сего времени не догадались», что этот раскол был вызван и проведен «изложенным выше путем» — пишет он.³⁸ Ген. Спиридович в своей «Истории большевизма» пишет: «Мы, исполняя директивы и Ленина, и Департамента полиции, добились того, что в октябре 1913 года составлявшие думскую фракцию семерка и шестерка перессорились окончательно». Виссарионов на процессе Малиновского в 1918 г. уверял, что Малиновский вообще всю работу в Госуд. Думе «вел не по указанию Ленина, а под руководством Белецкого и Виссарионова». Если это так, то было бы интересно узнать, напр., по чьему почину Малиновский первым подписал в Госуд. Думе запрос о провокации в деле с.-д. фракции 2-ой Госуд. Думы, — по делу Шорниковой, сотрудницы охранки, — по почину Ленина или Департамента полиции? Последний мог это сделать только для поддержания престижа Малиновского в социалистической среде.

Но что сказать о наигранной наивности, с которой большевистский историк в 1957 году, Ф. И. Калинычев, в статье «Некоторые вопросы думской тактики большевиков» смакует то обстоятельство, что начальник губернского жандармского управления Петербурга в своем донесении в Департамент полиции отмечает «самую сильную сторону большевистской фракции 4-ой Думы — ее тесную связь с Ц.К. и В.И. Лениным». Эта фракция, пишет он, «получает указания непосредственно от членов Ц.К., для чего члены фракции выезжают за границу для свидания с Лениным» и т. д.³⁹ Что же, Калинычев не знает, что Малиновский по поручению Департамента полиции поддерживал эту связь с Лениным и что он же стоял во главе русской работы Ц.К.? У этих борзописцев, действительно, нет ни стыда, ни совести, а бумага все стерпит. Вообще большевистские историки в случае с Малиновским предпочитают стыдливо укрываться за формулой умолчания. Иногда эта тенденция принимает противоположные формы. Вот, напр., статья

«Нелегальная работа большевистской фракции 4-ой Гос. Думы», составленная на основании документов Департамента полиции. Но в этой работе, и даже в предисловии составителя нет ни одного слова о Малиновском, хотя он был и главным охранником, и председателем фракции, и членом Ц.К., и главой нелегальной работы, и доверенным лицом Ленина.⁴⁰

Большевик-депутат Ф. Самойлов рассказывает, как произошел раскол в с.-д. думской фракции под руководством Малиновского, действовавшего и в этом вопросе по поручению Департамента полиции и Ленина. Вначале большевики требовали «равенства» их шестерки с семеркой меньшевиков, — а когда меньшевики не согласились признать, что 7 голосов равняются 6-ти, — то Малиновский объявил раскол. В «За Правду» от 26 октября 1913 г. было опубликовано обращение депутатов-большевиков к рабочим, объясняющее необходимость раскола.⁴¹ А через 2 дня, в «За Правду» от 29 октября появилось сообщение о совершившемся факте и об образовании самостоятельной большевистской фракции в Гос. Думе.⁴² И Ленин, и Белецкий добились своего: и в Думе, — в единственном пункте, где социал-демократия была еще представлена в качестве единой представительницы рабочих России, — и там произошел раскол.

Осенью 1913 года после совещания в Поронино Ленин и Малиновский выехали в Париж. Ленин демонстрировал своего главного представителя, да еще рабочего, перед внешним миром. Имеются воспоминания об этом визите и выступлении Малиновского в Париже, опубликованные «румынско-болгарско-русским» большевиком Хонявко. Приведем несколько цитат из этих воспоминаний, рисующих актерский образ Малиновского.

«Вот вышел Малиновский... В зале полная тишина. Малиновский начал свой доклад... потом подошел к тому, как думская с.-д. фракция должна была разделиться вследствие разногласий на две самостоятельные фракции. Он тут же указал, что, несмотря на то, что Чхеидзе, как человек, заслуживает самого глубокого уважения... как политик, он не хотел целиком и полностью защищать интересы рабочих... Фракция т. н. ленинцев не могла мириться и решилась отделиться от сторонников Чхеидзе... В прениях выступали Луначарский, Алексинский, Павлович... с яркими нападками на Малиновского, об-

виняя его в расколе думской фракции»... «А в это время за кулисами, — продолжает наш мемуарист, — произошла трагическая картина: Малиновский плакал навзрыд (подчеркнуто автором), как маленький ребенок и так долго, что прения уже были закончены, а Малиновский все еще не мог придти в себя... Когда же Малиновский вышел на трибуну, все еще плача и вытирая глаза, он заявил, что... исполнил долг революционера» (когда расколол с.-д. фракцию в Гос. Думе).⁴³

В том же 1913 году Малиновский продолжал усердно обслуживать Департамент полиции. 29 июня — 2 июля в Москве был созван 4-ый Всероссийский съезд торговых служащих, проходивший под председательством А. Ф. Керенского. Лидером «марксистской группы» на съезде был Малиновский, и именно за резкие выступления Малиновского (действовавшего по инструкции Белецкого) съезд был закрыт администрацией 3-го июля. Одновременно по доносу Малиновского были произведены аресты социалистов, руководивших подготовкой и работами съезда.

Особого внимания заслуживает эпизод с выборами Малиновского в Госуд. Думу, — очень характерный для нравов, царивших в Департаменте полиции, — о нем следует сказать еще несколько дополнительных слов. Ленин наметил кандидатуру Малиновского в депутаты на Пражской конференции в январе 1912 года. Департамент полиции, с ведома министра внутренних дел Макарова и его товарища Золотарева, положительно поддержал эту мысль. Когда в Следственной Комиссии председатель спрашивал Виссарионова: — «Вы понимаете, что вы делали? Ведь вы довели вашего агента из охранного отделения до степени члена законодательной палаты!», — Виссарионову только оставалось пролепетать: «Малиновский производил впечатление человека разумного, толкового...»,⁴⁴ т. е. охранка рассчитывала его использовать и в Думе в своих интересах, — в интересах охраны.

Уголовное прошлое стояло на пути выдвижения Малиновского кандидатом в выборщики в Госуд. Думу. Статья 9-ая положения о выборах не допускала его избрания. Но это препятствие было без особого труда преодолено. От московского губернатора Джунковского воровское прошлое было скрыто,

но градоначальник ген. Адрианов был осведомлен — и не возражал.⁴⁵ Виссарионов, который ведал выборами Малиновского, счел нужным 6 октября 1912 года обратить внимание директора Департамента полиции, Белецкого, что «известное вам лицо» в 1902 году отбывало наказание за кражу со взломом, — за кражу в третий раз, — как на препятствие к кандидатуре Малиновского. Белецкий телеграфировал (шифрованной телеграммой) начальнику московского охранного отделения Мартынову: «Вопрос об участии известного вам лица в выборах предоставьте его естественному ходу». Мартынов ответил телеграфно: «Дело предоставлено естественному ходу. Успех обеспечен», а 26 октября сообщил: «Исполнено успешно»⁴⁶. Было еще одно препятствие: у Малиновского оказался конкурент, рабочий М. Кривой, — но охранное отделение арестовало его на время выборов. Были и другие серьезные трудности (у Малиновского отсутствовал шестимесячный стаж на работе), — но с ними справились без церемоний. Мартынов поручение Департамента полиции выполнил аккуратно, — тем более, что он знал, что и министры Макаров, Золотарев, Н. Маклаков и чины полиции, как Брюн-де-Сент-Ипполит и др. все одобряли этот план. Правда, на допросе в Следственной Комиссии 1917 года А. Макаров не мог ничего припомнить по этому поводу. Когда член Комиссии Ф. И. Родичев его спросил: — А разве ему были неизвестны сведения о выборщике, судившемся за кражу, и он содействовал его прохождению только потому, что этот выборщик «желателен правительству», — Макаров ответил: — Я этого распоряжения не делал. Я такого обстоятельства не помню.⁴⁷

6. СЛУХИ О ПРОВОКАЦИИ

В них не было недостатка. Н. Крупская в своих воспоминаниях рассказывает: «Слухи о провокации Малиновского ползли уже давно; шли они из меньшевистских кругов, были серьезные подозрения у Е. Ф. Розмирович: в связи с ее арестом — она работала при думской фракции — жандармы оказались осведомленными о таких деталях, которые иначе, как путем провокации, нельзя было им узнать. Были какие-то сведения у Бухарина. Владимир Ильич считал совершенно неве-

роятным, чтобы Малиновский был провокатором. Раз только у него мелькнуло сомнение. Помню как-то в Поронине, когда мы возвращались от Зиновьевых и говорили о ползущих слухах, Ильич вдруг остановился на мостике и сказал: «А вдруг правда?» И лицо его было полно тревоги. «Ну, что ты!» — ответила я. Ильич успокоился, принялся ругательно ругать меньшевиков за то, что те никакими средствами не брезгают в борьбе с большевиками».⁴⁸

Ленин решительно отбрасывал все подозрительные слухи, возникавшие вокруг Малиновского. И он, и Крупская всемерно защищали его от порочащих слухов. Крупская потом признавалась: «В первую минуту Малиновский мне очень не понравился. Глаза показались какими-то неприятными, не понравилась его деланная развязность».⁴⁹ Ни рассказы его, в которых «ложь смешивалась с правдой», ни неровное поведение его, ни пьянство, которому он предавался, — да, вероятно, и наличие у него свободных средств, которое не могло не бросаться в глаза, — все это не вызывало у Ленина с его женой никаких сомнений. Приведем еще страничку из ее воспоминаний:

«Малиновский много рассказывал о своих объездах Московской губернии. Помню его рассказы о том, как на одном из собраний присутствовал городской, очень внимательно слушал и старался услужить. И, рассказывая это, Малиновский смеялся».

«Между прочим, Малиновский рассказывал и о том, почему он пошел добровольцем в русско-японскую войну: когда во время призыва проходила мимо демонстрация, — как он не выдержал и сказал из окна речь, как был за это арестован и как потом полковник говорил с ним и сказал, что он его сгноит в тюрьме, если он не пойдет добровольцем на войну. У него не было иного выхода».

«Рассказывал также, что жена его была верующей, и когда она узнала, что он — атеист, она чуть не кончила самоубийством».

«Странны были рассказы Малиновского. Несомненно, доля правды в них была. Он рассказывал о пережитом, очевидно, только не договаривал до конца, неверно излагал многое. Я потом думала: может быть, вся эта история и правда,

и, может, она и была причиной, что по возвращении с фронта ему поставили ультиматум: или стань провокатором, или иди в тюрьму. Жена его действительно что-то болезненно переживала, покушаясь на самоубийство, но, может быть, причина покушения была другая, подозрение мужа в провокации». «В рассказах Малиновского лож перемежалась с правдой. Это придавало им характер правдоподобности»⁵⁰.

Такое же неблагоприятное, если не отталкивающее впечатление от Малиновского передает А. К. Цветков-Просвещенский: «Во время разговора на рябоватом лице Малиновского бегали возбужденные глаза и, жестикулируя, он... решительно и возбужденно отчеканивал фразы. Что бросалось в глаза это — пристрастие Малиновского к водке. Нередко перед своими выступлениями в Думе он залпом выпивал чайный стакан водки. Часто бывал вспыльчив и раздражителен».⁵¹

У политических противников, в профессиональном движении или в Гос. Думе, — признававших энергию и активность Малиновского, его способности и ораторское дарование, — однако, в общем складывалось к нему неблагоприятное отношение. Н. С. Чхеидзе в своих показаниях перед Чрезвычайной Следственной Комиссией говорил о нем, как о «карьеристе, который не остановится ни перед какими средствами для своей карьеры»⁵², как о человеке «в высшей степени тяжелом и до болезненности самолюбивом». Видный деятель профдвижения, меньшевик П. Н. Колокольников (тов. министра труда при Временном Правительстве), знавший Малиновского еще в 1907-08 г.г., в своих воспоминаниях тоже говорит о Малиновском, как «очень честолюбивом, легкомысленном, мелочном и взбалмошном человеке... Дружеских отношений у Малиновского ни с кем из постоянных работников Союза (металлистов) не было».⁵³

Все эти штрихи к характеристике личности Малиновского, конечно, были недостаточны для того, чтобы заподозрить его в провокации. Но время от времени в большевистской среде, особенно в связи с происходившими арестами и разгромом организации, возникало подозрение в отношении Малиновского. Так, в Москве в апреле 1910 г. Малиновский, арестованный среди прочих, был 23 мая уже освобожден, и естественно пошли слухи неблагоприятные о нем, когда под

арестом остались Н. И. Бухарин и другие большевики. Бухарин затаил о нем подозрение, и когда в 1912 году, после бегства из ссылки приехал в Галицию, он не скрывал от Ленина своих подозрений и привел те основания, которые в Москве заставили его насторожиться насчет Малиновского и заподозрить, что он был заинтересован в аресте ряда видных большевиков, чтобы самому занять их место. Когда Малиновский тоже приехал к Ленину, и Бухарин с ним там встретился, — он вновь изложил Ленину свои подозрения, но Ленин категорически их отвел и потребовал от Бухарина, чтобы тот не смел обвинять Малиновского, главу нелегальной большевистской работы, в провокации. Бухарин покорился. Об этом периоде потом напечатал Бухарин в «Правде» уже после смерти Ленина, подробно описав, как Ленин делал хорошую мину при плохой игре, — всячески выгораживая Малиновского от неприятных подозрений.⁵⁴

В 1913 году А. А. Трояновский, тоже близкий в то время к Ленину человек, вновь выдвинул обвинения против Малиновского. Вместе с Бухариным он потребовал расследования вопроса о провокации в Центральном Комитете большевиков. У Трояновского были дополнительные основания для этого обвинения в связи с арестом его жены, Елены Розмирович, выехавшей из-за границы в Россию для того, чтобы стать секретарем большевистской фракции в Госуд. Думе. Его недоверие к Малиновскому достигло высокой степени, и он прибег к следующему «трюку»: он отправил заказное письмо отцу своей жены в Киев, в котором он писал, что ему известно имя провокатора, выдавшего его жену и что скоро он с ним рассчитается. Так как на письме Трояновский, эмигрант, бежавший из России, в свое время участвовавший в военном восстании, проставил свой обратный адрес, — то Департамент полиции письмо его в порядке перлюстрации вскрыл, — что ему только и надо было: он рассчитал, что провокатор будет оповещен, и Розмирович отпущена на свободу. Удавшийся «трюк» подтвердил его подозрения о Малиновском. Но Ленин продолжал отбрасывать всякие подозрения и стоял горой за Малиновского.

Кроме большевиков, шли и во вражеском лагере слухи о Малиновском. Так, «Наша рабочая газета» меньшевиков получила анонимное письмо с обвинениями Малиновского в про-

вокации. Чхеидзе и Скобелев, депутаты-меньшевики, тоже получили анонимное письмо. Получила анонимное письмо о Малиновском также и Л. О. Дан, связанная в ту пору с с.-д. фракцией Госуд. Думы. Вот что рассказывает Л. О. Дан по поводу возникших тогда слухов о Малиновском: — В 4-ую Гос. Думу был выбран депутат от Варшавы, по списку «левицы» ППС и Бунда, Ягелло, вошедший в с.-д. фракцию и примыкавший к меньшевикам. Ягелло плохо ориентировался в обстановке, к тому же плохо говорил по-русски. Снял он комнату в квартире Л. О. Дан, а для «работы» с ним прибыли из Варшавы два представителя «левицы», Павел Лапинский и Вера Кошева и представитель Бунда — Бронислав Гроссер. Вскоре Гроссер заболел тифом и умер, Кошева уехала в Варшаву, а «для работы» с Ягелло остался один Лапинский. Внезапно Лапинского арестовали. Арест его вызвал подозрения: не торчит ли здесь большевистское «шило», непричастен ли к этому Малиновский? Ведь думские большевики были заинтересованы в том, чтобы не дать большинства в с.-д. фракции — меньшевикам, — а также в том, чтобы от польских рабочих не выступил в Думе — меньшевик. Борьба «за Ягелло» тогда разгоралась, — и в связи с этим появилось в меньшевистской печати письмо за подписью Ц., в котором впервые были высказаны подозрения о провокации среди большевиков и выдвинуто требование о необходимости расследования. Так как Л. О. Дан — урожденная Цедербаум (она — сестра Ю. О. Мартова), — то большевики решили, что именно она является автором письма (на самом деле это был — член «левицы» Циоглинский), и при встречах с нею во фракции представитель большевиков Василий или Васильев (под этой кличкой тогда действовал Сталин; среди меньшевиков его называли: Иоська или Васька Корявый) — потребовал под угрозой «прекращения травли». Вскоре после того Сталин был выдан вслед за Свердловым охранке и Малиновский стал единоличным главой и фракции и большевистского центра.⁵⁵

Слухи и подозрения о Малиновском естественно поползли широким потоком немедленно после внезапного его ухода из Госуд. Думы. Меньшевистская «Наша Рабочая Газета» настаивала на судебном расследовании — партийном или межпартийном. Трояновский и другие большевики тоже требовали этого. Лидеры меньшевиков, Ю. О. Мартов и Ф. И. Дан, про-

живавшие тогда в Петербурге и рисковавшие своей безопасностью, выступили за своими подписями с обвинениями и потребовали, чтобы Малиновский подвергся судебному разбирательству.

Ленин и его окружение стали стеной на защиту Малиновского и обрушились со всей своей полемической яростью на «клеветников». 25 мая появилось в «Правде» заявление Малиновского: «Хотя по личным причинам я отказываюсь от политической деятельности, я остаюсь, однако, сторонником большевизма. Черносотенцев я привлекаю к суду. Мартова и Дана я призыву к ответу в официальном суде свободной страны, если они осмелятся за своими подписями выступить с прямыми обвинениями».

Тогда же, 25 мая, в «Правде» появилось заявление-телеграмма за подписью Ленина, Зиновьева и Ганецкого: «Мартов и Дан грязные клеветники, распространяющие всегда темные слухи о своих противниках. Мы требуем от них прямых обвинений за своими подписями. Руководящие учреждения расследовали слухи и абсолютно уверены в политической честности Малиновского».

Депутаты-большевики в свою очередь выступили в защиту Малиновского, опубликовав следующее заявление: «За всю деятельность Малиновского среди социал-демократии не было с его стороны никаких действий или поступков, роняющих его, как общественного деятеля и человека. У фракции нет никаких оснований предполагать что-либо дурное по поводу его ухода».

«Когда Малиновский сделал шаг, который сам же вскоре должен был признать глубоко ошибочным (то есть уход из Думы), — нет той грязной клеветы, которую ликвидаторы не подобрали бы в мусорной куче черносотенных газет и не бросили бы в бывшего депутата», писал Ленин.

С возмущением писали московские большевики о ликвидаторах, «бросающих вдогонку ушедшему депутату грязные клеветы».

В большевистской «Трудовой Правде» большевики писали: «Останавливаться на слухах и на простой клевете про-

тив Малиновского... мы не находим нужным, потому что они всегда распускаются с бессовестной целью и всегда оказываются несправедливыми».⁵⁶

Ленин писал: «Что сделала «Наша Рабочая Газета»? Она распространяла анонимные слухи и темные намеки насчет будто бы провокации Малиновского. Ни одного имени обвинителя не было названо. Ни одного темного факта не было приведено, ни единой улики (ни имени, ни провала) не было указано... Малиновский не объяснил ни своего ухода, не предупредил о нем. Это делает его шагом дезертира. Мы дезертира удалили и осудили его. И точка... Дело кончено».⁵⁷

В помощь был также вызван В. Бурцев, прославившийся разоблачением Азефа. «Трудовая Правда» напечатала заявление Бурцева: «Зная лично Малиновского, не могу допустить даже возможности, чтобы такие обвинения имели какое-либо основание».⁵⁸ Это не помешало тому же Бурцеву припомнить в Чрезвычайной Следственной Комиссии, что «в январе 1914 года Малиновский был у него в Париже с письмом от Ленина, чтобы поговорить о борьбе с провокацией. Он поручил ему расследовать дело Житомирского-Отцова, но Малиновский обещания не выполнил», и Бурцев в сущности уже начал подозревать и Малиновского.⁵⁹

7. ЛЕНИН ТРИЖДЫ РЕАБИЛИТИРУЕТ МАЛИНОВСКОГО

Сложив полномочия члена Госуд. Думы, получив 6.000 рублей своего годового жалованья в Департаменте полиции и заграничный паспорт, Малиновский едет... к Ленину. Почему к Ленину? Зачем? На что он рассчитывает? Дело темное, даже загадочное. Казалось бы, разоблаченный в Гос. Думе провокатор, ставший лишним человеком, бесполезным сотрудником для охранки, — больше не может выполнять своих функций агента Департамента полиции. Но может ли он переключиться и стать «настоящим большевиком», верным орудием Ленина? Хотя это звучит авантюрой, — но ведь на то Малиновский — авантюрист. И вместо того, чтобы ехать в Канаду или Африку, — потом об этом пойдет речь на суде Революционного Трибунала в 1918 г., — Малиновский идет на последний риск, к Ленину.

Что произошло между ними, между Малиновским и Лениным, неизвестно и, по-видимому, никогда в точности не будет известно. Прежде всего Малиновский, очутившись у Ленина, опубликовал под его диктовку в «Правде»: «Хотя по личным причинам я отказываюсь от политической деятельности, я остаюсь, однако, сторонником большевизма. Черносотенцев я привлекаю к суду. Мартова и Дана я призыву к ответу в официальном суде свободной страны, если они осмелятся за своими подписями выступить с прямыми обвинениями».⁶⁰

Тогда же за подписью Ленина, Зиновьева и Ганецкого появилась телеграмма, в которой от имени партии было дано речательство за «политическую честность» Малиновского, а Мартов и Дан объявляются «грязными клеветниками». Эта вышепоименованная тройка и конституировалась в качестве суда над Малиновским, назначенного «руководящими учреждениями партии». Что было на этом суде — неизвестно. Впоследствии на процессе Малиновского в Революционном Трибунале говорилось о том, что на этом суде были заслушаны показания свидетелей и самого Малиновского, и велась протоколы, составившие объемистую книгу во много сотен листов, — никогда не были опубликованы ни отчет об этом суде, ни протоколы, ни эта объемистая книга. Ясно только одно, что, выслушав объяснения Малиновского, Ленин и компания реабилитировали Малиновского.

Спустя короткое время после этой реабилитации Ленин писал в докладе, представленном им совещанию русских с.-д. при Международном Социалистическом Бюро в Брюсселе 16-17 июня 1914 года: «Газета ликвидаторов принялась (после ухода Малиновского из Государственной Думы) печатать анонимные слухи о провокаторстве Малиновского, требуя межфракционного расследования их. Наш Ц.К. заявил, что он ручается за Малиновского, расследовал слухи и ручается за бесчестное клеветничество Дана и Мартова».

После реабилитации Малиновского, рассказывает в своих воспоминаниях Н. Крупская, «совершенно выбитый из колеи, растерянный Малиновский околачивался в Поронине». Почему растерянный? Казалось бы, он должен был быть настроен празднично. Как он впоследствии показывал в Революционном Трибунале, у него были основания чувствовать себя выбитым

из колеи. «Приехав за границу к центрам партии, он первоначально хотел во всем сознаться, по крайней мере, готов был сделать это, и не сознался, потому что ему слишком верили».⁶¹ Вот причина его растерянности. И Крупская продолжает: «Куда он делся из Поронина — никто не знал».⁶² Это неверно, ибо из Поронина он поехал в Париж. С клеймом реабилитированного провокатор чувствовал себя весьма уверенно.

Об этом живописно рассказал А. Шаповал: «Малиновскому удалось обмануть партийную комиссию и самого Ленина, — пишет Шаповал. — С необыкновенной ловкостью Малиновский сумел представить обвинение против него, как меньшевистскую интригу. После реабилитации Малиновскому было в Париже устроено торжественное публичное заседание. Речь Малиновского, говорившего об условиях работы в Госуд. Думе, дышала такой искренностью, что у меня не могло явиться и тени сомнения в его преданности интересам партии».⁶³

Шаповал попутно отмечает, что в этот период ему пришлось встречаться еще с двумя провокаторами в большевистской среде: Житомирским и Черномазовым. Против обоих были подозрения, но им не давали ходу...

У некоторых большевиков на периферии совесть была все же беспокойной. Вл. Деготь в этом смысле довольно характерен. В своей книжке «Под знаменем большевизма» — «Записки подпольщика» в издании 1927 года он пишет о Малиновском:

«Когда Малиновский сложил свои депутатские полномочия, со стороны меньшевиков раздалось обвинение его в провокаторстве. Я в душе был уверен, что они правы, но выступил, как и другие, в защиту его, так как думал, что эти нападки нужны были меньшевикам для того, чтобы дискредитировать нашу партию». В издании этой же книжки спустя несколько лет слова о том, что автор «в душе был уверен, что они правы», т. е. что Малиновский, как утверждают меньшевики, провокатор, — опущены. В первом и даже втором издании книги Вл. Деготя напечатано, что и лицо у Малиновского было «рябое, отталкивающее» и что доклад его «определенно не понравился». В третьем издании автор ограничивается лапидарным указанием: «Конечно, парижским эмигрантам... не понравилось четкое выступление Малиновского».⁶⁴

В это время вспыхнула первая мировая война, снявшая

с порядка дня все вопросы о провокациях, вопрос о Малиновском. Сам герой исчез с горизонта. Оказалось, что Малиновский вернулся в Россию и зачислился в армию. Прошло несколько месяцев, и московское «Русское Слово» сообщило, что бывший депутат 4-ой Госуд. Думы, сложивший, как известно, свои полномочия, Р. В. Малиновский убит в одном из сражений в Галиции.⁶⁵ Ленин воспрянул духом и нашел, что момент самый подходящий для повторной реабилитации Малиновского. В своем органе «Социал-Демократ» Ленин опубликовал сообщение о смерти Малиновского на войне, — некролог (без подписи), в котором, между прочим, было напечатано: «Да, Малиновский совершил в мае 1914 года непростительный грех перед рабочим движением. И за это наша партия беспощадно осудила его самой тяжелой карой, поставив его вне рядов... Но одно мы обязаны выполнить после его смерти, — уберечь его память от злостной клеветы, очистить его имя и его честь от позорящих наветов». «Роман Малиновский был честный человек и обвинения против него были грязным вымыслом». «Комиссия, назначенная Ц.К. РСДРП, единогласно пришла к безусловному и непоколебимому убеждению в том, что Р. В. Малиновский был политически честным человеком и что легенда о провокации создана сознательными клеветниками».⁶⁶

Не успела еще высохнуть типографская краска прочувствованного некролога Ленина Малиновскому, как прибыло новое известие о провокаторе. Парижский «Голос» под названием «Малиновский жив» передал сообщение «Киевской Мысли»: б. депутат Р. Малиновский не убит и находится в армии.⁶⁷

Но пребывание на фронте, по-видимому, продолжалось недолго. Малиновский попал в плен в Германию, оттуда списался с Лениным и в течение войны поддерживал с ним и переписку, и отношения. Есть одно указание в этом направлении, принадлежащее перу весьма осведомленного автора, подтверждающее факт тесных отношений большевистского центра с военнопленным Малиновским. «Как видно из писем Ленина, имеющих в деле Верховного Революционного Трибунала о Малиновском, — читаем мы, — Малиновский на-

ходил в личной переписке с Лениным, Зиновьевым и Крупской, выполняя партийные поручения по ведению большевистской пропаганды среди военнопленных». Из других материалов о времени пребывания Малиновского в немецком плену мы ограничимся приведением только одной заметки, появившейся после революции 1917 года в газете «Единство». Вот что мы там читаем о Малиновском, к тому времени уже разоблаченном провокаторе: «Подлец, возвращаясь из-за границы, был застигнут мобилизацией в Варшаве и попал в один из гвардейских полков. Разумеется, он скоро постарался лопасть в плен и там быстро устроился на том же знакомом ему поприще. После предательства товарищей, он стал предавать родину. Германское правительство приняло Малиновского на службу и поручило ему германофильскую и пораженческую пропаганду в лагерях для военнопленных»⁶⁸. Солдат Н-го Капорского полка, В. Виноградов, возвратившийся инвалидом из германского плена, свидетельствует, что видал Малиновского в лагере «Альтен-Грабов» и что Малиновский пользуется большим почетом среди немецких офицеров».⁶⁹

Самый факт тесных сношений Ленина с Малиновским в годы войны подтверждается 3-й реабилитацией провокатора, которую Ленин счел необходимым сделать — и — когда? — 31 января 1917 года, за месяц до революции. Вот текст заявления, сделанного Лениным в центральном органе РСДРП «Социал-Демократ», которое должно было окончательно положить конец всяким подозрениям в провокации Малиновского.

«Некоторые либеральные газеты в России сделали вид, будто они поверили провокаторским словам Маркова П, сказавшего с думской трибуны, что бывший депутат Р. В. Малиновский состоял на службе у русского правительства.

Мы считаем нужным заявить следующее:

Немедленно после сложения думских полномочий Малиновский приехал в Галицию, где жили тогдашние «правдисты». После первых же газетных слухов о «провокации» Малиновский потребовал рассмотрения обвинения против него товарищами. Центральный Комитет нашей партии назначил комиссию из трех лиц: 1) Я. Ганецкого (польский с.-д.), 2) Г. Зиновьева, 3) Н. Ленина. Комиссия эта допросила ряд

свидетелей (в том числе одно лицо, которому переданы были обвинения первыми обвинителями) и самого Малиновского. Комиссия выяснила всю биографию Малиновского, собрала письменные показания целого ряда товарищей, составивших много сот страниц; установила неприглядную роль определенных лиц в распространении неверных слухов и приготовила к печати обстоятельное заключение. Опубликованию его помешало только закрытие «Правды». Комиссия пришла к единогласному убеждению, что обвинения в провокации абсолютно вздорны».⁷⁰

8. ЭПИЛОГ

31 января 1917 года Ленин счел нужным публично выступить в защиту Малиновского. «Обвинения в провокации абсолютно вздорны»... — Он «абсолютно уверен в политической честности Малиновского». Февральская революция, раскрыв архивы Департамента полиции, не только разоблачила большевистского Азефа, одного из самых отвратительных провокаторов в недрах большевизма, нагло, при помощи начальства, пробравшегося в Государственную Думу, — революция изобличила рьяного защитника Малиновского, вскрыв «абсолютную вздорность» его настойчивых попыток убедить весь мир (и самого себя?) в том, что Малиновский, — на зло всем «клеветникам», остается честным человеком и преданным большевиком. Ленин прибыл в Россию в ночь с 3 на 4 апреля, а в мае ему пришлось давать показание по делу Малиновского у следователя Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. К тому времени вопрос о выяснении всех обстоятельств реабилитации Малиновского, которую Ленин трижды проводил от имени большевизма, вызывал живой интерес в общественном мнении, особенно в социалистических кругах. Этому, между прочим, способствовала телеграмма Трояновского, который в годы войны за границей радикально разошелся с Лениным, отчасти в связи с тенденцией Ленина всячески покрывать Малиновского. Трояновский телеграфировал из Лозанны в апреле 1917 года: «Еще летом 1913 года многие товарищи настаивали на выяснении поведения Малиновского. Ленин и Зиновьев отвергли

это требование и взяли на себя полную ответственность. Подробности возмутительны. Необходимо расследование».⁷¹

Как же повел себя Ленин на допросе по делу Малиновского, когда был вызван к следователю Чрезвычайной Комиссии Н. А. Колоколову? Вот что, между прочим, написал Ленин 26 мая 1917 года:

...«Чтобы иметь в руках все нити подготавливаемого (большевиками) восстания, стоило с точки зрения охранки, пойти на все, чтобы провести Малиновского в Государственную Думу и в Центральный Комитет. А когда охранка добилась того и другого, то оказалось, что Малиновский превратился в одно из звеньев длинной и прочной цепи, связывавшей нашу нелегальную базу с «Правдой» и с думской с.-д. фракцией. Эти оба органа провокатор должен был охранять, чтобы оправдать себя перед нами. Оба эти органа направлялись нами непосредственно, ибо я и Зиновьев писали в «Правду» ежедневно, а резолюции партии определяли целиком ее линию. Малиновский мог губить и губил ряд отдельных лиц. Роста партийной работы он ни остановить, ни контролировать, ни «направлять» не мог. Я бы не удивился, если бы в охранке среди доводов за удаление Малиновского из Думы всплыл и такой довод, что Малиновский на деле оказался слишком связанным с «Правдой» и с фракцией, которые вели революционную работу в массах, чем это терпимо было для охранки».

Рукопись показания Ленина полностью не опубликована. Хранится она в Институте Ленина в Москве, и только в отрывках приведена б. депутатом-большевиком А. Бадаевым.⁷²

Значение этого показания Ленина по делу Малиновского бесспорно. Ленин намечает в своем показании директиву по партийной линии и указывает смущенному сознанию большевиков, как надо правильно распределить свет и тени в деле Малиновского. Смысл этой директивы ясен: если с одной стороны Малиновский был полезен Департаменту полиции, то — с другой стороны он был полезен и Ленину — и, пожалуй, большевикам он был более полезен. Департамент полиции в случае с Малиновским совершил ошибку, а Ленин — выиграл. И если Ленин в своем показании всего этого полностью не договаривал, то интерпретаторы расшифровали его мысль полностью и до конца.

Бесхитростный А. Бадаев, который опубликовал показание Ленина в своей книге, принял на веру директиву Ленина и сделал из нее надлежащие выводы. Вот как он истолковывает дело Малиновского:

«Малиновский был и остается в истории, как один из самых крупных провокаторов и предателей... В деле Малиновского есть, однако, один момент, показывающий, что деятельность Малиновского имела и обратную, вредную для царского правительства сторону. В двойственной игре, которую вел Малиновский, вторая его роль, как члена большевистской фракции, заставляла Малиновского выступать с думской трибуны с революционными речами, вести соответствующую агитацию и т. д.... В тот период... эта деятельность давала нужный для нас результат. Волей-неволей царское правительство лило воду на мельницу революции».⁷³

Обвинитель Малиновского в Революционном Трибунале Крыленко — колеблясь, как отнестись к Малиновскому и, может быть, не зная, что решит в этом деле Ленин, — в своей речи счел нужным отметить двойственный характер деятельности Малиновского, как одно из смягчающих обстоятельств в его пользу, — действуя в согласии с директивой Ленина. «Товарищи, — говорил Крыленко на суде, — всем известно, что исторически еще не решен вопрос, чего больше — вреда или пользы для революции принес Малиновский... В этом, — добавил оратор, — оправдание и излишней доверчивости наших партийных центров».⁷⁴

Самому Ленину пришлось вновь формулировать свое отношение к деятельности Малиновского спустя два года после расстрела Малиновского, и для того, чтобы объяснить и оправдать свое собственное поведение в этом деле, свою настойчивость в деле реабилитации провокатора, — он счел нужным в одной из своих работ 1920 года повторить эту «теорию» о том, что «польза» от Малиновского большевикам превышала «вред», приносимый им. В «Детской болезни левизны в коммунизме» Ленин писал:

«В 1912 году в Ц.К. большевиков вошел провокатор Малиновский. Он провалил десятки и десятки лучших и преданнейших товарищей, подведя их под каторгу и ускорив смерть многих из них. Если он не причинил еще большего зла, то потому, что у нас было правильно поставлено со-

отношение легальной и нелегальной работы. Чтобы снискать доверие у нас, Малиновский, как член Ц.К. и потом и депутат Думы, должен был помогать ставить легальные ежедневные газеты, которые умели и при царизме вести борьбу против оппортунизма меньшевиков, проповедывать основы большевизма в надлежащем образом прикрытой форме. Одной рукой отправляя на каторгу и на смерть десятки и десятки лучших деятелей большевизма, Малиновский должен был другой рукой помогать воспитанию десятков и десятков тысяч новых большевиков через легальную прессу».⁷⁵

Так вся эта эпопея Малиновского, с легкой руки Ленина, и расценивается большевистской историографией. Малиновский был провокатор, — но он был также большевик, — порой большевик поневоле. Из-под власти Ленина провокатору уйти не удалось. Ленин вынуждал его приносить «пользу» революции, и Департамент полиции заблуждался, думая, что Малиновский, платный его сотрудник, — осуществляет через него руководство «правдизмом», большевистской фракцией, русским бюро Ц.К. и держит под стеклянным колпаком всю деятельность и все планы Ленина. Нет, в этой борьбе за «душу Малиновского» Ильич оказался сильнее. Так пытается Ленин оправдаться перед историей в деле провокатора Малиновского.

Верховный Революционный Трибунал в Москве, разбиравший дело Малиновского, должен был в какой-то мере пролить свет на это дело. Процесс в Верховном Трибунале состоялся 5 ноября 1918 г. Председательствовал Карклин, защищал правозащитник Оцеп, обвинял Крыленко. Ленин присутствовал на процессе. Ольга Аникст в своих воспоминаниях рассказывала, что Ленин взволнованно переживал все детали процесса. Малиновский держал на суде шестичасовую речь. Протоколы суда никогда не были опубликованы. Речь обвинителя Крыленки — быть может, единственный документ, дающий представление о процессе. Как известно, Малиновский был приговорен к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение в ночь с 5-го на 6-е ноября. Как сообщает Вл. Деготь, Малиновский обратился с письмом к Ленину, прося сохранить ему жизнь, но просьба его оставлена была без внимания.

И все-таки после всего этого сложного и темного дела

возникает вопрос, на который ответа не имеется и, может быть, никогда и не будет: почему Малиновский, провокаторская роль которого была вскрыта генералом Джунковским, сложив свои полномочия члена Гос. Думы, получив деньги и паспорт, вероятно, на чужое имя, от Департамента полиции,— вместо того, чтобы скрыться в Канаду или Африку, скрыться, как это сделал в свое время Евно Азеф, — почему он поехал к Ленину, в Галицию? Вероятно, он это сделал в надежде добиться прощения или даже реабилитации? Отчасти проливает свет на эту загадку то место из его речи, которое цитирует Крыленко: «Приехав за границу к центру партии, первоначально хотел во всем сознаться, по крайней мере, готов был сделать это, — рассказывал Малиновский, — и не сознался потому, что ему слишком верили». Быть может, этот рассказ Малиновского следует несколько перетолковать. Может быть, на деле он сознался Ленину, принес повинную ему наедине, — и Ленин, этот расчетливый калькулятор, сообразил по своей двойной бухгалтерии, что даже провокатор может еще пригодиться в его большом партийном хозяйстве» — тем более обезвреженный провокатор?

Второй вопрос, связанный с первым, возникает в связи с приездом Малиновского из немецкого плена в Советскую Россию. Он был в переписке с Лениным. Он явился добровольно. Быть может, он рассчитывал опять, что Ленин вновь его простит, более того, использует для диктатуры, для победившей большевистской власти? Мимо этого вопроса не мог пройти его обвинитель в Трибунале. Крыленко восклицает в своей речи: «Зачем зная свои преступления... в силу каких психологических оснований, на что рассчитывая, добровольно явился и сам отдался в руки властей Роман Малиновский?»⁷⁶ Крыленко мучил, видимо, этот вопрос, он возвращается к нему, вновь ставит его: в самом деле, как это решился разоблаченный провокатор вернуться? Крыленко отвечает на этот вопрос: Малиновский рассчитывал: «А вдруг помилуют? А вдруг — выйдет? Это — последняя карта и последний риск, и старый авантюрист решил: революционеры не злопамятны, авось — выйдет?»⁷⁷

Обвинитель не в состоянии решить загадку добровольного возвращения Малиновского, — потому что он не в состоянии разрешить загадки, связанной с встречей Малинов-

ского с Лениным в Галиции в мае 1914 года, которая, возможно, навеки связала Ленина с Малиновским, большевизм с Малиновским. Присутствуя на суде, Ленин мог приподнять краешек завесы над темной историей своих отношений с Малиновским, — и не сделал этого. Возможно, что он отрекся от Малиновского, предал его казни и освободился от него, — именно для того, чтобы избежать компрометации и себя, и своей революции...

Когда задумываешься над этой историей, невольно, контраста ради, переносишься в далекие времена Народной Воли, когда Дегаев выдал Веру Фигнер тогдашней главе тайной полиции, Судейкину. Желая искупить свое преступление и действуя под давлением Германа Лопатина, Дегаев убил тогда Судейкина и с помощью революционеров бежал за границу. Один из мемуаристов этой эпохи, И. И. Попов, вспоминая о дегаевщине, говорит, что «в способе ликвидации случая с Дегаевым было что-то шекспировское».⁷⁸ Нет, в деле Малиновского большевики никак не проявили черт шекспировских героев.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Стенографический отчет 78-го заседания Госуд. Думы от 8 мая 1914 г., стр. 263.
2. Ф. Самойлов. «По следам минувшего». Воспоминания старого большевика. Москва, 1934 г.
3. А. Бадаев. «Большевики в Госуд. Думе». «Прибой», 1929 г.
4. Ф. Самойлов. «По следам минувшего».
5. «Путь Правды» № 84.
6. «Путь Правды» № 91.
7. «Падение царского режима», т. VII.
8. «Падение царского режима», т. V, стр. 81, 85.
9. Ген. А. Спиридович. «Великая война и февральская революция» т. II, Нью-Йорк, 1960, стр. 113.
10. «Рабочая Газета», 29 марта 1917 г.
11. А. Шаповал. «В изгнании», Госиздат, 1927, стр. 158.
12. Письма П. Аксельрода и Ю. Мартова. Письмо от 2 июня 1914 г.
13. «Пролет. Революция» № 7-8, 1930. Письма А. И. Елизаровой.
14. «Пролет. Революция» № 4, 1928.

15. Ц. Зеликсон-Бобровская. «Записки рядового подпольщика», 1924.
16. «Падение царского режима», т. III, стр. 284 и др.
17. «Падение царского режима», т. V, стр. 212 и др.
18. Н. В. Крыленко. За пять лет, 1923 г.
19. «Падение царского режима», т. VII.
20. «Речь», 16 июня 1917 г.
21. «Падение царского режима», т. VII, стр. 374
22. М. А. Цявловский. Большевики. Москва, 1918 г.
23. П. Заварзин. «Жандармы и революционеры».
24. «Падение царского режима», т. III, стр. 468.
25. Пражская конференция РСДРП 1912 г. Партиздат, 1937., стр. XXXVIII и др.
26. «Литературный Современник» № 2, 1937.
27. О. Пятницкий. «Записки большевика», 1926 г., стр. 132.
28. Ленин. Сочинения, т. XVI. Примечания. Стр. 720-721.
29. А. Бадаев. «Большевики в Гос. Думе», стр. 64-66.
30. Ю. Мартов и Ф. Дан. История РСДРП (по-немецки), Берлин, 1926, стр. 261.
31. «Речь», 17 июня 1917 г.
32. «Падение царского режима», т. IV, стр. 431.
33. «Речь», 17 июня 1917 г.
34. «Падение царского режима», т. V, стр. 217.
35. «Падение царского режима», т. V, стр. 277-257.
36. Н. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 203-204.
37. Ленин. Сочинения, т. XVI, стр. 220 и 328.
38. П. Заварзин. «Жандармы и революционеры».
39. «Вопросы истории КПСС» № 4, стр. 79.
40. «Красный Архив», т. 4/77, 1936 г.
41. «За Правду» № 20.
42. «За Правду» № 22.
43. И. П. Хонявко. «Парижская секция большевиков до начала войны», стр. 166-67. «Пролетарская Революция» № 4/16, 1923 г.
44. «Падение царского режима», т. III, стр. 642.
45. «Падение царского режима», т. V, стр. 212 и др.
46. «Падение царского режима», т. III, стр. 284.
47. «Падение царского режима», т. II, стр. 131.
48. Н. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 210-211.
49. Н. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 185.
50. Н. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 198.

51. А. К. Цветков-Просвещенский. «Между революциями» (1906-1916). М., 1932, стр. 114-115.
52. «Падение царского режима», т. III.
53. П. Н. Колокольников. Воспоминания. Материалы по истории профессионального движения. 5-ый сборник. М., 1927.
54. «Правда» от 21 января 1925 г.
55. Неопубликованная рукопись Л. О. Дан.
56. Ленин. Собрание сочинений, т. XVII, стр. 401, 495, 496.
57. «Просвещение» от 16 июня 1914 г.
58. «Трудовая Правда» от 10 июня 1914 г.
59. «Падение царского режима», т. I, стр. 313-317.
60. «Правда», 25 мая 1914 г.
61. Н. Крыленко. За пять лет. Обвинительные речи, 1923 г.
62. Н. Крупская. Воспоминания о Ленине, стр. 211.
63. А. Шаповал. «В изгнании», Госиздат, 1927, стр. 158. €4. Вл. Деготь. «Под знаменем большевизма». — Записки подпольщика. 1927 г., стр. 86, 87 и 1931 г. — стр. 129.
65. «Русское Слово» от 16 сентября 1914 г.
66. «Социал-Демократ» № 33 от 1 ноября 1914 г. Женева.
67. «Голос» от 26 ноября 1914 г. Париж.
68. Письма Аксельрода и Мартова. Примечания, стр. 292.
69. Цитировано в «Рабочей Газете», Петроград, 30 марта 1917 г.
70. «Социал-Демократ» № 58, 31 января 1917 г. Женева.
71. «Русская Воля» от 25 апреля 1917 г.
72. А. Бадаев. «Большевики в Думе», стр. 268-269.
73. А. Бадаев. «Большевики в Думе», стр. 267-268.
74. Н. Крыленко. За пять лет, стр. 345.
75. Ленин. «Избранные произведения» т. II, 1933 г., стр. 368.
76. Н. Крыленко. За пять лет, стр. 336.
77. Н. Крыленко. За пять лет, стр. 349.
78. И. И. Попов. «Минувшее и пережитое». М., 1933, стр. 141-42.

НАВСТРЕЧУ ГИБЕЛИ

Монархия в годы

войны

Георгий Шавельский, скончавшийся в 1951 году, своими двухтомными «Воспоминаниями последнего протопресвитера русской армии и флота» т.т. I и II (стр. 414+412). Изд-во им. Чехова. Н. И.) сделал весьма существенный вклад в историю гибели старого режима. Много из того, что рассказывает автор, известно всем, изучавшим по документам или мемуарам эту трагическую эпоху. Но протопресвитеру Шавельскому в эти последние годы русской монархии удалось не только наблюдать непосредственно, вблизи, главных лиц этой исторической драмы, — ранее в ставке Николая Николаевича, а затем в царской ставке, — когда Николай II стал Верховным главнокомандующим, — но и пользоваться, по-видимому, их доверием.

В наши дни, когда преступления большевистской диктатуры вызывают во многих углах рассеяния безудержную идеализацию старого режима, — мемуары о Георгии Шавельском служат, больше чем какие-либо иные книги, лучшим средством установить действительную правду о том, что представляла собою Россия до революции. Эта правда, с редкой силой и убедительностью вскрытая человеком непартийным, даже неполитическим, поможет многим читателям не только правильно распределить свет и тени в нашем прошлом, но и выяснить ту долю ответственности за большевизм и эксцессы его революции, которая падает на старый режим и снять которую с него никак нельзя.

Свою службу протопресвитером Шавельский начал с 1911 года и использовал ее в частности для объезда России вдоль и поперек. В нескольких первых главах книги переданы его наблюдения и впечатления, — более того, сделана попытка обобщения, которая помогает понять, что именно представляла собою Россия, страна и народ, в эти немногие годы, до катастрофы войны и революции. Кажется в высшей степени важным заключение, к которому Г. Шавельский пришел после посещения Сибири, Туркестана и Кавказа: «Там жизнь кипела ключом, чрезвычайный прогресс виделся во всем. Там можно было воочию убедиться, как быстро шел вперед культурный рост России, обещавший стране величие, а народу благоденствие». «Стоило побывать на (этих) трех окраинах, и на Кубани, чтобы убедиться, как быстро неслась Россия вперед... Была не только надежда, но и уверенность, что вскоре наша родина станет богатейшей и счастливейшей в мире страной».

Эти выводы очень важны не только для того, чтобы подчеркнуть, что за время между двумя революциями, точнее — между 1905 г. и войной 1914 года, Россия стремительно шла вперед по пути общественной эволюции, экономического расцвета и культурного подъема, — что, следовательно, не приходится считать фатально неизбежной для нее перспективу новой революции, как это утверждает официальная большевистская историософия.

Эти выводы о наблюдавшемся в России в десятилетие до войны необычайном росте внутренних народных сил во всех областях следует особо отметить для того, чтобы уяснить себе одну живучую и роковую особенность русской жизни, которая и сейчас характеризует собою положение в коммунистической России и которая не в малой мере сорвала перспективу мирной эволюции царской России: эта особенность заключается в том, что власть, правительство, руководство государством и тогда не считалось с потребностями и нуждами народа и страны.

Власть — одно, а страна — другое, — более того, как и сейчас, так и тогда, власть, изолированная от страны, видела свою задачу в том, чтобы вести войну с собственным наро-

дом. Эту картину все более заметного отрыва власти (и Двора) от страны, — всем своим поведением как бы сознательно идущей навстречу своей гибели и увлекающей в пропасть за собою и страну, — рисует Шавельский в своих мемуарах. И этот закат старого режима, описанию конвульсий и агонии которого посвящена его книга, приобретает чудовищно-трагический характер в свете распутинщины, которая явилась и символом, и фоном распада, деморализации и гибели.

» » »

Сотни страниц у Шавельского рассказывают о Распутине. И несмотря на то, что об этом злом гении последней династии и России накопилось уже обширная литература, и мудрено, казалось бы, что-нибудь новое прибавить к ней, — мемуары Шавельского читаются с неослабным интересом. Читатель втягивается во все перипетии происходящего, и вновь, и вновь переживает с душевной болью и обреченностью приближение трагического финала.

Мемуарист стоял близко к царю, к царице, встречался с ними в интимной, семейной обстановке. На его глазах происходила борьба двух дворцовых партий, — распутинцев и их противников, возвышения первых и опалы вторых. Он наблюдал министерскую чехарду, при которой одни ничтожества сменяли другие, и авантюристы и шантажисты по рекомендации «святого старца» делали в 24 часа головокружительные карьеры. И с подлинным знанием дела, в качестве члена Синода, о. Георгий приподымает завесу над управлением православной церкви, где командные посты занимали князья церкви, опять таки ставленники Распутина.

Г. Шавельский не жалеет красок, давая портреты героев распутинщины: Хвостова, Штюрмера, Белецкого, Саблина, Раева, Протопопова, Питирима, кн. Жевахова, затем портреты ген. Сухомлинова, Рененкампа, Воейкова, Борисова.

Под его пером, как живые, встают царь и царица, его советники и ее окружение с Вырубовой во главе. Г. Шавельский подробно выясняет вопрос о влиянии Распутина на царицу и о роли его в царской семье, — и в сущности после его откровенного рассказа становится понятной, с одной стороны — мысль о заточении в монастырь Александры Федоровны, с чем

носился Ник. Ник., и роковая обреченность старого режима — с другой. Когда в декабре 1916 г. был убит Распутин, и все — даже в ставке — поздравляли друг друга, «целуясь, как в день Пасхи», — открылся какой-то просвет, какая-то возможность сговора с Государственной Думой, с ее прогрессивным блоком. Но, по-видимому, все сроки, отпущенные историей старому режиму, были уже пропущены. Приблизился час исторической немезиды, и неудивительно, что февральскую революцию приготовили не столько с.-д. и с.-р., сколько великие князья и генералитет.

* * *

Что представляла собою ставка верховного главнокомандующего русской армией, когда ее возглавлял великий князь Николай Николаевич? К личности великого князя Шавельский относится даже положительно. Но у него было пять адъютантов, а «об их службе можно сказать, что она состояла, главным образом, в ничегонеделании». Все это были «дачники», в безделье проводившие время. Был при ставке граф Менгден, но он ежедневно гонял голубей или дрессировал барсука и лисицу. Или полковник Щелоков, известный под именем «Ваньки-Каина», тупой, надменный, грубый и нечистоплотный человек, — характеризует его Шавельский. Чины штаба с ненавистью относились к нему. Или генерал-майор Ронжин, занимавший пост военных сообщений, ленивый сибарит, прославившийся собиранием «коллекции этикеток от сигар», — Николай Николаевич образовал в этой коллекции отдел своих «великокняжеских» этикеток. Был при ставке генерал Данилов, упрямый и ограниченный человек, о котором Шавельский роняет следующее замечание: «Вести огромную армию он не мог, пойти за ним армии было небезопасно». Особенно хорош был начальник штаба Янушкевич, назначение которого на этот пост в мае 1914 г. явилось «большой неожиданностью в военном мире». До войны Янушкевич служил в канцелярии военного министерства, одно время был профессором по административным делам в Академии генерального штаба. Но понятия не имел ни о стратегии, ни о тактике, — был «совершенно неподготовлен к должности начальника штаба Верховного Главнокомандующего».

Любопытный портрет Николая Николаевича дает Шавель-

ский в качестве друга и почитателя великого князя. Он "был искренне религиозен». Вставал и ложился спать с продолжительной молитвой на коленях с земными поклонами. Но он был «слепо религиозен»: верил в сверхъестественное вмешательство свыше, и военные неудачи и несчастья объяснял тем, что так Богу угодно. «Нравственная же сторона религии, требующая от человека жертв, подвига, самовоспитания... ступенька в сознании» великого князя. Николай Николаевич очень хорошо знал и любил сельское хозяйство. Подробно рассказывал, «как надо разводить овощи, ухаживать за садом, ловить рыбу, солить капусту» и т. д. Он «должен был хорошо знать деревню с ее нуждами и горем, — пишет Шавельский, — и, однако, я ни разу не слышал от него речи о простом народе», о поднятии его благосостояния и пр. В его имении в Першине образцовая псарня поглощала до 60 тысяч рублей в год, и ни копейки из великокняжеской казны не тратилось на просвещение или другие народные нужды.

Шавельский говорит о «решительности» Николая Николаевича, но эта решительность пропадала там, где начинала угрожать серьезная опасность. Великий князь был эгоист, до крайности оберегавший свой покой и здоровье. «Он ни разу не выехал на фронт дальше ставок главнокомандующих»..., а при больших несчастьях он впадал в панику или плыл по течению. У него был патриотический восторг, но ему не доставало патриотической жертвенности. Если таков был Верховный Главнокомандующий, то легко представить себе, каковы были генералы. Достаточно назвать генерала Ренненкампа, который «в своих донесениях неудачи замалчивал, успехи преувеличивал и раздувал». Ренненкампа был одним из прославленных виновников русских поражений в первую мировую войну.

Как известно, против Николая Николаевича велась усиленная кампания. Ему приписывались честолюбивые, далеко идущие планы. «Многозначительно говорили о ходившем по рукам портрете великого князя с подписью «Николай III».¹ С ним связывали план заточить царицу в монастырь. Партия царицы добивалась его смещения с поста Верховного Главнокомандующего, а Распутин и его ставленники, вместе с генералом Сухомлиновым, которого обвиняли в неподготовленности России к войне и даже в измене, твердили, что великий

князь неспособен и бездеятелен. Наконец, он был смещен, и верховное командование под влиянием царицы и Распутина взял на себя сам царь. Ставка переехала в Могилев. Шавельский подробно рассказывает о многочисленной свите в окружении царя.

Его приближенными в ставке были: генерал Воейков, прославившийся своей «кувакой» — минеральной водой, которой он успешно торговал не без покровительства властей; престарелый министр двора Фредерикс, который представлял собой «лицо без лица»; адмирал Нилов, честный служака, но всегда «под хмельком»; князь Долгоруков, уж больно «простой умом»; граф Граббе, любивший поесть, выпить, поухаживать да почитать скабрзные романы; бесцветнейший генерал Максимович; распутинец капитан Саблин. Вот, по описанию Шавельского, галерея лиц, составлявшая ближайшее окружение царя в ставке. Полковник Дрентельн и князь Орлов, бывшие вместе с Николаем Николаевичем противниками Распутина, были принесены в жертву. И Шавельский восклицает: «Ужель в своем 180-миллионном народе не мог государь найти десяток таких лиц, которые были бы не только его сотрапезниками, компаньонами на прогулках, партнерами в играх, но и советниками и помощниками в государственных делах?..»

Как же действительно обстояло дело с советниками и помощниками? Неужели у царя не было в окружении людей, с которыми он мог бы держать совет о делах государственных? Шавельский приводит слова царя, переданные ему в июле 1916 г. министром иностранных дел Сазоновым. Царь сказал министру: «Я стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией». В этой философии царя, полагает Шавельский, не только отразился его фатализм, — в ней явно сказывается и «нечто патологическое». — «Кто хотел бы заботиться исключительно о сохранении своего здоровья, — пишет Шавельский, — для того такой характер не оставляет желать ничего лучшего. Но в государе, на плечах которого лежало величайшее бремя управления 180-миллионным народом в беспрецедентное по сложности время, подобное настроение являлось зловещим». Тот же Шавельский подводит нас к роковой черте, когда констатирует, что «область государственных дел для лиц свиты государем тщательно закрывалась. В эту область имели право вторгаться-

ся, кроме «специалистов», еще императрица, Распутин и Вырубова, для влияния которых уже не существовало никаких преград и границ»...

Несколько интересных попутных замечаний мы находим здесь к характеристике нравов, царящих при Дворе, — в частности в связи с воспитанием наследника престола. Военный министр Редигер как-то рассказывал Шувалову, что, ожидая в Царском Селе царя, задержавшегося на прогулке, он увидел Николая II-го с пятью девочками. Зная, что у царя только четыре дочери, Редигер не удержался и спросил царя, что это за маленькая девочка, которую он вел за руку. — «Ах, это Алексей Николаевич, — смеясь, сказал царь. — Он донашивает платья своих сестер. Вот вы и приняли его за девочку».³

И вот другая деталь к воспитанию наследника. Болезнь его сильно влияла на воспитание и на образование. Отсталость в науках бросалась в глаза. Ему шел уже 13-ый год (осенью 1916 года), а он, напр., не знал дробей. Арифметике обучал его генерал Воейков. «Что за чушь! — восклицает Шувалов. — Воейков занимался лошадьми, солдатами, кувакой, а не науками». Но царя убедили, что так будет дешевле. Отдельный преподаватель дорог. «При выборе воспитателей и учителей наследника российского престола — берут того, кто дешевле будет». Генерал Воейков до самой революции обучал наследника арифметике.

* * *

Беспощадно рисует Шувалов князей церкви в распутинский период русской истории, — Святейший Синод, в котором он заседал полтора года. Его рассказ читается, как потрясающий обвинительный акт против этого высокого учреждения. «Члены Синода боялись друг друга. Атмосфера недоверия царил в Синоде. Члены Синода делились на распутинцев, антираспутинцев и нейтральных».⁴ Занимались преимущественно бракоразводными делами и наградными и при этом все знали, что кругом царят ложь, обман, клятвопреступления. Достаточно привести некоторые штрихи к портретам тех, кто оказались во главе Синода в качестве преемников некогда всемогущего оберпрокурора Победоносцева.

Вот, например, Саблер. Из него, — пишет Шавельский, — «может быть вышел бы хороший анекдотист-рассказчик, а судьба поставила его у кормила церкви в самую серьезную пору жизни русского народа... Это был какой-то не то шутник, не то искатель приключений». Но вот Саблер вышел в отставку, и на место оберпрокурора Синода был назначен ставленник Распутина, Раев. Одна внешность этого человека обращает на себя невольное внимание: «В парике ярко-черного цвета с выкрашенными в тот же цвет французской бородкой и усами, с чуть ли не раскрашенными щеками, в лакированных ботинках — он производил впечатление молодившегося старика довольно неприятного тона».⁵ Шавельскому и книги в руки в характеристике князей церкви, и все же буквально оторопь берет, когда читаешь у него такие описания: «В предреволюционное время каш епископат в значительной своей части представлял коллекцию типов изуродованных. Тут были искатели приключений и авантюристы, честолюбцы и славолюбцы, изнеженные и избалованные сибариты, жалкие прожектеры и торгаши, самодуры и деспоты, смиренные и благочестивые инквизиторы».

А теперь мы переходим к самой сильной главе свидетельских показаний Шавельского: о таинственном старце Распутине, сыгравшем через императрицу Александру Федоровну такую роковую роль в истории падения старого режима. «От всей его фигуры, слов и речей веяло какой-то особой таинственностью: острые, страшные, засевшие в глубоких впадинах глаза, узкий лоб, нависшие волосы, оригинальная борода, отрывистая туманная речь, резкие движения. Суждения его смелы, дерзновенны, повелительны. Распутин посещал церкви, ежедневно молился на дому, а в промежутках творил всевозможные гадости и пакости. Беспутство его всем известно. Его половая распущенность была ненасытной, вакханалии были его стихией... Распутин обладал чрезвычайной магнетической силой. Причину ее надо искать не в религиозной, а в физиологической области».

После отстранения великого князя Николая Николаевича с поста верховного главнокомандующего Распутин стал все-

могущ. Его влияние в Царском Селе было огромно. Перед отъездом в ставку, царь всякий раз принимал благословение Распутина, причем целовал его руку. Распутин стал как бы обердуховником царской семьи. Через царицу, которая слушалась его во всем, он стал решающей инстанцией в управлении страны и проводил на должность министров своих сторонников и людей, угождавших ему. Своим назначением ему были обязаны министры: Алексей Хвостов, Белецкий, Штюмер, Добровольский, Протопопов, — не говоря уже о Сухомлинове и Саблере. Ряд духовных карьер был тоже обязан Распутину. Пьянствуя в ресторанах, он безобразничал и хвастался своими назначениями и своими связями с царской семьей. Министра Хвостова он называл «Алешкой», а петроградского митрополита «Питиримкой», — и так их вызывал по телефону, — рассказывает Шавельский. «На приемах у Распутина кого только не бывало? Члены Госуд. Совета, министры, генералы, архиереи, митрополиты, князья и княгини, графы и графини... Известен большой сонм архиереев, преданных Распутину. Он возглавлялся митрополитом московским Макарием; среди них был митрополит петербургский Питирим, Алексей Владимирский, Серафим Тверской, Палладий Саратовский... Слово Распутина было всемогущим».⁶ А Варнава? А епископ Исидор? Илиодор?

Он публично похвалялся и своими отношениями с царицей и царевнами: «Вишь рубаха... сама мама вышивала. А хошь — сейчас девок к телефону позову» — приводит Шавельский образцы распутинской похвальбы.

Распутин чем дальше, тем больше себя чувствовал в царской семье своим человеком, как дома, и вел себя порой совершенно без удержу. Уже в 1912 году фрейлина Тютчева, воспитывавшая царских дочерей, рассказывала Шавельскому, что «Распутин начал бесцеремонно врывать в комнаты царских дочерей даже в то время, когда они бывали раздетые, в постели, и вульгарно обращаться с ними». Тютчева говорила об этом с царем, но он не обратил внимание на ее слова. А когда она повторила свой протест, то ее за это уволили.⁷

* * *

«Чтобы разгадать секрет влияния Распутина на царскую семью, — пишет Шавельский, — надо прежде всего разгадать

характер императрицы, фактически во всем доминировавшей в семье, дававшей тон всему ее строю. Немка по рождению, протестантка по прежней вере, доктор философии по образованию, она таила в своей душе природное влечение к истовому в древнерусском духе благочестию. Это настроение было как бы родовым настроением ее семьи». Ее сестра Елизавета приняла монашество в России, другая сестра Ирен, жена Генриха Прусского, очень увлекалась православным богослужением.⁸

Любопытно, что царица вводила в русское церковное зодчество древнерусский стиль 16 или 17 века. В связи с этим говорит Шавельский о падении церковной архитектуры под влиянием навязчивых идей царицы. Говоря о федоровском соборе в Царском Селе, в котором иконы для большого сходства со старинными были написаны на старых, прогнивших досках, а вся остальная техника кажется анахронизмом, Шавельский восклицает: «Точно пророческим символом был этот собор, — символом того, что Россия скоро, во время разразившейся над нею бури, стряхнет с себя все новое, современное, сметет все, что было достигнуто за последние века гением лучших его сынов, трудами поколений, всей ее историей и вернется к 16 или 17 веку»... А царь и царица, «а за ними и покорные во всем, не исключая и вкусов, угодливые рабы, восхищаясь, восторгались, превознося старину и умаляя современность».⁹

Причиной всему был мистицизм, характерный для царицы. «Но мистицизм такого рода — пишет Шавельский — не может обходиться без знамений и чудес, без пророков, блаженных, юродивых. А так как и чудеса со знаменьями и истинно-святы... Господь посылает сравнительно редко, то ищущие того и другого часто за знаменья и чудеса принимают или обыкновенные явления или фокусы и плутни, а за пророков и юродивых — разных проходимцев и обманщиков, а иногда — просто больных или самообольщенных, обманывающих и себя, и других людей».¹⁰

К таким предпосылкам в условиях болезненного мистического настроения царицы надо прибавить еще ряд государственных и семейных катастроф, которые преследовали последнего царя до первой мировой войны и до революции. Как известно, Распутин был не первым, а последним «духовным» увлечением царицы. До него их был целый ряд: французский полу-знахарь, полу-фанатик и целый авантюрист Филипп, бла-

женный косноязычный Митя, подвизавшийся при дворе. Во время Саровских торжеств в Дивеевской обители царь и обе царицы (Александра Федоровна и вдовствующая Мария Федоровна) посетили «блаженную» Пашу, — по-видимому, кликушу. Мария Федоровна о ней говорила, как о «злой, грязной и сумасшедшей бабе». — «Трудность борьбы с Распутиным, — пишет Шавельский, — заключалась в том, что приходилось бороться не столько с Распутиным, сколько с самой императрицей».

Шавельский, между прочим, рассказывает эпизод о том, как блаженный Митя, — у которого были свои благодетели, своя партия — епископы Феофан и Гермоген, — попытались на свой лад расправиться с Распутиным. Последний был как-то приглашен к Гермогену. Там на Распутина набросились Митя, Илиодор и еще кто-то и, повалив, пытались его... оскопить. Операция, однако, не удалась. Распутин вырвался, а епископа Гермогена отправили в монастырь.¹¹

Шавельский пишет: «Самые подлые, злые враги царской власти не смогли бы найти более верного средства, чтобы дискредитировать царскую семью». И со слов священника Васильева описывает две сцены, происшедшие в один день 5 ноября 1916 года. В этот день происходила закладка церкви-приюта, построенного Вырубовой. После целования креста и руки епископа, царица подошла к Распутину. Распутин протянул ей руку, а та почтительно поцеловала ее. Вслед за царицей к Распутину подошли ее дочери и также приложились к его руке. И это произошло на глазах всех: духовенства, офицеров, солдат, рабочих. В тот же день, в 4 часа дня, Распутин у Вырубовой. Потребовав вина и стакан за стаканом опустошив целую бутылку, Распутин опустился в кресло. «Императрица после этого подошла к его креслу, стала на колени и свою голову положила на его колени. «Слышь, напиши папаше, что я пьянствую и развратничаю» — бормотал заплетающимся языком Распутин».¹²

Как это ни странно, порой в окружении царицы были люди, смотревшие на Распутина ее глазами, — таким был, напр., духовник царя и царицы священник Васильев, интересный разговор с которым передает Шавельский.

Васильев считал Распутина человеком, отмеченным Богом,

особо одаренным, владеющим силой, какой не дано обыкновенным смертным.

— Но ведь он же известный всем пьяница и развратник, — возражал Шавельский. — Слыхали же вы, что он — завсегда́тай кабаков, обольститель женщин, что он мылся в бане с двенадцатью великокняжескими дамами, которые его мыли. Верно ли это?

— Верно, — соглашался Васильев. — Я сам спрашивал Григория Ефимовича, правда ли это? Он ответил: правда. Я не отрицаю ни пьянства, ни разврата Распутина. У каждого свой недостаток. Однако, недостаток не мешает проявляться в нем сила Божья.¹³

У царицы был повышенный интерес к юродству и юродивым. Со слов вдовы герцога Мекленбург-Стрелицкого, графини Карловой, Шавельский передает, что Александра Федоровна передала ей, порекомендовав прочитать, как весьма интересную, книгу «Юродивые святые русской церкви». В книге рукой царицы цветным карандашом подчеркнуты были места, где говорилось, что у некоторых святых юродство проявлялось в форме половой распущенности.¹⁴

К характеристике нравов двора следует упомянуть и фрейлину Вырубову, которая сама передавала Шавельскому слухи, будто она находится в связи с Распутиным. «Что заставило ее благоговеть перед старцем: разврат ли, глупость ли или безумие — судить не берусь, — пишет он. — Скорее всего благоговение царя и царицы перед старцем оказывало наибольшее давление на ее небогатую психику». Гораздо более загадочным представляется влияние Вырубовой на царицу: ведь «Вырубову все знавшие ее не без основания считали дурой. И однако, она была все для императрицы. Ее слово было всемогуще». Она была «соправительницей». Она постоянно говорила «мы», — мы не позволим, мы не допустим, — разумея не только себя, но и царицу и царя.¹⁶

* * *

Некоторое внимание следует уделить освещению еврейского вопроса в годы войны и той волны антисемитизма, которая охватила руководящие военные круги в это время. Вос-

поминания Г. Шавельского дают немало материала по этому поводу, к сожалению, весьма тенденциозного.

Само собой разумеется, факты антисемитизма тех лет не идут ни в какое сравнение с чудовишным истреблением миллионов евреев, совершенным нацизмом Третьего Рейха во вторую мировую войну: не следует терять чувства меры и поддаваться преувеличениям. Но для того времени, для нравов, господствовавших в эпоху 1914-1916 г.г., испытаний, обрушившихся на долю русского еврейства, было более чем достаточно, чтобы вызвать возмущение даже среди... «непримиримых антисемитов» (как будет показано ниже). Поэтому так поразили проникнутые враждебностью замечания Г. Шавельского, проявившего в оценке общеполитического положения здравый смысл и верность моральным принципам и ставшего пленником предубеждений, как только дело зашло о евреях. Вначале¹⁶ он как будто сохраняет независимость суждений и в этом вопросе, рассказывая, как в военных неудачах фронт обвиняет ставку и военного министра, как ставка обвиняет военного министра и фронт, как военный министр все валит на Николая Николаевича, — и не без иронии отмечает, что «все эти обвинители, бывшие одновременно и обвиняемыми», начинают искать «еще одного виновного» и дружно отыгрываются на... евреях. Но в дальнейшем изложении Г. Шавельский неожиданно сам начинает повторять бредовые утверждения, и без тени доказательства, без попытки разобраться в вопросе, сам пишет о евреях — «трусах, дезертирах, шпионах», погружаясь с головой в сеть шпиономании, захватившей тогда военные сферы. «Не могли евреи быть такими верно-подданными, как русские, — читаем мы у Шавельского, — а обман, шпионство и пр. подобные «добродетели» были, к сожалению, в натуре многих из них». Так, включаясь в антиеврейскую кампанию первой мировой войны, берет на свою совесть обвинения против евреев священник, отказываясь заранее даже «заниматься вопросом, насколько справедливо распространенное тогда обвинение против евреев».

* * *

Прежде всего отметим фактическую сторону той трагедии, жертвой которой стали евреи в качестве козла отпущения,

которого нашли тогда бездарные и бессовестные герои фронта и тыла. Для этого мы воспользуемся двумя документами: во-первых, докладом по еврейскому вопросу Центр. Комитета кадетской партии на конференции летом 1915 года, а во-вторых, протоколами секретных заседаний Совета министров 16 июля— 2 сентября 1915 г., опубликованными помощником управляющего делами А. Н. Яхонтовым.¹⁷

Заслуживает внимания также декларация, оглашенная деп. Н. М. Фридманом в заседании Государственной Думы 26 июля, в которой было определено отношение еврейского населения к войне в следующих выражениях: «В исключительно тяжелых правовых условиях жили и живем мы, евреи, — и тем не менее мы всегда чувствовали себя гражданами России и всегда были верными сынами своего отечества... Никакие силы не отторгнут евреев от их родины — России, от земли, с которой они связаны вековыми узами... В защиту своей родины евреи выступают не только по долгу совести, но и по чувству глубокой к ней привязанности». Как же на эту декларацию, на эти заверения ответили антисемиты на фронте, заинтересованные в том, чтобы снять с себя ответственность за поражения и переложить ее на евреев?

Под предлогом измышлений о «еврейской измене» уже летом 1914 г. открылась первая глава шпиономании. Через три дня после оглашения в Г. Д. декларации о лояльности еврейского населения, 29 июля 1914 года началось принудительное выселение, и через 2 месяца после возникновения войны в одной Варшаве уже насчитывалось свыше 80 тысяч беженцев и выселенцев евреев. 27 и 28 апреля 1915 года военные власти издали приказ о поголовном выселении евреев из Курляндской губернии, а в начале мая — из Ковенской губернии. Из Курляндии были выселены 40 тысяч евреев, из Ковенской губернии — 120 тысяч, из Гродненской — 30 тысяч. Срок для выселения был дан в 24 часа, а в иных случаях — и меньший. По данным Всероссийского бюро помощи беженцам, общее число выселенных евреев составляло 199.895 человек, а по данным Еврейского Комитета помощи, на его иждивении находилось свыше 250 тысяч.

«Выселялись раненые солдаты, только что вернувшиеся с поля битвы, жены, дети и родители сражающихся, 80-летние старцы и новорожденные. Ездившие на места выселений пи-

сатель Н. Коробка и член Гос. Думы А. Ф. Керенский видели в пути целые богадельни, состоящие из немощных калек и сумасшедших, выселенные в целом составе, и приюты из младенцев-сирот в полном составе», — читаем мы в отчете кадетской партии.

В комментариях А. Н. Яхонтова к заседанию Совета министров от 30 июня 1915 года сообщается следующее о «принудительных еврейских переселениях», проводившихся «в массовых размерах»: «Что творилось во время этих экзекуций— неопишимо. Даже непримиримые антисемиты приходили к членам правительства с протестами и жалобами на возмутительное отношение к евреям на фронте... Печать, думские фракции, различные организации... требуют от правительства решительных шагов для прекращения массовых преследований. В союзных странах и особенно в Америке раздаются горячие призывы помочь страждущим в России евреям».

Кроме насильственных выселений евреев, военные власти начали вводить институт «заложников» от еврейского населения (не только в Галиции, но и в русских губерниях), издавать приказы о недопущении евреев-врачей в санитарные поезда и о выселении русских евреев в сторону противника. Эта практика получила свое завершение в ряде измышлений о евреях-шпионах и изменниках.¹⁸

Наиболее нашумела история со шпионажем в местечке Кужи, около Шавель.

Официальный военный орган «Наш Вестник» опубликовал 5 мая, что во время нападения немцев обнаружилось «возмутительное предательское поведение со стороны евреев», а именно: «во многих подвалах евреи спрятали немцев и по выстрелу подожгли Кужи со всех сторон». Это сообщение было перепечатано в «Правительственном Вестнике» и было объявлено по всей армии. Между тем, — как установлено было довольно скоро, — «все сообщение о Кужах есть ложь», о чем известно и правительству. Расследование произвел на месте Керенский, кужан допрашивал также деп. Фридман, и картина выяснилась такая: Местечко Кужи-Литовское; из 40 домов — только 3 еврейских. Всего еврейских семей в Кужах было 6. Подвалов там вообще нет, а из 5 погребов только 2 еврейских,— размером ниже человеческого роста. Когда немцы заняли

Кужи, там ни одного еврея не было, а принадлежавшие **евреям** дома были сожжены. Тем не менее вся антисемитская печать долгое время питалась измышлениями о Кужах, — как о гнезде еврейской измены.

Очень интересно отметить, — и, казалось бы, о. Г. Шавельскому это должно было быть хорошо известно, — что Совет министров, возглавлявшийся в это время И. Л. Горемыкиным, не раз писал в Ставку о недопустимости выселений евреев и взятия с них заложников (заседание 16 июня 1915 г.), на «необходимость отказаться от преследования еврейской массы и огульного ее обвинения в измене» (30 июля). Министр внутренних дел, кн. Н. Б. Щербатов, протестовал против бессмысленных распоряжений «всесильного ген. Янушкевича»: «В его планы входит поддержать в армии предубеждение против всех вообще евреев и выставлять их, как виновников неудач на фронте». Министр земледелия А. В. Кривошеин, говоря о действиях «фатального ген. Янушкевича», воскликнул на заседании 12 августа: «Присутствие Янушкевича в ставке опаснее немецких корпусов». Кн. Щербатов в заседании 16 августа характеризовал положение в следующих словах: «В сумбуре отступающих обозов и воинских частей, вольных и невольных беженцев, гонимых нагайками евреев, — происходит какая-то вакханалия, пьянство, грабежи, разврат...»

Но ставка оставалась глухой к обращениям и письменным и устным Совета министров. Ген. Янушкевич писал Совету министров, что «все принятые в отношении евреев репрессивные меры» он находит «весьма слабыми» и что он «не остановился бы перед усилением их в еще более значительной степени». В результате еврейское население России становилось жертвой маньяков и фанатиков, а Россия... мы знаем, как жестоко пришлось расплачиваться среди других прегрешений старого порядка также и за бездарных генералов, пытавшихся ответственность за свои поражения в великой войне взвалить на давно изобретенного антисемитской идеологией козла отпущения!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Г. Шавельский. т. I, стр. 265.
2. Г. Шавельский. Т. I, стр. 338.

3. Г. Шавельский. Т. I, стр. 57.
4. Г. Шавельский Т. II, стр. 151.
5. Г. Шавельский. Т. II, стр. 67.
6. Г. Шавельский. Т. II, стр. 59.
7. Г. Шавельский. Т. I, стр. 62.
8. Г. Шавельский. Т. I, стр. 51.
9. Г. Шавельский. Т. I, стр. 52-53.
10. Г. Шавельский. Т. I, стр. 54.
11. Г. Шавельский. Т. I, стр. 59.
12. Г. Шавельский. Т. II, стр. 280-81,
13. Г. Шавельский. Т. I, стр. 66-67.
14. Г. Шавельский. Т. I, стр. 67.
15. Г. Шавельский. Т. I, стр. 193-94.
16. Г. Шавельский, Т. I, стр. 171-73.
17. «Архив русской революции», кн. 18. Берлин.
18. «Архив русской революции», кн. 19, Берлин.

КАРТИНЫ РАСПАДА СТАРОГО РЕЖИМА

1. В РАСПУТИНСКОМ СОЗВЕЗДИИ

Сейчас, на основании документального и мемуарного материала, накопившегося о последних годах старого режима в России, — можно со всей определенностью установить, что в «распутинский период русской истории», по выражению А. И. Деникина,¹ действовала на исторической авансцене теплая компания авантюристов, примерно в следующем составе: Распутин, Симанович, Манасевич-Мануйлов, князь Андронников, Бадмаев, Манус и Рубинштейн. Один из современников, оставивший записки о канунах февральской революции, В. Каррик,² записывал 22 ноября 1915 г.: «Вершителями судеб являются Гр. Распутин и его компания, в которую, между прочим, входят два крупных биржевика и банковских дельца — Манус и Рубинштейн. Эти господа сдружились с Распутиным, кутят и распутничают с ним, обдeldывают свои финансовые дела и вершат в ресторанных кабинетах грядущие судьбы России». Государственные деятели, министры, князья церкви этих лет, часто получавшие свои высокие посты благодаря интервенции Распутина при дворе, главным образом, у Александры Федоровны, — Хвостов, Белецкий, Добровольский, Штюрмер, Протопопов и др., явились как бы вспомогательным отрядом при главной разбойничьей шайке. Двор, при котором свила свои гнезда распутинская шайка, при содействии Анны Вырубовой и других приближенных к царице и царю людей, стал одним из главных источников гниения системы сверху. Не случайно А. Деникин отчетливо говорит о «придворной грязи», густо облпившей в те годы трон и делавшей почти неизбежной гибель династии и монархии.

Процесс разложения старого режима в 1915-16 г.г. развивался, можно сказать, семимильными шагами. Поражения на фронтах, рост бестоварья, спекуляции и дороговизны в тылу, напряженное политическое положение, борьба распутинских правительств всех составов с Государственной Думой, скандал с Сухомлиновым, толки о сепаратном мире, об измене и пр. — всего этого было достаточно для того, чтобы создать атмосферу приближающейся катастрофы. На этом фоне как бы грозным знаменем возвышалась злобещая фигура Распутина, безграмотного мужика из хлыстов, бабника и ловца человекоек, приобретшего и популярность, и власть в великосветских салонах и в апартаментах царицы.

В. Каррик передает в сентябре 1915 г. слух, что падение авторитета Николая II зашло так далеко, что в Совете министров обсуждался вопрос об учреждении регентства и что в качестве регентов называли Александру Федоровну и... Распутина.

Естественно, что на дрожжах распутинщины взошла и пустила корни, при помощи подкупов и взяток, темных связей и интриг главная шайка дельцов и авантюристов, в созвездии которой с большим шумом выдвинулся Д. Л. Рубинштейн, — в просторечии «Митя», — приобретший славу «банкира царицы» и одного из первых финансистов этого смутного времени. Его дом и его банк становились центрами столицы. Представители аристократии и бюрократии видели в Рубинштейне советника первой величины, помогавшего им играть на бирже и поправлявшего их делишки.

Что представлял собою Митя Рубинштейн в это время в мире финансистов и спекулянтов? По имеющимся сведениям, он занимал целый ряд крупных постов в этом мире. Кроме Русско-Французского Банка, он занимал директорский пост в Правлении Общества Петро-Макарьевских и Вариопольских каменноугольных копей, в Русском акционерном Обществе для эксплуатации Тацинских каменноугольных копей и антрацитных рудников в Донецком бассейне, в Страховом Обществе «Волга», в Петроградском Обществе страхования, был членом правления Елизаветградского электрического Общества и пр., и пр. Достаточно сказать, что в адресной

книге «Весь Петербург» один перечень финансовых и промышленных должностей Рубинштейна занимал 17 строк.³

При таких должностях и связанных с ними крупных доходах Рубинштейну в обстановке тех лет было нетрудно добывать связи и проникать в высшие сферы. Неудивительно, если в этих условиях он овладел нехитрой механикой подкупов и взяточничества, расцветавших в годы войны махровым цветом. Неудивительно, что множество темных людей, вроде Манасевича-Мануйлова, были на его содержании. Иных он просто подкупал, в других случаях выступал бескорыстным жертвователем, но и щедрые жертвы, в конце концов, тоже окупались, ибо открывали Рубинштейну новые возможности и влияния, и обогащения.

В. Каррик отмечает в записи от 28 ноября, что Рубинштейн получил Владимира 4-ой степени. Но это его не удовлетворяло. Ему было известно, что другой банковский делец, Манус, добился чина действительного статского советника с помощью Распутина. Рубинштейн, в свою очередь, хлопотал об этом чине и предлагал за это полмиллиона рублей.⁴ Его хлопоты отразились даже в переписке царицы с царем. В письме Александры Федоровны от 10 сентября 1915 г. она пишет мужу, — вероятно, по наущению Распутина: «Какой-то Рубинштейн дал уже 1.000 рублей и согласен дать еще 500 тысяч на изготовление аппарата (аэропланов?), если он получит то же, что и Манус».⁵ 3 ноября Александра Федоровна напоминает об этом деле вновь царю.

Даже относясь с естественным недоверием ко всяким рассказам «личного секретаря» Распутина, пресловутого Си-мановича, можно с известной долей вероятности все же считать правдоподобным его сообщение, что Рубинштейн для того, чтобы добиться знакомства с И. Л. Горемыкиным, тогда председателем Совета министров, пожертвовал на лазарет, руководимый его женой, 200 тысяч рублей, передав их через Распутина. Рубинштейн был представлен Горемыкину, а жена Рубинштейна была назначена начальницей лазарета. Сима-нович также рассказывает, что на балу, устроенном Рубинштейном, присутствовали Горемыкин, Протопопов, Распутин и др.¹⁶ В. Каррик в своих записях современника подтверждает это сообщение, упоминая о крупном пожертвовании Рубин-82

штейна жене Горемыкина и о том, что на елке у Рубинштейна были внуки Горемыкина.

Жизненный путь или процесс возвышения Мити Рубинштейна не был столь безоблачным, как это может показаться из вышеприведенных данных. Ему пришлось постоянно сталкиваться с миром перекрестных влияний интриганов всяких мастей — с миром, в котором человек, думающий, что он определяет ход событий, на деле оказывался подчас игрушкой в чужих руках. Объектом бывал и Распутин, в созвездии которого взойшла звезда Рубинштейна. Распутина старались использовать все. В свою очередь, и Распутин не упускал случая добиться своего интереса. В игре, происходившей вокруг двора, царицы и разных «гешефтов», не раз складывались неожиданные ситуации, которые могли и вознести, и угробить Рубинштейна. Об одном таком эпизоде имеются весьма красочные материалы.

В книге Б. Алмазова «Распутин и Россия» живописно рассказано о неудавшейся попытке отравления Распутина, в которую (попытку) отравители хотели втянуть Рубинштейна с тем, чтобы ответственность за отравление возложить на финансиста. Алмазов передает, что к столу Распутина «всегда подавали лучшее вино из славившегося в Петербурге векового погреба хозяина дома. Однажды Распутин, лично позвонив по телефону в этот день, просил прислать ему несколько бутылок вина, которое он пил накануне на обеде у банкира. Вскоре на автомобиле Распутина за вином прибыл какой-то молодой человек. А впоследствии оказалось, что вино это, прежде чем попасть к Распутину, по дороге было отравлено. Но другая часть охраны во время будто бы успела предупредить об этом кого следует и опасность была предотвращена».⁷ Читаешь эту уголовно-политическую хронику из эпохи распутинщины с понятным недоверием. Между тем действительность превосходит в эти годы самую необузданную фантазию. Достаточно прочесть рассказ на эту тему о попытках убийства Распутина, которую приводит в своих воспоминаниях тогдашний товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий, чтобы убедиться, на какой тонкой ниточке висела жизнь «святого старца» в разыгрывавшейся вокруг него свистопляске интриг и как легко мог Рубинштейн стать участником отравления Распутина.

Белецкий в своих воспоминаниях рассказывает, что А. Н. 83

Хвостов, тогда министр внутренних дел, носился, при содействии Комиссарова, с мыслью об убийстве Распутина. У Хвостова имелся особый фонд на убийство Распутина, и он предложил Комиссарову на эту цель 200 тысяч рублей. После своей поездки в это время в ставку, — Белецкий рассказывает, — он «решил восстать против предложенного Хвостовым убийства Распутина в автомобиле, а чтобы затянуть дело, предложил Хвостову отравить Распутина». — «Хвостов с этим согласился и даже высказал проект послать ящик отравленной мадеры Распутину как бы от банкира Д. Л. Рубинштейна, чтобы затем как-нибудь связать и последнего с делом отравления Распутина. Против Рубинштейна Хвостов все время был враждебно настроен». — «Однако, — продолжал свой рассказ Белецкий, — я указал Хвостову на неудобства такого плана отравления Распутина, так как Распутин может поблагодарить по телефону за присылку мадеры Рубинштейна, который часто к нему обращался с просьбами, — и тогда весь план рухнет».⁸

Среди многочисленных и весьма фантастических дел, которыми тогда занимался Рубинштейн, неожиданно возникла у него мысль стать пайщиком «Нового Времени». В точности нельзя установить мотивы, которые привели Рубинштейна к мысли проникнуть в эту цитадель традиционного антисемитизма. Возможно, что ему подал эту мысль один из членов распутинской шайки, сотрудник «Нового Времени» Манасевич-Мануйлов (Маска) — он тоже и матерый агент Департамента полиции, — который был всегда не прочь заработать. Возможно и другое, что Рубинштейну, в Русско-Французском банке которого были заложены пай некоторых собственников «Нового Времени», могла взбрести в голову мысль прибрать к рукам газету и использовать ее в своих видах. Наконец, не исключены и некоторые «идейные» побуждения Рубинштейна в эту эпоху усиления антисемитизма, обвинений евреев в шпионаже, массовых выселений евреев, — о которых он не мог не знать и которые в какой-то мере могли задевать его, как еврея, и которые могли толкнуть его на авантюру с «Новым Временем» (См. об этом ниже записи В. Каррика и другие материалы).

2. РАСПУТИН И ЕВРЕИ

В шайке распутинцев было несколько евреев: его «личный секретарь» Арон Симанович, Митя Рубинштейн, Манус (о нем сообщают, что отец его был выкрестом, сам же банкир родился в православии), Манасевич-Мануйлов (крещеный сын Тодреса Манусевича из Вильны). Из этих лиц не скрывали своего еврейства и даже стремились «противодействовать юдофобству» Рубинштейн и особенно Симанович, который в своей книжке, вышедшей по-немецки (как будто во втором издании, при содействии наци) и по-русски, «Распутин и евреи», всю свою деятельность при Распутине изображает, как защиту интересов евреев, а самого Распутина подает, как одного из неопцененных по заслугам... благодетелей еврейства. Отвратительный привкус книжки Симановича, в которой, вероятно, немало лживых выдумок этого малограмотного «первой гильдии шулера» и владельца игорного клуба в Петербурге,⁹ пытающегося себя изобразить в качестве доверенного лица царицы, чуть ли не запросто имеющего вход к царю, — не может, однако, разрешить нам роскошь полного игнорирования его рассказов: кое в чем они подтверждаются другими и более верными источниками.

Касаясь версии о приобретении паев «Нового Времени» Рубинштейном, Симанович утверждает, что... С. Ю. Витте принадлежала инициатива в этом деле. Его, Симановича, вызвал к себе Витте, посоветовал заинтересовать Распутина этим делом и прибавил: «Поговорите по этому делу с вашими евреями». Симанович рассказывает: «После краткого совещания, мы (т. е. Распутин и он) решили обратиться к нашему «умному банкиру» (так называл Распутин Рубинштейна). Распутин пригласил к себе Рубинштейна, барона Гинцбурга, «порт-ар-турского» Гинсбурга и «акции «Нового Времени» были приобретены на имя графа Витте, а затем им переуступлены Рубинштейну. Рубинштейн радовался очень, что теперь закончится травля против евреев».¹⁰

Надо оговорить, что роль Витте в деле скупки паев «Нового Времени» нигде в других источниках не упоминается, и возможно, что она представляет собой целиком вымысел Симановича. Но самый факт совещаний с Распутиным вокруг еврейского вопроса представляется весьма вероятным. Симано-

вич в некоторых местах своей книжки рассказывает о такого рода совещаниях. Он упоминает о беседе с Распутиным по еврейскому вопросу в квартире Гинсбурга, в которой участвовали бар. Гинцбург, Г. Б. Слиозберг, Лев Бродский, Герасим Шалит, Самуил Поляков, Мандель, Варшавский и др. По словам Симановича, Распутин признавал только банкиров и финансистов, и не хотел беседовать с евреями-адвокатами, но для Слиозберга он сделал исключение: «Распутин считал его хорошим евреем и поэтому на профессию его не обращал внимания». В другом месте Симанович рассказывает о «торжественном обеде» у Слиозберга, где присутствовали барон Гинцбург, «порт-артурский» Гинсбург, Бланкенштейн, Мандель, раввин Мазэ и др.¹¹

Взгляды Распутина на способ разрешения еврейского вопроса, которые он откровенно развивал на этих совещаниях, в передаче Симановича, звучат отчетливо и лапидарно: «Еврейский вопрос должен быть решен при помощи подкупа или хитрости», говорил он на первом совещании. На обеде у Слиозберга он рекомендовал тот же гениальный путь: «Вы должны подкупить всех нужных вам людей». Правда, объективности ради, Симанович в своем рассказе об обеде у Слиозберга сообщает, что «делегаты (?) рассказывали Распутину, что еврейские вожди, Винавер, Грузенберг, Кальманович, раввин Айзенштадт и Фридман являются противниками такой тактики», — но присутствовавшие на совещании евреи, по-видимому, разделяли точку зрения Распутина, смысл которой был, конечно, совершенно прозрачен: дайте мне, Распутину, деньги, много денег, и я подкуплю всех нужных для «решения еврейского вопроса» министров и царедворцев.

Наиболее неправдоподобным звучало в рассказах Симановича упоминание имени Г. Б. Слиозберга, умеренного, можно сказать, консервативного еврейского деятеля и связанного с финансово-мощными кругами, но пользовавшегося репутацией независимого и преданного интересам еврейства общественника. Касаясь этого времени в своих воспоминаниях, Г. Б. Слиозберг, действительно, категорически утверждает: «Я должен засвидетельствовать, что никому из общественных деятелей (и) влиятельных финансовых представителей никогда в голову не приходило использовать Распутина». Тем не менее оказывается, что сношения с Распутиным и даже шаги по ис-

пользованию его неоднократно, по словам Слиозберга, делались, — и притом им же самим. Г. Б. Слиозберг встречался с Распутиным еще до войны, в начале 1914 года. «Ему сказали, — пишет он, — что я могу иметь влияние на еврейские финансовые круги... Я не имел основания уклоняться от этого свидания» — пишет он. После этой встречи Распутин стал засылать к Слиозбергу свои пресловутые безграмотные записочки с разными просьбами.¹²

В своих воспоминаниях Слиозберг уделяет внимание и Симановичу, который «в качестве друга Распутина» обращался к Слиозбергу уже в эмиграции в Париже и просил его поддержки. Когда Слиозберг ему отказал в поддержке, тот «довольно прозрачно намекал на то, что... он составит какую-то книгу с опорочиванием еврейских деятелей». И, действительно, эта книга «сплошь наполнена совершенно фантастическими измышлениями» — пишет Слиозберг. Он рассказывает также, что по выходе книги Симановича в свет, он писал о ней в одной из еврейских газет Нью Йорка. Но независимо от его мнения о книге Симановича, независимо от того, что, по мнению Слиозберга, сам Симанович не мог по неграмотности быть автором своей книги, Слиозберг в самом главном, хотя и бегло и не вдаваясь в подробности, признал, что он не только «не имел основания уклоняться от свидания (с Распутиным), но попросил кое-кого из друзей присутствовать на обеде, на который должен был приехать Распутин». Иными словами, Симанович сказал правду о «торжественном обеде», устроенном Слиозбергом в честь Распутина.

Из дальнейшего изложения Слиозберга можно получить представление, что тот обед с Распутиным имел целью добиться через Распутина и его связи при дворе практических облегчений для каких-нибудь пострадавших евреев (по-видимому, речь шла о взятке Распутину для того, чтобы он добыл царскую амнистию по делу так наз. смоленских дантистов, — ради правожительства получивших фальшивые документы дантистов). И нет сомнения, что Слиозберг, прибегая к содействию «святого старца», был одушевлен самыми лучшими побуждениями общественного, никак не личного порядка. Тем не менее самый факт его сношений с Распутиным, обеда, устроенного у него на дому в честь Распутина и, конечно, дача взяток Распутину и через него разным полезным людям, —

приоткрывает завесу над тем, что не только авантюристы типа Симановича и Рубинштейна, но порой и люди почтенные и не искавшие корысти, бывали втянуты в грязное болото распутинщины.

3. ГАЗЕТА «ЧЕГО ИЗВОЛИТЕ»

Одной из любопытных деталей, характеризующих распутинский период русской истории в годы первой мировой войны, является вопрос о попытках двора и правительства — с одной стороны, и Мити Рубинштейна — с другой, подкупить «Новое Время» с тем, чтобы приобрести влияние на направление этой газеты. Seriously говорить о направлении «Нового Времени», в сущности, не приходится. Это по истине был орган «Чего изволите», а один из руководящих публицистов газеты, после смерти А. С. Суворина в 1912 г. определявший курс этой газеты, М. О. Меньшиков, не случайно имел репутацию хамелеона. В этом отношении достаточно отметить, что с первых дней войны «Новое Время», всегда бывшее рупором прогерманских и антианглийских тенденций, в одну ночь перевернулось на яркую антигерманскую точку зрения и затем сделало своим коньком борьбу с «немецким засильем», подменяя этим лозунгом все другие, гораздо более важные вопросы внутренней жизни и обвиняя в недостаточном русском патриотизме всех, кто не хотел в борьбе с немецким засильем видеть альфу и омегу. Меньшиков, начиная серию статей в «Новом Времени» «Должны победить», специализировался именно на этой теме. Что касается вопросов, составлявших содержание всей борьбы этих лет в Гос. Думе и вокруг нее, — то тут «Новое Время», — примерно, до августа 1915 г., — сохраняло верность охранительным тенденциям вообще, и антисемитизму, в частности, — оставаясь верным слугой правительственных и придворных кругов, всегда склонное соответствовать видам начальства, — хотя его девиз «Чего изволите» был всегда готов повернуться лицом к тому, кто больше даст...

Охотники подкупить или купить «Новое Время» не раз, повидимому, появлялись на горизонте. Так, «личный секретарь» Распутина, Симанович, рассказывает, что его однажды вызывал Витте (опять Витте!) и предложил, чтобы Распутин собрал деньги для обезвреживания «Нового Времени»: Витте,

против которого постоянно выступала газета, мог быть заинтересован в изменении направления «Нового Времени».¹³ Еще раньше — до войны — делались попытки подкупа «Нового Времени» со стороны немцев. П. Н. Миллюков в своей речи 1 ноября 1916 г. в Государственной Думе, а еще подробнее в своих показаниях перед Чрезвычайной Следственной Комиссией, говорил о 800 тысячах рублей, которыми гр. Пурталес через пресловутого Манасевича-Мануйлова хотел подкупить сотрудника «Нового Времени»: говорят, — это был Пиленко, который отказался от взятки и прогнал посредника.¹⁴

Но примерно к концу 1915 года возник упорный слух, что «Новое Время» покупает банкир Д. Л. Рубинштейн, интригуя общественное мнение и вызывая живейшее беспокойство в придворных кругах, привыкших рассматривать «Новое Время» как свой лейб-орган. В дневниках современника отмечается, что к Рубинштейну «перешли путем заклада в Русско-Французском банке и карточного проигрыша паи «Нового Времени», принадлежащие Сувориным и Столыпину... Рубинштейн является финансовым хозяином «Нового Времени» и с этим связывают, между прочим, то обстоятельство, что газета эта уже с полгода не травит евреев». В другой записи В. Каррика говорится, что Рубинштейн, «идейность которого не идет далее сознания обязанности противодействовать юдофобству», не только совершил «небезвыгодную для него» сделку по скупке нововременских паев, но — «говорят, что благодаря деньгам Рубинштейна значительно смягчил свою позицию и «Колокол».¹⁵

Сообщение о подкупе «Колокола» Скворцова находит подтверждение в следующем «Донесении Союза Михаила Архангела от 18 ноября 1915 г. на имя товарища министра внутренних дел С. П. Белецкого», в котором говорится: «В июне текущего года В. Г. Орлов, совместно с В. М. Скворцовым и некоторыми другими лицами, основал особый отечественный союз с якобы монархической программой и с приемом в члены этого союза инородцев, и в том числе евреев. Одновременно и скворцовская газета «Колокол», получив, по слухам, крупную субсидию от банкира Рубинштейна, изменила направление и стала защищать еврейское равноправие».

Беспокойство, охватившее придворные круги при известии о покупке Рубинштейном паев «Нового Времени», отра-

зилось даже в переписке Александры Федоровны с царем. Как видно из ее письма царю от 19 декабря 1915 года, царица недовольна деятельностью тогдашнего министра финансов Барка в вопросе о подкупе «Нового Времени», — на что откровенно жалуется царю: «Хвостов и многие другие благонамеренные люди находят Барка не на высоте положения, — читаем мы в ее письме. — Во всяком случае он Хвостову не помогает, — давно уже у него просили денег для частичного подкупа «Нового Времени» (к сожалению, министры сказали об этом, Барку, а не Хвостову, которому бы это наверное удалось, — теперь же Барк медлит по собственным соображениям), и в результате газету подкупают Гучков с евреями, Рубинштейном и т. п., и помещают свои тенденциозные статьи».¹⁷

Как мы увидим ниже, упреки императрицы в адрес Барка были необоснованны: он усердно занимался вопросом о подкупе «Нового Времени». Ведь в распоряжении правительства были суммы особого десятиллионного фонда, и совершить операцию подкупа газеты «Чего изволите» большого труда, в конце концов, не составляло. Но для этого нужно было согласие и Рубинштейна, как владельца паев «Нового Времени». Интересно выяснить, что об участии Рубинштейна в «Новом Времени» сейчас известно.

Но верно ли вообще, что Рубинштейн был пайщиком «Нового Времени»? Имеется письмо А. Ф. Хвостова — И. Л. Горемыкину, тогда председателю Совета Министров, от 16 декабря 1915 г., в котором министр сообщает следующее: «По поводу обсуждавшегося при моем участии вопроса о желательности приобретения большинства паев товарищества «Новое Время» имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что ныне мне удалось приостановить сделку, которую предполагал заключить банкир Д. Л. Рубинштейн с Анастасией Алексеевной Сувориной и ее матерью, и потому теперь представляется удобный случай срочно приобрести принадлежащие последним пай названного товарищества».¹⁸

Слова министра «приостановить сделку, которую предполагал заключить» Рубинштейн, могут быть истолкованы так, что последний фактически владельцем паев еще не стал. Но это не вполне правильное истолкование положения. Белецкий, которому Хвостовым было поручено ведение переговоров о покупке паев, сообщает в своих показаниях Чрезвычайной

Следственной Комиссии, что «мною начаты переговоры с А. А. Сувориной, акции которой на невыгодных для нее условиях были запроданы Русско-Французскому банку, и с ее матерью» Вследствие этого поручения я и познакомился с Д. Рубинштейном, который после некоторых переговоров пошел на уступку акций, даже с некоторым для себя уроном, но окончить мне это не удалось, так как последовали мой уход с должности товарища министра и назначение председателем совета министров Б. С. Штюрмера, который взял все это дело в свои руки». Из этого сообщения Белецкого следует, что одно время владельцем каких-то акций «Нового Времени» был Рубинштейн.

Весьма определенно подтвердил прикосновенность Рубинштейна к «Новому Времени» Манасевич-Мануйлов на своем процессе в феврале 1917 г. (до революции), когда сообщил, что получал от Рубинштейна жалованье за «освещение» редакции «Нового Времени»: «Когда Рубинштейн стал принимать участие в делах «Нового Времени», ему интересно было знать о том, что делается в редакции. Он желал, чтобы я освещал его по этой части вместе с одним из других сотрудников» (имя этого «другого сотрудника» не было названо). К этому Манасевич-Мануйлов добавил, что он получал от Рубинштейна «в виде доплаты к гонорару по сотрудничеству в «Новом Времени» и «Вечернем Времени», так как сделавшись во время войны одним из собственников газеты «Новое Время», Рубинштейн увеличил гонорар нескольких особо ценных сотрудников из своих личных средств».¹⁹

Итак, в течение известного времени Рубинштейн был одним из пайщиков «Нового Времени». Затем под напором министров Хвостова, Белецкого и Штюрмера, Рубинштейн вынужден был свои паи уступить. В архиве министерства внутренних дел, после ареста Протопопова в первые дни революции, сохранился об этом документ, подписанный П. Л. Барком. 16 мая 1916 г. министр финансов Барк доносил царю, что «в видах надлежащего влияния на направление «Нового Времени» министерство согласно через посредство Волжско-Камского Банка выдать ссуду под известное количество паев газеты. Эту «операцию» министерство предполагает осуществить секретно, чтобы сохранить видимую независимость газеты «Новое Время». Царь написал на докладе Барка: «согласен»,

и с этого времени, примерно, газета «Чего изволите» вновь приняла свой официальный характер.²⁰

Со слов проживающей в Нью-Йорке Анастасии Сувориной стало известно, что Д. Рубинштейн предоставил ей, нуждавшейся в деньгах для поддержки принадлежавшего ей театра, несколько десятков тысяч рублей и что в обеспечение долга, без ведома ее братьев Михаила и Бориса Сувориных, действительных хозяев «Нового Времени», было ею передано некоторое количество паев «Нового Времени» Рубинштейну или Франко-Русскому Банку, которые Рубинштейном по первому требованию и были ей возвращены. Однако, как видно из параграфа 16 устава Товарищества «Новое Время», гласящего, что «паи составляют личную собственность владельцев, но ни в каком порядке не могут переходить к лицам, пайщиками Т-ва не состоящим, иначе как с согласия Совета», пай эти не могли быть Рубинштейном ни проданы, ни заложены. К тому же, согласно параграфу 20 устава, «паи не могут быть продаваемы и передаваемы евреям и иностранным подданным и вообще каким бы то ни было способом переходить в их владение». Этот параграф устава «не может быть изменен постановлением общего собрания и остается неприкосновенным навсегда». Таким образом, из этой формальной справки ясно, что Д. Рубинштейн, даже располагая временно в обеспечение долга некоторым количеством паев, не мог играть руководящей роли в Товариществе, быть хозяином «Нового Времени» и влиять прямым образом на направление газеты.

Среди противоречивых данных по вопросу об отношениях «Нового Времени» с Д. Рубинштейном, нельзя не упомянуть полноты ради о брошюре, изданной Алексеем Сувориным (одно время издателем газеты «Русь») и направленной против его братьев Бориса и Михаила Сувориных. Брошюра эта и носит выразительное заглавие «Как «Новое Время» было продано», и в ней мы читаем следующее: хотя на словах Б. Суворин и отказался от договора с банками и передачи им «Нового Времени», «на деле он точно исполнил весь план и инструкции Д. Рубинштейна».²⁰

Манасевич-Мануйлов в своих показаниях перед Чрезвычайной Следственной Комиссией в 1917 г. рассказывал о конфликте между братьями Сувориными по этому поводу следующее: «Когда «Новое Время» стало акционерным товарище-

ством, Рубинштейн начал скупать его пай, что вызвало резкий протест со стороны старшего сына основателя газеты, Ал. Ал. Суворина, сначала открывшего в своей «Маленькой Газете» в ряде фельетонов кампанию против Рубинштейна с разоблачением его финансовых спекуляций, а затем и произведшего громадный скандал на общем собрании акционеров «Нового Времени», когда он, с целью привлечь к этому делу общественное внимание, несколько раз выстрелил из револьвера в окно».²¹

* * *

В связи с вышеприведенным материалом возникает вопрос, в какой мере участие Рубинштейна в делах «Нового Времени» отразилось на направлении газеты. Цитированный выше В. Каррик в своих записях современника писал, что «Рубинштейн, не прячущий своего еврейства, только в этой области является до известной степени идейным человеком».²³ «Идейность» эта сводилась к стремлению «противодействовать юдофобству». И вот, верно ли, что благодаря деньгам Рубинштейна значительно смягчило свою позицию в еврейском вопросе «Новое Время»?

Для того, чтобы выяснить этот вопрос пришлось ознакомиться с содержанием «Нового Времени» за ряд месяцев 1915 и 1916 годов, прочитать передовые и руководящие статьи — в частности, все статьи Меньшикова, Розанова, Столыпина, Ренникова и других за это время. Вывод: — действительно, за годы войны «Новое Время», оставаясь органом, консервативного направления, потеряло характер боевого юдофобского органа печати, каким оно было в течение десятилетий до войны.

Этот поворот произошел не сразу. В мае 1915 года, когда на фронте и в тылу усилились обвинения против евреев в шпионаже и измене, «Новое Время» придерживалось ярого юдофобства. С июня стали заметны колебания в антисемитском курсе газеты, а с августа (возможно, что к этому времени начало сказываться и влияние Рубинштейна в газете) «Новое Время» стало незаметно впадать в оппозиционный тон по всем вопросам, которые волновали общественное мнение. В 1916 году оппозиционность газеты потускнела, и на передний план стали выпячиваться реакционные тенденции газеты,

опять с некоторым привкусом антисемитизма, — тем не менее и в эти месяцы трудно было бы определить направление «Нового Времени», как юдофобское. Возможно, что это объясняется огромным сдвигом, происшедшим в стране под впечатлением думских речей начала ноября 1916 г. и убийства Распутина в декабре. Не исключено также, что купленная правительством газета должна была, как об этом писал Барк царю, «сохранить видимую независимость». Может быть, «Новое Время» и «сохраняло независимость»!

Чтобы не быть голословным в характеристике направления «Нового Времени», приведем некоторые иллюстрации. Ссылаясь на газеты «Русский Инвалид», «Армейский Вестник», «Наш Вестник», Меньшиков пишет: «Во всех этих газетах приводятся факты нескрываемой измены России со стороны некоторой части еврейского населения. Удостоверено множество случаев еврейского шпионажа... пришлось провести массовое выселение евреев (притом «энергическое»)... Курляндии... Потрясающее впечатление производит описание ужасающего случая в Кужи, где «евреи по выстрелу подожгли Кужи со всех сторон». Установлены «измена отечеству и предательские действия». Пусть «еврейская газета «Речь» хоть немного станет на русскую точку зрения... Благородно ли со стороны евреев изменять стране, где они находят худо ли, хорошо ли 500-летнее гостеприимство? Благородно ли клясться в своей верности и одновременно поджигать местечко, занятое утомленными русскими войсками... Никто не обвиняет всю еврейскую нацию. Но это не снимает ответственности евреев за весьма значительную часть племени»...²⁴

В том же номере А. Ст-н пишет о том же: «Предательство евреев в Кужи» и т. д.

«Новое Время» в редакционной статье пишет: «Не время теперь решать такие вопросы, как о равноправии евреев, чего добиваются «Речь», «День» и их еврейские и русские подголоски... Не время теперь переделывать законы о евреях»...²⁵ Возвращаясь через два дня к этому вопросу, «Новое Время» иронизирует по адресу тех, кто кричит «о муках и оскорблениях несправедливо гонимого Израиля. Возможно ли для Бикерманов молчать о еврейском вопросе, когда вся жизнь для них и начинается, и кончается этим вопросом?»

Разумеется, в «Новом Времени» не было ни слова об

ужасах массовых выселений евреев, против которых протестовал даже Совет министров и о прекращении которых перед генералом Янушкевичем хлопотали даже многие «непримиримые антисемиты», отдавая себе отчет в том, что на фронте пытаются таким путем переложить ответственность за военные поражения и бездарность генералов на беззащитных евреев. Разумеется, когда выяснилась вся вздорность и лживость всей истории в Кужи, «Новое Время» об этом не проронило ни слова. Но в летние месяцы 1915 г. все же наблюдается некоторый поворот в общей политической линии газеты, и антисемитские уколы и выпады попадают в ней реже.

Уже в мае и июне цензура вымарывает целые полосы в «Новом Времени». А. Ст-н (Столыпин, «вдовствующий брат», как его называли в оппозиционной печати) жалуется, что цензура не пропускает его статей.²⁷ И у Меньшикова попадают белые полосы. «Новое Время» печатает статью в защиту созыва Государственной Думы, являющейся «естественным представителем общества и народа».²⁸ В августе поворот газеты становится отчетливой. Без всяких комментариев сообщается, что в связи с ростом числа беженцев временно расширена черта оседлости, приводится заметка о еврейской программе прогрессивного блока, а хамелеон-Меньшиков пишет о евреях, как «первых носителях идеи вечного мира» и видит в них прообраз будущего. С сочувствием цитируется в газете думская речь Милюкова, содержащая жалобы на цензуру: «В газетах зачеркивают заявления о неосновательности обвинений евреев в поголовном шпионаже, сообщение о знаменитом деле в Кужи» и т. д. В сентябре «Новое Время» печатает статьи за прогрессивный блок и общественное министерство, против роспуска Гос. Думы, а скоро мы можем процитировать такие оппозиционные слова против свирепствующей цензуры: «Лишать русское общество слышать свободное слово — значит дать лишь новое оружие в руки врагов России».²⁹

В номерах газеты за 1916 г. встречаются все же антисемитские нотки. Например, очередной выпад против «Дня» звучит в таком виде: «Деревня мало интересуется г.г. Кугелей, зато выступать на защиту своих «предприимчивых» городских соплеменников от «грубого» воздействия полиции приходится чуть ли не каждый день».³⁰ Но и раньше, и позже «Новое Время», стараясь «сохранить видимость независимости», при-

ветствует отставку Штюрмера и т. д. и гордо заявляет: «государственную политику может вести только власть, тесно связанная с парламентом»³¹ и так — уже до конца 1916 года. Эта, пусть показная, независимость фактически привела к ослаблению антисемитской линии «Нового Времени».

4. АВАНТЮРИСТЫ ТЫЛА

Комиссия генерала Батюшина по расследованию злоупотреблений тыла была назначена по распоряжению начальника штаба Верховного Главнокомандующего, т. е. генерала М. В. Алексева, в конце мая 1916 года. Функции этой комиссии были довольно неопределенные, но весьма обширные. П. Курлов в своей книге пишет, что генерал Батюшин, ближайший сотрудник генерала Бонч-Бруевича по контрразведке «включил в круг своих обязанностей борьбу со спекуляцией, дороговизной, политической пропагандой и даже рабочим движением... Его деятельность являлась формой белого террора, — им подвергались аресту самые разнообразные личности... Контрразведывательные отделения не признавали никакого подчинения и игнорировали не только гражданскую администрацию, но и военных начальников».³²

В этих условиях полного произвола довольно скоро стало ясно, что комиссия генерала Батюшина явилась новым способом для распутинского окружения «хорошо руки нагреть», как пишет Б. Алмазов. — «Созданная на трясине шантажа», комиссия Батюшина дала возможность «нагреть руки» прежде всего своим членам — самому ген. Батюшину, полковнику Резанову, подполковнику Орлову, прапорщику Логвинову и др. Тут как тут оказался и Манасевич-Мануйлов, которого Батюшин пригласил в качестве агента комиссии для того, чтобы лучше поставить дело. Есть основания считать, что назначенный тогда председателем совета министров Б. С. Штюрмер тоже был не прочь заработать на делах батюшинской комиссии.³³ Вокруг арестов финансистов и промышленников, произведенных комиссией Батюшина, развязался подлинный ажиотаж.

10 июля 1916 года у Мити Рубинштейна был произведен обыск. Когда полковник Резанов появился в квартире Ру-

бинштейна, последний его «встретил весьма иронически»: — «А я вас давно жду. Еще полтора месяца назад знал я о грядущей встрече — сказал ему Рубинштейн — и с тех пор слежу за вами. Удивительно не то, что я знаю о вашей слежке за мною, а то, что вы не знаете о моей слежке за вами»... Рубинштейн был, по-видимому, предупрежден о предстоящем обыске. Каким путем? Через Манасевича-Мануйлова? Нет. Как это видно из высокоофициального источника, не кто иной, как Б. С. Штюрмер представил письменный доклад царю 4 августа 1916 г., в котором сообщается, что Батюшинская комиссия в связи с арестом Рубинштейна привлекла к делу небезызвестного Гурлянда, тогда члена совета министерства внутренних дел, обвиняя его в том, что он, Гурлянд, сообщил о предстоящем обыске у Рубинштейна члену Государственного Совета Озерову и корреспонденту «Русского Слова» Руманову. Последний и предупредил Рубинштейна.³⁴

Заслуживает также внимания, что при обыске у Рубинштейна присутствовал и Манасевич-Мануйлов не только в качестве агента Батюшинской комиссии, но, как впоследствии сообщил сам генерал Батюшин, по официальному поручению премьера Штюрмера. Вообще тень Штюрмера неизменно сопровождает ряд существенных этапов, связанных с арестом Рубинштейна. Есть основание считать, что самый арест финансового дельца возник в связи с отказом дирекции Русско-Французского банка учесть векселя сына премьера Штюрмера на колоссальную сумму. От имени заинтересованных лиц по этому делу заявился в банк Манасевич-Мануйлов, но ушел не солоно хлебавши. И он же, Манасевич-Мануйлов, присутствуя на обыске в квартире Мити Рубинштейна, «в течение всей ночи, пока шел обыск, неоднократно вызывал по телефону премьер-министра Б. С. Штюрмера», сообщает Б. Алмазов в цитированной книге.³⁵

И в следующей стадии дела осуществилось самое тесное сотрудничество Манасевич-Мануйлова, полк. Резанова, ген. Батюшина и... Штюрмера, по-видимому, живо заинтересованных в этом общем деле. Манасевич-Мануйлов после ареста Рубинштейна свел свою роль к «совету» родственникам вносить деньги на освобождение, «указав адрес своей квартиры, куда надлежит внести указанные суммы». Так как никто из родственников на квартиру не явился, то была подвергнута аресту

и... жена Рубинштейна. Имеется телеграмма полк. Резанова генералу Батюшину, в которой говорится, что «патриарх» (так в заговорщицкой переписке фигурирует Штюрмер) предупредил о возможности в скором времени ликвидации Батюшинской комиссии, в связи с чем «необходимо заставить ее продать акции» (т. е. заставить г-жу Рубинштейн продать акции Юнкер-банка), на какой предмет жена банкира была освобождена из Дома предварительного заключения, где она содержалась комиссией в течение нескольких недель.³⁶

Одновременно с Митей Рубинштейном, арестованным 10 июля 1916 г., комиссией Батюшина, т. е. контрразведкой, был произведен арест целого ряда финансистов и промышленников, главным образом, сахарозаводчиков. Среди арестованных называли киевских сахарозаводчиков Бабушкина, Гепнера, Доброга, Животовского, прис. пов. Вольсона (юрисконсульта Рубинштейна). Известного сахарозаводчика гр. А. А. Бобринского арестовать не решились, но был арестован его управляющий Цехановский. В чем их обвиняли? Запись современника (В. Каррика), сделанная по свежим следам ареста, отражает реакцию широких кругов в таком виде: «Арест «Митьки» Рубинштейна и Ко. возбуждает очень много разговоров. Все расследования... неизменно приводили к заключению, что организована огромная спекуляция, нити которой находятся в руках «Митьки», действовавшего посредством широких подкупов. От «Митьки» зависели многие высокие лица, которых он щедро сужал деньгами».³⁷

Но обвинение в спекуляции несколько не исчерпывает мотивов арестов. Они были гораздо сложнее. «Дело это представляется неясным и загадочным до сих пор» — считают авторы книжки о Манасевиче-Мануйлове.³⁸ Арестованных обвиняли в снабжении сахаром германской армии, в скупке банкирами акций бывших германских предприятий и отправке этих акций в Берлин, в сокрытии сахарных запасов и в фиктивных продажах иностранным подданным в целях избавления от реквизиции.³⁹ Рубинштейну специально вменяли в вину спекулятивные операции с немецким капиталом, учет векселей Немецкого банка в Берлине и выплату через нейтральные банки денег кредиторам Русско-Французского банка, состоявшим в германском и австрийском подданстве, в спекуляции хлебом на Волге и в операциях, «способствовавших неприятелю». По не-

которым делам было предъявлено обвинение и по 108 ст. уг. улож. (государственная измена).⁴⁰

«Личный секретарь» Распутина, Симанович, сообщает, что непосредственным поводом к аресту Рубинштейна была продажа им акций страхового общества «Якорь» — страховому обществу в Швеции. Среди отправленных им в Швецию планов застрахованных предприятий были и планы украинских сахарных заводов. Рубинштейну грозила виселица... Любопытно в связи со слухами о прогерманском характере операций Рубинштейна отметить мнение цитированных выше К. Бецкого и П. Павлова, которые, считая дело Рубинштейна «неясным и загадочным», отмечают, что «орудовал Рубинштейн отнюдь не на германские, а на французские деньги» и что «его арест был скорее ударом по союзнической ориентации».⁴¹

В связи с арестом Рубинштейна естественно возникли и вскоре окрепли слухи о том, что он работал на Германию, что он попросту немецкий шпион или агент пронемецкой партии в России, стремившейся к сепаратному миру и группировавшейся вокруг Александры Федоровны. Интересно выяснить, что по этому вопросу рассказывают разнообразные мемуаристы. Симанович, например, утверждает, что во время войны Рубинштейн, по рекомендации Распутина, стал «банкиром царицы» — во всяком случае по поручению Александры Федоровны провел операцию по переводу денег ее бедным родственникам в Германии. Министр внутренних дел А. Н. Хвостов идет дальше в своих подозрениях относительно роли Рубинштейна. В Чрезвычайной следственной комиссии Хвостов показывал: «Распутин ездил в Царское, и ему давал поручение Рубинштейн узнать о том, будет ли наступление или нет... Нужны ли были Рубинштейну эти сведения, чтобы купить лес (в Минской губернии, как он говорил Распутину) или чтобы по радиотелефону сообщить в Берлин, чтобы потом могли послать 5-6 корпусов на Верденский фронт — это трудно установить».⁴²

Существенно привести по этому поводу мнение британского посла Дж. Бьюкенена. В своих воспоминаниях дипломата Бьюкенен пишет: «Распутин не состоял в непосредственной связи с Германией и не получал денег непосредственно от немцев, но его широко финансировали некоторые еврейские банкиры, которые по всей видимости были немецкими агентами.

Так как он имел привычку повторять перед этими еврейскими друзьями все то, что он слышал в Царском и так как государыня советовалась с ним по всем военным и политическим вопросам, многие полезные сведения доходили до немцев таким косвенным путем.⁴³

Разумеется, вопрос о том, кто работал на немцев и работал ли вообще, — до сих пор твердо не установлен. Достаточно сослаться на сообщение, сделанное ген. А. Деникиным со слов ген. Алексеева о том, что существовала всего в двух экземплярах — у царя и начальника штаба — карта всего русского фронта с подробным обозначением расположенных на нем войск, — между тем эта карта оказалась в бумагах Александры Федоровны: «мало ли кто мог воспользоваться ею?» — пишет ген. Деникин.⁴⁴

Когда Рубинштейн и вся группа сахарозаводчиков была арестована, Распутин и его теплая компания увидела в этом для себя новый источник наживы. «Распутин должен был получить за прекращение дела 100 тысяч рублей». ⁴⁵ Говорили и о «миллионных суммах», которые должны быть мобилизованы арестованными и предоставлены Распутину для воздействия на Царское Село.⁴⁶ Распутин, действительно, поспешил к Александре Федоровне, и она вскоре начала бомбардировать царя письмами, стараясь добиться освобождения Рубинштейна. Симанович сообщает, что Распутин выезжал к царице в Царское вместе с женой Рубинштейна. Так ли это или нет, но имеется ряд писем царицы с просьбами о Рубинштейне.

В письме к царю от 26 сентября Александра Федоровна просит, чтобы Рубинштейна «потихоньку услали в Сибирь и не оставляли бы здесь для раздражения евреев... Конечно, у него (т. е. Рубинштейна) были некрасивые денежные дела, но не только у него одного». В следующем письме Александра Федоровна просит царя переговорить с Протопоповым, тогда назначенным министром внутренних дел, а Распутин телеграфирует царю в Ставку об «узнике». 31 октября царица сообщает, что «Рубинштейн умирает» и просит царя «немедленно телеграфировать Рузскому, передать Рубинштейна... министру внутренних дел». 1 и 3 ноября Александра Федоровна в двух письмах опять напоминает царю о Рубинштейне. Решено убрать Рубинштейна из рук военных властей и он переводится в Псковскую тюрьму в распоряжение министерства юстиции.

По словам Симановича, этого добились царица в последний момент через ген. Гурко.

Об этом же хлопотал ставленник Распутина, Протопопов, который после своего назначения министром устроил совещание банкиров и промышленников (Путилов, Каменка, Утин и др.). Как потом отметило «Былое» в очерке о Протопопове, «директора очень сдержанно, но и очень резонно потребовали амнистии Рубинштейну, Доброму, Гепнеру и др., засаженым за решетку. Протопопов распорядился — ничего не вышло. Они находились во власти ген. Батюшина... У Батюшина были свои соображения, и он был всемогущ». ⁴⁸

Приблизился, однако, час освобождения Рубинштейна. Зависело это от министра юстиции. Но министром был Макаров, ухитрившийся сохранить независимость и игнорировавший Распутина. Решено было тогда в шайке сменить министра. При помощи Манасевича-Мануйлова был назначен министром юстиции Добровольский, человек сильно скомпрометированный на прежних административных должностях и ныне включившийся в распутинскую клику. За назначение Добровольского и свое освобождение Рубинштейн «обещал чуть ли не пол-миллиона». ⁴⁹ По словам Симановича, Добровольскому, обычно занимавшемуся спиритизмом с г-жей Рубинштейн, последняя внесла взятку в 100 тысяч рублей на предмет освобождения Рубинштейна. Впрочем, это, возможно, было после второго ареста Рубинштейна, уже после убийства Распутина...

В «Новом Времени» мы могли прочесть по этому делу следующее сообщение: «По полученным нами сведениям, находящееся в производстве военных властей дело банкира Дмитрия Рубинштейна закончено и передается в ведение министерства юстиции. Лица, близкие к Рубинштейну, надеются, что скоро г. Рубинштейн будет освобожден из-под стражи и выпущен под залог или под поручительство». ⁵⁰ Это сообщение, вероятно, газета получила непосредственно из рук Манасевича-Мануйлова, человека, состоявшего, как мы знаем, на жалованьи и у Батюшина, и у Рубинштейна, арестованного Батюшиным и, действительно, находившегося в курсе дела: в день появления заметки в «Новом Времени», 6 декабря, Рубинштейн был освобожден.

К характеристике материальных ресурсов автора этой за-

метки в «Новом Времени» будет уместно привести следующую справку: «К сентябрю 1916 г. у Манасевича-Мануйлова имелось на текущем счету в Лионском кредите 200 тысяч рублей, в Русско-Азиатском Банке на онкольном счету 150 тысяч рублей при долге в 138 тысяч рублей и на дому 33 тысячи рублей наличными деньгами и на 25 тысяч рублей вексельных бланков за подписью Бориса Суворина».⁵¹

Правда, к этому времени сам Манасевич-Мануйлов стал жертвой больших передраг. За шантаж и за взяточничество он был арестован 20 августа. И хотя по требованию царицы он был вскоре освобожден,⁵² тем не менее Манасевич-Мануйлов был предан суду. Суд состоялся незадолго до революции, в феврале 1917 года. На суде допрашивался и ген. Батюшин (который, в свою очередь, попал под арест в связи с делом арестованных финансистов и сахарозаводчиков). Было уж это после убийства Распутина. Коротко говоря, Манасевич-Мануйлов был приговорен к 1½ годам арестантских отделений. Полноты ради биографии Манасевича-Мануйлова, нужно добавить, что февральская революция вновь его освободила из тюрьмы. Арестованный снова, он был освобожден окончательно после октябрьской революции 1917 г. Однако, вскоре при попытке на станции Белоостров нелегально перейти границу, Манасевич-Мануйлов был опознан и расстрелян.⁵³

* * *

Среди авантюристов первой мировой войны, — по-видимому, продавших свою шпагу немцам, нужно выделить двух персонажей: Колышко и Бебутова. В сборнике документов «Германия и революция в России 1915-1918», почерпнутых из архивов германского министерства иностранных дел и опубликованных в Лондоне в 1958 году, мы находим обширное примечание, связанное с именами Колышко и Бебутова. Вот его текст:

«Согласно немецким источникам, Колышко был в течение 15 лет, т. н. частным секретарем барона Витте. В июне 1915 года он прибыл в Стокгольм вместе с американцем Пассвиллом, который представил его германскому послу. Колышко выразил готовность проводить в московском «Русском Слове» немецкую пропаганду в пользу мира. Ранцау из Копенгагена сове-

товал быть сдержанным и осторожным в отношении Кольшко и его планов.

В июле 1916 года Кольшко вновь появился в Стокгольме на этот раз в обществе князя Бебутова. Агент министерства иностранных дел Бокельман вел с ними переговоры. Выяснилось, что оба русских считают чрезвычайно желательной организацию издательства, которое должно стать центром пронемецкой пропаганды. В переговорах участвовали также агенты Стиннеса в Скандинавии, Тренк или Ферман.

12 августа 1916 года Стиннес согласился предоставить Бокельману заем в 2 миллиона рублей на предмет финансирования издательства в России. Спустя два дня статс-секретарь по иностранным делам Ягов и Стиннес подписали в Берлине соглашение, по которому министерство иностранных дел сохраняло за собой право контроля над делом, — в части, касающейся германо-русских отношений.

Возможно, что часть сумм, предназначенных для воздействия на русскую печать в интересах Германии и мира, попала через Кольшко в газету Максима Горького «Новая Жизнь». В одном из своих докладов Стиннесу Ферман сообщал: «Она («Новая Жизнь») стала выходить только сейчас (май 1917 г.), и предположение, что наш друг связан с нею, представляется обоснованным».⁵⁴

О Бебутове, принимавшем вместе с Кольшко участие в соглашении о постановке пронемецкой пропаганды во время войны, нам приходится говорить в другом месте. Бебутов был одним из деятелей русского масонства и в 1917 году разоблачен как сотрудник Департамента полиции, освещавший либеральные круги русского общества. Приведем здесь прежде всего биографическую справку о нем, составленную Чрезвычайной Следственной Комиссией Временного Правительства:

«Бебутов, Давид Осипович (род. в 1859 г.), князь, ст. сов., стар. княж. грузинского (карталинского) рода. Николаевское кавалерийское училище и Пажеский корпус. В 1879 г. — прапорщик л.-гв. в Преображенском полку; в 1884 г. — причислен к департаменту уделов. Видный член к. д. партии; уполномоченный по делам графа А. А. Орлова-Давыдова (члена 4 Госуд. Думы от Калужской губ., прогрессиста). В 1917 году организовал на средства О(рлова?) в Берлине комитет по оказанию помощи русским, находящимся там во время войны».⁵⁵

К характеристике кн. Бебутова стоит привести показания Манасевича-Мануйлова, сотрудника «Нового Времени» и Департамента полиции, данные им в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. На вопрос: — чем занимался кн. Бебутов, которого он знал лет 20, — Манасевич-Мануйлов отвечает: — «Вот для меня всегда было тайной, чем занимался кн. Бебутов... Как то раз я вечером был позван к Плеве и случайно вдруг вижу Бебутова выходящим от Плеве. Я был очень удивлен потому, что Бебутов слыл за крайнего либерала... Грек Мицакис, агент Рачковского за границей, был тоже в сношениях с Бебутовым», — добавляет Мануйлов.⁵⁶

О роли князя Бебутова в кадетской партии дает красочное представление А. Тыркова-Вильямс. Кн. Бебутов появился перед открытием первой Думы. «Не слишком молодой, но франтоватый, дамский поклонник, малообразованный..., он щеголял резкостью суждений, громко ораторствовал, требуя от партии самых решительных слов и действий».⁵⁷ Одиннадцать лет до самой революции «провертелся» Бебутов меж кадет и масонов. А те и не подозревали, что он служит в Охранке, а затем — и немецкий агент. Между прочим, в отчетах Чрезвычайной Следственной Комиссии имеется упоминание, что Бебутов, будучи в Стокгольме, -встречался там и с Протопоповым.⁵⁸

Несколько больше подробностей имеется о Кольшко, другом авантюристе этой эпохи.

Краткая биографическая справка о Кольшко гласит: «Кольшко, Иосиф-Адам-Ярослав Иосифович (род. 1862), действительный статский советник, чиновник особых поручений при министерстве финансов. Драматург, публицист. (Псевдонимы: Серенький, Баян), сотрудник «Гражданина», «Русского Слова» и других газет. При Временном Правительстве был заподозрен в нелегальных сношениях с Германией, арестован, но затем освобожден».⁵⁹

В обществе о Кольшко циркулировали пестрые слухи. Говорили, что он действительно в течение ряда лет состоял при Витте и в печати проводил активно защиту его финансовых реформ. Говорили также, что в революцию 1905 года Кольшко участвовал в составлении Всеподданнейшего доклада Витте Николаю II и в выработке манифеста 17 октября. Витте в своих воспоминаниях не только об этом не упоминает, но

несколько раз аттестует Кольшко, как чиновника с неопытными повадками и хлестаковскими приемами.⁶⁰ Под своим собственным именем Кольшко ни в публицистике, ни на общественно-политической арене не подвизался. Только две-три пьесы, с которыми он выступал как драматург, шли от его имени. Но вся публицистика его развивалась исключительно под псевдонимами в изданиях противоположного направления.

Так, Кольшко подписывался «Серенький» в правом «Гражданине» князя Мещерского, «Баяном» он подписывался под статьями в либеральном московском «Русском Слове» Сытина, а псевдонимом «Рославлев» покрывался в «СПБ-Ведомостях» князя Ухтомского, — газете, жившей на казенные объявления.

Вот эта особенность Кольшко, о которой довольно широко было известно в полосу между двух революций, эта беспринципность, это двурушничество Кольшко и было самой характерной чертой его публицистического дарования. По-видимому, Кольшко было все равно, где писать и о чем писать:

лишь бы платили. Нет ничего удивительного в том, что при таком взгляде на вещи Кольшко-Баян-Рославлев-Серенький дошел во время первой мировой войны до предложения своих услуг кайзеровской Германии. Тут дело было серьезное, и пахло миллионами!

В мае 1917 года разразилась буря над головой Кольшко. Арест его был произведен контрразведкой по поручению министра юстиции Временного Правительства, в ночь с 22 на 23 мая. «Имя К., его литературное дарование и острое перо были хорошо известны русскому обществу, — пишет начальник военной контрразведки Б. Никитин в своих воспоминаниях. — Поэтому легко себе представить сенсацию, вызванную его арестом».⁶¹ Никитин сообщает о ряде неудачных переговоров Кольшко с «Русским Словом» в Москве и с другими газетами и подтверждает факт покупки у Нотовича газеты «Петроградский Курьер». Нотович на допросе этого не отрицал, сославшись на то, что денежные источники Кольшко ему не были известны.

При обыске у Кольшко были обнаружены пронемецкие документы, в том числе проект договора Германии с Россией,

который, между прочим, предусматривал требование самостоятельности Финляндии и Украины. Любопытно, что это же требование в ту пору выдвигалось и пропагандой большевиков. Вообще характерно, что некоторый параллелизм политических идей у Кольшко с Лениным наблюдался...

Б. Никитин приводит найденное у Кольшко письмо, адресованное им в Стокгольм некоей Брейденбол, связанной с немцами, в котором Кольшко писал: «Мы много работали, чтобы прогнать Милюкова и Гучкова» и одновременно хлопотал о скорейшей присылке миллиона рублей. Но контрразведка установила также какие-то прямые нити, ведущие от Кольшко к большевикам в лице некоего Степина, частого посетителя дворца Кшесинской, — этого большевистского центра. Кроме того, один из названных в печати персонажей по июльскому выступлению большевиков, делец Шперберг был также связан с Кольшко.⁶²

Дело «публициста К.», однако, не получило развития. По-видимому, чрезвычайные события эпохи февральской революции сорвали обвинения по адресу Кольшко, как оборвали и расследование после июльских дней обвинения Ленина и компании в получении немецких денег. После ареста Кольшко был посажен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, где провел несколько месяцев. В сентябре 1917 г., по-видимому, по болезни, но все же под залог в 30 тысяч рублей Кольшко был освобожден при министре юстиции Малянтовиче. Сам Кольшко, очутившись в эмиграции, отрицал в письме в «Последних Новостях», что он был освобожден под залог, видя в этом доказательство своей невиновности.

Между прочим, в то время, как Кольшко сидел в тюрьме, в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства (в заседании 14 июня) происходил допрос б. председателя совета министров при старом режиме Штюмерера. На допросе выяснилось, что Кольшко перед отъездом в Швецию был у Штюмерера и беседовал с ним в течение нескольких часов. О чем? Штюмерер отрицал, что он говорил с ним о мире с Германией. При этом он утверждал, что он «так мало его знал». Штюмерер «познакомился с ним у князя Мещерского, и там Кольшко давно не бывал».⁶³

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. И. Деникин. «Очерки русской смуты», т. I, в. I, стр. 10.
2. «Голос Минувшего», 4-6 кн., 1918.
3. В. Семенников. «Политика Романовых накануне революции». М., 1926, стр. 117.
4. В. Семенников. «Политика Романовых накануне революции». М., 1926, стр. 177.
5. Переписка Романовых, т. II, стр. 332.
6. А. Симанович. «Распутин и евреи», Рига, 1927.
7. Б. Алмазов. «Распутин и Россия», Прага, 1922, стр. 60.
8. С. Белецкий. «Былое» № 22, 1923, стр. 255.
9. Б. Алмазов. «Распутин и Россия», стр. 74-75.
10. А. Симанович. стр. 90-91.
11. А. Симанович, стр. 56, 74-75.
12. Г. Б. Слиозберг. «Дела минувших дней», Париж, 1934, т. III, стр. 347-350.
13. А. Симанович, стр. 90-91.
14. В. Семенников. «Политика Романовых и т. д.», стр. 126-27.
15. «Голос Минувшего», 4-6 кн., 1918. Записи В. Каррика от 22 и 28 ноября 1915 г.
16. «Союз русского народа», М., 1929, стр. 191.
17. «Былое» № 23, 1924, стр. 281.
18. «Дело Народа», от 2 марта 1917 г.
19. В. Семенников. Стр. 126-129.
К. Бецкий и П. Павлов. «Русский Рокамболь». Изд. «Былое», Ленинград, 1925, стр. 226-229.
20. Алексей Суворин. «Как «Новое Время» было продано. Заседание совета «Н. В.» 16 декабря 1914 г.», стр. 17.
21. Падение царского режима, т. VII, стр. 412.
22. Ю. Оксман. «Русская Воля, банки и буржуазная литература». «Литературное Наследство» № 2, 1932.
В. Алексеев. «Подкуп «Нового Времени» царским правительством» — «Красный Архив», кн. 21. 1927 г.
23. В. Каррик. Запись 28 ноября 1915 г.
24. «Новое Время», 7 мая 1915 г. «Должны победить» СХХ.
25. «Новое Время», 25 мая 1915.
26. «Новое Время», 27 мая 1915.
27. «Новое Время», 11 июня 1915.
28. «Новое Время», 29 мая 1915.
29. «Новое Время», 14, 18, 22, 26 августа. 2, 4, 13 сентября 1916.

30. <Новое Время>, 25 октября 1916.
31. <Новое Время>, 11, 13, 18 ноября 1916.
32. П. Курлов. «Гибель императорской России», Берлин, 1923, стр. 162-163.
33. Б. Алмазов. «Распутин и Россия», стр. 74-75.
- К. Бецкий и П. Павлов. «Русский Рокамболь», стр. 226-29.
34. В. Семенников. «Монархия перед крушением», стр. 142-43.
35. Б. Алмазов, стр. 100-101.
36. Б. Алмазов, стр. 176-79.
37. Запись В. Каррика от 15 июля 1916. «Голос Минувшего».
38. К. Бецкий и П. Павлов, стр. 183-84.
39. Б. Алмазов, стр. 100-101.
40. В. Семенников. «Политика Романовых и т. д.», стр. 118-120.
41. К. Бецкий и П. Павлов, стр. 183-84.
42. «Падение царского режима», т. I, стр. 32.
43. Дж. Бьюкенен. «Моя миссия в России», т. I, стр. 178, Берлин, 1924.
44. А. Деникин, т. I, стр. 17.
45. Бецкий и Павлов, стр. 183-84.
46. Б. Алмазов. Стр. 176 и др.
47. Переписка Романовых. Т. II, стр. 202, 205.
48. «Былое» № 23, 1924 г., стр. 231.
49. «Падение царского режима», показания Добровольского. В. Семенников. «Политика Романовых», стр. 122-123.
50. «Новое Время» от 6 декабря 1916.
51. Падение царского режима, т. VII, стр. 376.
52. В. Семенников, стр. 118 и др.
53. Бецкий и П. Павлов. Русский Рокамболь.
54. "Germany and the Revolution in Russia 1915-1918." Edited by Z. A. V. Zeman. London, 1958, p. 92.
55. «Падение царского режима», т. 7. Именной указатель.
56. «Падение царского режима», т. 8., стр. 74-75.
57. А. Тыркова-Вильямс. «На путях к свободе», 1952, стр. 398.
58. «Падение царского режима», т. 1, стр. 157.
59. «Падение царского режима», т. 7. Именной указатель.
60. С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3. Москва, 1960, стр. 576 и др.
61. Б. Никитин. «Роковые годы», Париж, 1937, стр. 64, 73 и др.
62. С. П. Мельгунов. «Золотой немецкий ключ большевиков», Париж, 1940, стр. 96-97, 103.
63. «Падение царского режима», т. 5, стр. 189. 108

МАСОНЫ В РУССКОЙ ПОЛИТИКЕ

1. КОНСПИРАТОРЫ

Существовала в России, может быть, немногочисленная, но политически влиятельная организация, представители которой играли весьма видную роль в переломные годы русской истории, — в 1915-1917 годы, в эпоху первой мировой войны и февральско-мартовской революции. Особенностью этой организации была прежде всего ее засекреченность, доходящая до того, что спустя много десятилетий ни один из ее участников не разгласил ни тайны ее состава, ни тайны ее деятельности. Другой отличительной чертой этой политической организации является пестрота, разномастность, разношерстность деятелей, которых она объединяла, — людей, принадлежавших к разным, подчас враждующим между собой партиям и группам, но стремящихся несомненно создать активный политический центр, не межпартийного, а надпартийного характера.

Таковы были русские масоны, члены последней по времени — до октябрьского переворота — масонской организации, сведения о которой могут быть собраны не без труда из разных, рассеянных то тут, то там фактов или намеков. Достаточно привести десяток имен известных русских политиков и общественных деятелей, принадлежавших к масонской элите, — чтобы подчеркнуть, что в данном случае мы имеем дело не только с существенным фактором русской политики указанного времени, но и с редким феноменом, мимо которого, однако, прошли почти все историки эпохи, и о котором ничего не знает, кроме вызывающих скепсис слухов, рядовой читатель.

Вот несколько имен из списка масонской элиты, которые

на первый взгляд кажутся совершенно не укладывающимися в одну организацию, на деле, однако, тесно связанных между собой на политическом поприще: князь Г. Е. Львов* и А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов и Н. С. Чхеидзе, В. А. Маклаков и Е. Д. Кускова, великий князь Николай Михайлович и Н. Д. Соколов, А. И. Коновалов и А. И. Браудо, М. И. Терещенко и С. Н. Прокопович. Что поражает в этом списке, это буквально людская смесь, в которой так неожиданно сочетаются социалисты разных мастей с миллионерами, представители радикальной и либеральной оппозиции с лицами, занимающими видные посты на бюрократической лестнице, — вплоть до... бывшего директора Департамента полиции. Что за странное явление, особенно непривычное в русской общественной жизни, для которой всегда были характерны полярность воззрений, сектантское начало во взаимоотношениях, взаимные отталкивания!

Неудивительно, что многие, краем уха слышавшие о масонах, берут под сомнение самый факт их существования, во всяком случае не без недоумения встречают сообщения об их роли. Как? Масоны? — говорят они. — Мы знаем в годы первой мировой войны о распутинской клике, имевшей связи при царском дворе, мы слышали о великих князьях и генералах, пытавшихся уговорить двор пойти на компромисс с Государственной Думой. Широко известно было о политических домогательствах кадет, о выступлениях трудовиков и социал-демократов. В газетах мелькали имена ведущих русских политиков: А. И. Гучкова, П. Н. Милюкова. Но о масонах ничего не приходилось ни слышать, ни читать. Может быть, только о... «жидо-масонах», об этой фантазмагории, сочиняемой в черносотенной печати и в тайной полиции, над которой принято было смеяться?***

* Автором получено опровержение о масонстве князя Г. Е. Львова с ссылкой на церковные настроения первого председателя Временного Правительства...

**Вот образец трактовки этого вопроса черносотенным «Русским Знаменем»: «Человечеству угрожает новая опасность... международный жидовский санхедрин, существующий до сих пор только тайно, превращается в явное и весьма признанное учреждение, которое будет первым шагом на пути жидовского всемирного господства, первым признанием всеми государствами высшей власти жидовства... Страшные сказки воочию осуществляются жидо-масонством, идущим твердо и неуклонно к тысячелетней своей цели, то есть к превращению всех народов в полных и покорных рабов народа богоубийц и сумасшедших преступников». (Цитата взята из книги П. Е. Щеголева «Охранники и авантюристы». М. 1930).

Для того, чтобы никому не было обидно, что он что-то важное упустил, чего-то существенного не заметил в русской политике, — стоит привести успокоительное сообщение, что мы все, ничего не знавшие в свое время о политическом масонстве, находимся не в плохой компании: П. Н. Милюков в своих воспоминаниях, написанных в начале 40-х г.г. и изданных в 1955 г., сознается, что он ничего не знал о масонах. Касаясь ряда явлений этого порядка, он не решается и сейчас называть это масонством и прибегает к довольно странным, окольным определениям: «Если я не говорю... здесь ясно, — пишет он, — то это потому, что, наблюдая факты, я не догадывался об их происхождении в то время и узнал об этом из случайного источника лишь значительно позднее периода существования Временного Правительства». Иными словами, такой осведомленный человек, как Милюков, стоявший в самом пекле политической и общественной жизни России, даже не догадывался о деятельности и роли масонов, и только случайно, только много позже февральской революции узнал об этом. Так основательно была, по-видимому, засекречена, законспирирована деятельность масонов! Так тщательно скрывали они факт своего существования и так усердно прятали концы в воду!

В некотором противоречии с этим находится утверждение Милюкова, сделанное в другом месте — и, правда, связанное с его первыми соприкосновениями еще в начале 90-х г.г. с французскими масонами. Милюков рассказывает, что замечания одного встреченного им масона о «всемогуществе (масонов) во Франции... произвели (на него) очень сильное впечатление». В связи с этим он добавляет: «Мне неоднократно предлагали вступить в масонскую ложу. Я думаю, что это впечатление было одним из мотивов моего упорного отказа. Такая сила коллектива мне казалась несовместимой с сохранением индивидуальной свободы».¹

Надо сознаться, что читатели мемуаров Милюкова не без удивления отметили его странную манеру выражаться, ни разу не упоминая имени масонов и ограничиваясь какими то намеками. Это тем более необъяснимо, что задолго до второй мировой войны в печати говорилось о масонах, назывались многие имена. Милюкову несомненно была известна работа С. П. Мельгунова, печатавшаяся отдельными главами в газетах и вышедшая в 1931 г. отдельной книгой («На путях к государственному перевороту»), в которой немало говорится о масонах. Он знал и мемуары И. В. Гессена «В двух веках», вышедшие в 1937 г., в которых дан конкретный материал о масонах. Сами масоны, говорят, связанные клятвой, молчат, но почему Милюков чувствует себя связанным в этой области, — непостижимо.

2. ИЗ ИСТОРИИ МАСОНСТВА

Прежде, чем перейти непосредственно к интересующей нас теме о масонах в первую мировую войну и февральскую революцию, — будет уместно коснуться вопроса о русском масонстве в 20 веке вообще. Правда, заметной политической роли оно не играло, хотя вполне возможно, что масоны пытались организовать какие то кадры политической оппозиции. Это было так понятно в России, только что пережившей бурную эпоху 1905 года и первых двух Государственных Дум. Характерной чертой русского масонства тех лет был, по-видимому, факт связанности его с французскими масонскими ложами. Русские масоны как бы светили заемным светом с Запада. Так, по данным, опубликованным в печати (особенно Мельгуновым и некоторыми другими), в Москве в годы 1906-1911 существовала ложа «Астрея», связанная с именем психиатра Н. Н. Баженова, а в Петербурге — «Северная Звезда», возглавлявшаяся «оратором» М. С. Моргулиссом и «секретарем» кн. Д. Бебутовым. По тем же данным, в Петербурге существовала ложа «Космос», в которую вошли, — возможно, еще во Франции, — профессора Русской Высшей Школы в Париже 1906-07 г.г. Максим Ковалевский, Е. Вл. де Роберта, Е. Аничков, Ю. Гамбаров. Среди масонов этой французской выучки называли также Вырубова, Кедрина, Амфитеатрова. Об участии В. А. Маклакова уже в этот ранний период в масон-

ском движении мы время от времени наталкиваемся в печати. Так, например, А. Тыркова-Вильямс описывает свою встречу с Маклаковым в Париже в 1905 году: «Маклаков в первый раз меня видел. Но это не помешало ему как-то незаметно сделать масонский знак. В Париже я смутно слышала, что проф. М. Ковалевский открыл в Париже русскую ложу. В нее вошли многие мои знакомые, включая Е. И. Аничкова».²

Это происходило за границей. Но вот И. В. Гессен, касаясь этого вопроса, приводит некоторый материал уже о русском масонстве. «Насколько мне известно, — пишет он, — Ковалевский (М. М.) был родоначальником русского масонства конца прежнего века. Русская ложа, отделение французской «Ложы Востока» была им торжественно, по всем правилам обрядности, открыта, а через несколько лет, в виду появившихся в «Новом Времени» разоблачений, была — за нарушение тайны — усыплена надолго и вновь воскресла уже в нынешнем веке... Замечательной для России особенностью было, что ложа включала элементы самые разнообразные — тут были и эсеры (Керенский), и кадеты левые (Некрасов) и правые (Маклаков), которые в партии друг друга чуждались, и миллионеры купцы и аристократы (Терещенко, граф Орлов-Давыдов) и даже члены Ц. К. эсдеков (Гальперн), которые открыто ни в какое соприкосновение с другими организациями не входили».³

Последняя часть цитаты из воспоминаний Гессена подводит нас ближе к участию масонов в русской политике в 1915-17 г.г. Между тем есть кое-какие упоминания о масонах более раннего периода, представляющие некоторый интерес. Так, заслуживает внимания, — под углом зрения изучения масонства, — известный эпизод с разоблачением главы эсеровской Боевой Организации Азефа, провокаторскую роль которого раскрыл не кто иной, как бывший директор Департамента полиции Лопухин, сосланный за это по приговору суда в Сибирь. Есть книжка, посвященная Александру И. Браудо, вышедшая в Париже, в которой ряд русских политических деятелей посвятил статьи ему, как общественному и культурному деятелю. В этой книге напечатаны статьи В. Бурцева и А. Аргунова, устанавливающие место А. И. Браудо в деле разоблачения предательской роли Азефа. Оказывается, что А. Аргунов, прибывший в Петербург нелегально по поручению засе-

давшего в Париже суда над Азефом, и имевший поручение лично получить подтверждение из уст Лопухина, б. директора Департамента полиции, о роли Азефа, благодаря А. И. Браудо мог встретиться с Лопухиным на частной квартире адвоката Е. С. Кальмановича, и б. директор Департамента полиции сообщил делегату Ц. К. эсеров все нужные ему сведения.

Как мог А. И. Браудо, сотрудник Публичной Библиотеки, еврейский общественный деятель, устроить эту встречу? Только по масонской линии. Как мог решиться Лопухин пойти на свидание к Кальмановичу с делегатом Ц. К. эсеров? Только по масонской линии. Как мог Лопухин выдать эсерам государственную тайну о провокаторской роли Азефа? Конечно, только по масонской линии. И хотя в упоминаемых эпизодах масоны ни разу не называются, — совершенно очевидно, что Лопухин и Браудо были связаны по линии масонства. Иначе даже нельзя понять этот эпизод, в котором скромный общественник-еврей Браудо мог располагать непосредственным контактом с главой политической полиции.⁴

Интересны некоторые подробности поведения А. А. Лопухина на суде, который состоялся 28-30 апреля 1909 г. в Петербурге, под председательством В. Н. Варварина, при прокуроре В. Е. Корсаке и защитнике А. Я. Пассовере. Лопухин заявил суду, что во всем этом деле, т. е. в сообщении, сделанном им об Азефе, «им руководили соображения общечеловеческого свойства». По поводу писем, посланных им Столыпину и другим после визитов к нему на квартиру Азефа и Герасимова, Лопухин заявил суду, что «с содержанием этих писем он познакомил двух лиц, назвать которых не желает по соображениям нравственного свойства». На суде Лопухин, рассказывая о посещении им одного приятеля, пришедшего предварительно переговорить с ним о возможности его встречи с делегатом Ц. К. партии социалистов-революционеров, заявил, что приятеля этого «назвать он не желает». И в объяснение своей роли в деле разоблачения Азефа Лопухин заявил на суде, что «поступал так в исполнение долга каждого человека не покрывать молчанием гнуснейшие из преступлений, к числу которых относятся совершенные Азефом».⁵

3. ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ И МАСОНЫ

Нет сомнений, что задолго до первой мировой войны политическая полиция время от времени проводила наблюдение над масонами. Результатом этих наблюдений явились статьи и заметки пресловутого Манасевича-Мануйлова («Маски» в «Новом Времени»), — конечно, о «жидо-масонах», на основании почерпнутых им сведений в недрах охранки. О возникавшем порой интересе к масонам даже у царя рассказывал генерал Герасимов, начальник Петербургского Охранного Отделения.

«Второй предмет, который очень интересовал царя, — рассказывает генерал А. Герасимов в своих воспоминаниях, — это вопрос о жидо-масонских ложах. Он слышал, что между масонами и революционерами существует тесная связь, и он ждет от меня подтверждения этого слуха. Я возразил, что я не знаю, каково положение за границей, но в России, по моим сведениям, отсутствуют жидо-масонские ложи, да и вообще масоны никакой роли не играют. Эта моя информация явно не показалась царю убедительной, потому что он уполномочил меня сообщить Столыпину, чтобы он представил исчерпывающий доклад о русских и заграничных масонах. Я не знаю, был ли представлен царю такого рода доклад; при Департаменте полиции работала комиссия, занимавшаяся вопросом о масонах, которая свою деятельность не закончила до самой революции 1917 г.»⁶ Эта беседа с царем имела место вскоре после убийства террористами петербургского градоначальника фон-дер-Лауница 3 января 1907 года.

Для установления связи между русскими и французскими масонами был послан в 1910 году Департаментом полиции в Париж коллежский ассессор Алексеев, донесение которого, кстати, дает возможность установить, что ген. Курлов и некоторые другие лица пытались (правда, неубедительно) через своих агентов записать убийство П. А. Столыпина в 1911 г. за счет масонов, якобы заинтересованных в его устранении. Красочное донесение Алексеева стоит частично процитировать, чтобы ближе ознакомиться с нравами охранки и, в частности, с той информацией, которая была представлена царю. Вот что доносит Алексеев генералу Курлову:

«От лиц, стоящих близко к здешним масонским кружкам,

удалось услышать, что покушение на г. председателя Совета министров находится в некоторой связи с планами масонских руководителей... Уже с некоторых пор к г. председателю Совета министров делались осторожные, замаскированные подходы, имеющие склонить его высокопревосходительство на сторону могучего сообщества. Само собой разумеется, попытки эти проводились с присущей масонству таинственностью и не могли возбудить со стороны г. председателя никаких подозрений... Масоны повели атаку и на другой фронт, стараясь заручиться поддержкой какого-либо крупного сановного лица. Таким лицом, говорят, оказался П. Н. Дурново, который сделался будто бы их покровителем в России, быть может, имея на это свои цели. Когда масоны убедились, что у них есть такая заручка, они уже начали смотреть на председателя Совета министров, как на лицо, могущее им служить скорее препятствием... Масоны были обеспокоены тем обстоятельством, что у власти стоял г. председатель Совета министров. В печати проскользнула однажды статья, заявляющая, что его высокопревосходительство находится «под влиянием масонов, действующих на него через его брата А. Столыпина». («Гроза», ном. 153 и «Русская Правда», ном. 13)... За границей же на премьер-министра смотрят, как на лицо, которое не пожелает принести масонству ни пользу, ни вред. Это последнее убеждение... побудило руководителей масонства прийти к заключению, что г. председатель Совета министров является для союза лицом «бесполезным», и следовательно, в настоящее время, когда масонство собирается нажать в России все свои пружины — даже вредным для целей масонства... Масоны ожидали в июле месяце каких-то событий. Тайные парижские руководители не сообщали о том, в каком именно виде события эти выльются, и только теперь по совершении факта, здешние масоны припоминают о кое-каких слабых намеках на г. председателя Совета министров, политикой которого верховный масонский совет был недоволен. Говорят, что руководители масонства... подтолкнули исполнение того плана, который был только в зародыше. Чисто «техническая» сторона преступления и кое-какие детали обстановки, при которой возможно было совершить покушение, была подготовлена через масонов... При теперешней постановке этого дела (охраны) покушение возможно лишь при посредстве масонских сил.

без помощи которых ни один революционный комитет не сможет ничего привести в исполнение».

Этот пространный документ не имел, конечно, прямого отношения к масонам, но он проливает свет на попытки Департамента полиции по свежим следам убийства П. А. Столыпина направить внимание влиятельных кругов и царя на масонский след, якобы, причастный к этому убийству, и тем отвести усиленно циркулировавшие слухи о прямой ответственности ген. Курлова, на которого молва указывала пальцем, который был предан суду, отмененному по личному приказу царя.⁷

Мы указывали на тщательную засекреченность масонского движения в России, особенно в период, когда масоны стали активизировать свою деятельность. Но, конечно, трудно было бы предполагать, что для Департамента полиции эта деятельность оставалась тайной. На деле оказалось, что среди русских масонов действовало полицейское око.

А. Тыркова-Вильямс в своих воспоминаниях довольно подробно характеризует князя Бебутова, кадета и масона, освещавшего деятельность и тех, и других по поручению тайной полиции. «Когда весной 1906 г., — пишет Тыркова, — понадобились деньги на устройство клуба, Бебутов привез Петрункевичу 10 тысяч рублей. Как выяснилось после революции, деньги дала охранка, чтобы ввести Бебутова в кадетские верхи». Он издал по-русски за границей огромного размера сборник «Последний самодержец» (это было, примерно, в 1910 г.) и ему удалось везти и распространить его в России, вероятно, тоже при содействии охранки.⁸

Бебутов играл своеобразную роль в русской общественной жизни вообще. Пишущему эти строки известно, что он основал довольно обширную русскую библиотеку в Берлине, которую передал на хранение Правлению Германской Социал-демократической Партии (по договору, подписанному с А. Бебелем, Германом Мюллером и др. в 1911 году) о том, чтобы библиотека после освобождения России была передана русским социал-демократам, но при условии, если большевики объединятся с меньшевиками в одной партии. Бебутов был уполномоченным графа Орлова-Давыдова, члена Государственной Думы и масона, в своем дворце — по сообщению Мельгунова — собиравшего заседания военной масонской ло-

жи. На средства Орлова организован был в Берлине Комитет по оказанию помощи русским, находившимся там во время первой мировой войны. Словом, Бебутов был пестрой и даже загадочной фигурой.

В февральскую революцию, когда обнаружилась его связь с Департаментом полиции, по требованию известных адвокатов Зарудного и Соколова, он был подвергнут домашнему аресту (один из масонов, М. Моргулиес, считал недоказанным его службу в охранке, хотя Бебутов не отрицал, что он не то информировался, не то информировал Манасевича-Мануйлова). В.Л.Бурцев, с своей стороны, считал Бебутова немецким агентом, что получило подтверждение в вышедших в Англии документах из архива германского министерства иностранных дел.⁹

4. РИТУАЛ. ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ МАСОНСТВА

Да будет позволено в порядке личного отступления дать пишущему эти строки свидетельское показание об одной провинциальной ложе масонов, — рассказ, который мне привелось слышать осенью 1918 года на нарах большевистской тюрьмы от приятеля, почему-то решившегося нарушить тайну и исповедаться. Для меня этот рассказ прозвучал фантастически.

«Помните, — рассказывает он, — как в 1915 году к нам приезжал по дороге на фронт член Государственной Думы, кадет Колюбакин. Он уж оттуда не вернулся — кажется, пал жертвой несчастного случая. Провел он у нас два дня, и за это время основал у нас масонскую ложу.

— Я не был приглашен на заседание и в ложу не вошел, — продолжал мой сосед по нарам, — но довольно скоро после того к нам приехал другой член Государственной Думы К., с которым я был знаком с 1913 года. Вот тогда я был приглашен на собрание, и К. был тот, кто вводил меня в ложу. Я был к этому подготовлен. Один из друзей, обычный участник наших политических совещаний тех лет, запрашивал меня предварительно, согласен ли я вступить в ложу масонов. Не помню, какие мотивы он приводил. Он только, во-первых, требовал от меня обещания держать в секрете весь разговор и, во-вторых,

спросил меня, «готов ли я всем пожертвовать, вплоть до самой жизни, в борьбе за истину и свободу». Когда я дал ему положительный ответ, он сообщил мне о предстоящей встрече с К.

— К. принял меня в кабинете хозяина квартиры, служившей местом наших обычных политических совещаний. Меня удивил прежде всего ритуал приема в ложу. Я читал об этом и думал, что ритуал давно отменен... К. повязал мне глаза, поставил мне ряд вопросов (содержания их не помню), прочел формулу присяги, в которой были сакраментальные слова о готовности отдать жизнь за истину и свободу, — и я вслед за ним повторил эту формулу. По окончании присяги он вручил мне перчатки в знак посвящения, поцеловал меня и за руку ввел в другую комнату. Тут сняли повязку с моих глаз, и я увидел десяток своих старых знакомых, местных деятелей, ранее меня уже введенных в ложу. Мне было не по себе, когда эти люди, которых я обычно называл по имени-отчеству, величая меня «братом», говорили мне «ты», целовали и поздравляли с посвящением в ложу.

— Спустя некоторое время,—закончил мой сосед по нарам, — стали появляться другие люди, не состоявшие членами ложи, пришли и вы, — открылось наше обычное политическое совещание: доклад прибывшего из Петербурга депутата на актуальные темы и оживленная дискуссия, в которой приняли участие присутствовавшие в качестве представителей той или другой партии или политической группировки».

* * *

Под впечатлением этого рассказа и некоторых других информации, не раз я задумывался над политическим смыслом существования масонских лож. В основе их деятельности лежал принцип объединения, принцип коалиции разнопартийных сил. Но наши политические совещания, по общему решению, строились на этом принципе, который и не-масонами также разделялся. В России, в годы первой мировой войны влияние партий (не только в массах, но и среди интеллигенции) **было** невелико, их авторитет довольно таки поблек, — почему созыв коалиционных совещаний не встречал ни с какой стороны возражений. Не случайно даже немногие большевики, действо-

вавшие в Петрограде или Москве, не говоря уже об эсерах и меньшевиках, охотно являлись на пестрые совещания, происходившие незадолго до революции у Коновалова, Горького, Кусковой.

В 1915-16 г.г. все в России предчувствовали приближение великих канунов, грядущих исторических событий. Редко произносилось слово: революция. Ее призрака во время войны боялись, да кроме того среди либеральных и радикальных политиков преобладали оптимисты, весьма прекраснодушно смотревшие вперед и в душе, несмотря ни на что, надеявшиеся на «эволюцию». Двор и партия оголтелой реакции были изолированы в стране. В бюрократической твердыне были пробиты крупные бреши. Каждый офицерский кружок, каждая редакция либеральной газеты представляли собой очаг недовольства и требовали перемен. В этих условиях масоны, как политически беспартийная организация, абсолютно ничем не отличались от других.

Единственное, может быть, что в глазах масонов оправдывало их существование, это засекреченность организации, которая была продиктована, по-видимому, своеобразной философией масонов, «теорией элиты», которую они разделяли, воззрениями, в которых, если угодно, даже были элементы вождизма. В обоснование этой теории был положен довольно верный факт весьма низкого уровня политической культуры в России, молодость, слабая организованность и незрелость политических партий.

Но вот с наступлением февральской революции, казалось бы, должно было прекратиться засекреченное существование конспиративных кружков. Создалась обстановка, при которой на политической арене действуют открыто, под контролем общественного мнения легальные политические партии, со своими Ц. К., с ежедневной печатью, со своими фракциями и представительством в муниципалитетах и земствах, в органах революционного самоуправления, таких, как Советы, наконец, во Временном Правительстве и во всех совещаниях или учреждениях со всеми их исполнительными органами. Зачем же и в этой обстановке сохранили свое существование масоны?

Естественно возникает у не-масонов вопрос: почему в 1917 г. сохраняли масоны свои конспиративные кружки при свете дня, — как это было во мраке ночи? Неужели они видели

корректив к слабостям и недостаткам русской политики в том, чтобы закулисная и не носившая никакой ответственности "элита" взяла на свою совесть судьбы страны и революции и в своих засекреченных кружках решала и вязала все трудные вопросы о войне и мире, о власти и анархии, о корниловщине и большевизме? Вопрос этот не лишен значения в историческом и политическом разрезе. И теперь, когда все тайное постепенно становится явным, особенно остро этот вопрос задевает и волнует русских политиков, которые не принадлежали к масонским кружкам, но бесспорно играли роль в русской политике в эпоху первой мировой войны и февральской революции.

И если мы начали изложение — для конкретности — со списка деятелей, вошедших в русскую политику с позиций масонства, то, пожалуй, будет уместно привести перечень русских деятелей разных партий, которые никогда не были масонами. А ведь удельный вес их в русской жизни был не мал! Достаточно назвать П. Н. Милюкова, И. И. Петрункевича, В. Д. Набокова, М. М. Винавера, П. Б. Струве, Ф. И. Родичева, И. В. Гессена из кадет, Г. В. Плеханова, А. Н. Потресова, И. Г. Церетели, Ф. И. Дана, Ю. О. Мартова из меньшевиков, В. М. Чернова, А. Р. Гоца из с.-р., С. П. Мельгунова, Л. М. Брамсона, В. Мякотина из народных социалистов, чтобы понять, какой фактический раскол вносили масоны в русскую политику, во все партии, в эпоху войны и в февральскую революцию.

5. ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ И МАСОНЫ

Возрождение и активизация новейшего масонства относится, по-видимому, к 1915 году, когда все политические противоречия старого режима, особенно, в связи с войной, военными поражениями и экономической разрухой, достигли большого напряжения. Пользуясь работой С. П. Мельгунова, в которой собрано много данных об общественных настроениях этого времени, о планах, возникших в разных кругах, упирившихся на первых порах не столько в революцию, сколько в идею государственного переворота путем дворцового заговора, — можно установить, что работа масонов шла двумя каналами, **не** всегда соприкасавшимися между собой, хотя, может

быть, имевшими общее, разумеется, тайное руководство. Один из каналов шел в направлении объединения элементов, могущих совершить самый «акт», поддерживавших связи в дворцовых кругах и контакты с военными (гвардия, генералы). Другой канал связывал общественные круги, проникал в Государственную Думу, оказывал воздействие на печать.¹⁰

Хотелось бы тут подчеркнуть, что несмотря на разнокалиберность и разнопартийность составов масонских лож и даже несмотря на то, что многие масоны были в рядах противников или критиков Прогрессивного Блока, сумевшего под руководством П. Н. Милюкова, пробить существенную брешь в цитадели бюрократии, вплоть до министров и великих князей, — в общем масонов, как и Прогрессивный Блок характеризовало стремление не доводить неизбежно нарастающего политического кризиса до революции во время войны. Так или иначе между этими обоими каналами общественного недовольства масонство пыталось действовать в качестве «связующего звена», пыталось стать «закулисной дирижерской палочкой», чтобы «управлять событиями».

С. П. Мельгунов считает, что в основную головку политического масонства входила тройка, состоявшая из следующих лиц: Н. В. Некрасова, А. Ф. Керенского и М. И. Терещенко. Эта тройка в 1916 году, по его данным, превращается в пятерку, — к указанным лицам прибавляются А. И. Коновалов и И. Н. Ефремов. На основании воспоминаний Керенского, вышедших на французском языке, Мельгунов рассказывает еще об одном кружке масонов, «левом центре» в Государственной Думе, в составе четверки: Керенский и Чхеидзе — от трудящихся и с.-д. меньшевиков и Некрасов и Коллюбакин — от левых кадет.

Но ни думская четверка, ни центральная пятерка, по-видимому, не играли той руководящей роли, какую играло основное ядро, первоначальная тройка: Некрасов, Керенский, Терещенко. Насколько можно судить, функции между членами этой тройки распределялись таким образом: в то время как Некрасов держал связь с либеральными кругами, земцами, членами Государственной Думы, Керенский обрабатывал и втягивал в сферу масонского влияния — радикалов и социалистов разных мастей, Терещенко вел работу среди военных. Во всяком случае к кружку А. И. Гучкова, о котором было рассеяно столько

слухов и с которым молва в первую очередь связывала всякие планы о дворцовом перевороте, о пронунциаменто, — Терещенко имел непосредственное отношение. Если прибавить к этой тройке А. И. Коновалова и (уже значительно менее известного) прогрессиста из Государственной Думы И. Н. Ефремова, влиятельных в торгово-промышленных кругах, — то мы получим, что все нити возможных перемен в политическом режиме России, — во всяком случае по масонской линии, — были сосредоточены в руках пятерки.

Вопрос об отстранении царя и царицы возникал не раз в течение войны.

Об этом мы читаем в воспоминаниях А. И. Гучкова: «Если бы не вспыхнула революция, наш план был бы, вероятно, приведен в исполнение. Царский поезд должен был быть захвачен ночью». Царь должен был отречься в пользу наследника. «Соответствующие манифесты должны были быть заранее заготовлены». — «Что бы мы сделали, если бы государь... отказался отречься?» Тогда «нас бы, вероятно, арестовали и повесили». — «Дворцовый переворот был единственным средством спасения России и династии... Я был монархистом... и умру монархистом».¹¹

Об участии представителей офицерства в планах дворцового заговора мы читаем у А. Лукина, сообщающего со слов И. П. Ренгардтена о существовании «тайного офицерского кружка с вполне определенной политической тенденцией». Душой этого кружка был капитан К. Г. Житков, редактор «Морского Сборника». «Балтийский кружок (руководители капитан князь М. Б. Черкасский, капитан Ф. Ю. Довконт, капитан И. П. Ренгардтен) были связаны с графом Капнистом из морского генерального штаба и кружком А. И. Гучкова. Они называли себя «декабристами».¹²

Князь Г. Е. Львов на совещании земских и городских деятелей, среди которых известны имена Н. И. Астрова, А. И. Коновалова, В. А. Маклакова, М. М. Федорова, М. В. Челнокова, С. А. Смирнова, Н. М. Кишкина, И. П. Демидова и др. — неоднократно, исходя из чисто патриотических побуждений, восклицал: «С таким царем победить немцев нельзя!» В этих же кругах окрепла мысль о необходимости во всяком случае отстранить молодую императрицу, «немку», ставшую особенно опасной под влиянием Распутина, в период, когда на фрон-

те и даже в ставке заговорили об «измене». Шедшая по рукам переписка между Гучковым и генералом Алексеевым подливала масло в огонь, а ноябрьские речи 1916 года в Государственной Думе Милюкова, Шульгина и др., вымаранные цензурой, имели оглушительный успех и вызывали самый широкий резонанс в стране и особенно среди военных. Мельгунов отмечает в своей книге, как ген. Алексеев постепенно втягивался в конспирацию, и приводит запись, сделанную М. Лемке в ставке еще 9 ноября 1915 года: «Между Гучковым, Крымовым, Коноваловым, Алексеевым зреет какая то конспирация, какой то заговор, которому не чужд еще кое-кто».

Кто только тогда не говорил о дворцовом заговоре, о планах отстранения царя? Кулуары всяких съездов не меньше, чем кулуары Государственной Думы, были полны разнообразных слухов этого рода. Известно было о совещании великих князей (их собралось 16) с целью побудить Николая Второго решительно переменить политику и об интервенции великого князя Николая Михайловича в этом направлении. Мемуаристы рассказывают о миссии тифлисского городского головы Хатисова, беседовавшего с великим князем Николаем Николаевичем о необходимости низвержения царя. А Родзянко передает, что великая княгиня Мария Павловна столь откровенно в беседе с ним высказалась по этому вопросу, что он просил считать этот разговор «несуществующим».

Среди планов заговора того времени существовал так называемый морской план, о котором сообщил впоследствии Шульгин: предполагалось пригласить царицу на броненосец и увезти ее в Англию. Возможно, что заодно намечалось увезти туда и царя. Вообще мысль у потенциальных заговорщиков не останавливалась перед далеко идущими выводами, и вопрос об изоляции царя от царицы перерастал в вопрос о добровольном и принудительном отречении императора. Тень Павла 1-го встала над тронном Николая Второго, и в случае дворцового переворота, судя по намекам, дело могло закончиться царубийством.

С. П. Мельгунов, пытавшийся докопаться до сути, пришел к выводу, что кроме такого рода разговоров, были и люди, непосредственно причастные к заговору. Воспоминания А. И. Гучкова, частично опубликованные незадолго до второй мировой войны, — хотя и не дают оснований считать, что он сам

был масоном, но допускают возможность того, что примерно к ноябрю 1916 года существовала, находившаяся в прямой связи с масонским центром, тройка в составе Гучкова, Некрасова и Терещенко, — два последних, как выше указано, были руководящими членами масонской организации. При этом можно считать установленным, что один из них, Терещенко, был связан с кружком, в который входили тот же А. И. Гучков, генерал Крымов и князь Д. Вяземский, — кружком, откуда мог выйти и непосредственный исполнитель.

Как известно, с заговором, с планом дворцового переворота в разных его вариантах — опоздали. Он намечался, по разным сведениям, после убийства Распутина, на январь или февраль 1917 года. Но, по-видимому, уже шла скачка на приз, кто придет раньше к финишу: дворцовый переворот, который должен был предотвратить революцию, или революция. В этом историческом поединке заговорщики опоздали, и пришла революция. Одна из задач масонства, упирившаяся в идею заговора, таким образом, не получила своего выполнения.

Биографии почти всех промелькнувших здесь деятелей масонства широко известны. Стоит еще напомнить о двух лицах, входивших в кружок заговорщиков: генерала Крымова и князя Д. Вяземского. Последний погиб 2 марта 1917 г. от шальной пули, попавшей в его автомобиль во время объезда им казарм вместе с А. И. Гучковым. Что касается ген. Крымова, то он ранней осенью 1917 г. примкнул к выступлению Корнилова и после неудачи его покончил самоубийством.

6. ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И МАСОНЫ

О деятельности масонов по общественно-политической линии до сих пор ничего неизвестно. Вполне возможно, что они сами (и их деятельность) растворились в бурном море политической активности, которую в эти годы представляла собой Россия, особенно в ее интеллигентской части, и очень трудно будет будущему историку установить, что именно специфически-масонского было внесено в оживленную работу Земского и Городского Союзов, Военно-Промышленного Комитета, в Государственную Думу и в Особые совещания при Думе, которые привлекали к себе общественное внимание. В

конце концов, цели масонов совпадали с целями политических деятелей не-масонов, да и методы работы были те же, если не считать конспиративности организации, созданной масонами. Чем, в самом деле, отличалась в период существования Прогрессивного Блока деятельность не масона П. Н. Милюкова от деятельности масона В. А. Маклакова? Или деятельность С. П. Мельгунова от деятельности Е. Д. Кусковой? Или А. ф. Керенского — от А. Н. Потресова?

Насколько можно судить по мемуарам, один из вопросов, которым масоны особенно интересовались, был вопрос о составе будущего правительства, — министерства доверия или ответственного министерства. С. П. Мельгунов приводит в своей книге «На пути к дворцовому перевороту» личное письмо Е. Д. Кусковой, в котором она рассказывает, как 6 апреля 1916 года в ее квартире в Москве было созвано совещание представителей разных партий, которое занималось составлением списка членов будущего правительства России, — за год до революции, — причем в этот список вошли почти все имена, составившие в 1917 г. Временное Правительство. Но дело то в том, что списки, подобные Кусковскому, в те годы циркулировали повсюду, ибо все это были депутаты и лица очень популярные в России, — ничего не было легче, как такой список составить. Тем более, как пишет Кускова, при составлении списка «вращались в пределах к. д. и октябристов. О Керенском тогда никто и не вспомнил», как не вспомнили о Чхеидзе, Скобелеве, Гвоздеве, хотя на собрании были и социалисты. Возможно, что о социалистах не говорили, потому что считалось, что социалисты, особенно социал-демократы, не войдут в коалиционное, с преобладанием буржуазных элементов, правительство. С некоторой натяжкой можно допустить, что собрание у Кусковой состоялось по масонской линии. Это было «собрание из всех партий», — причем не из представителей, а персонально приглашаемых.

Но, как не без иронии заключает Мельгунов, «предусмотрительные люди», заготовлявшие впрок правительство были повсюду, и «политические лаборатории» функционировали в разных окружениях. Милюков в своих мемуарах приводит список членов будущего правительства, составленного на квартире П. Рябушинского еще 13 августа 1915 года. М. А. Алданов пишет, что в 1916 г. в кабинете князя Г. Е. Львова, в го-

стинице «Франция», был составлен список членов будущего Временного Правительства февральской революции (за исключением Керенского): в нем фигурировали Милюков, Гучков, Львов, Набоков, Шингарев, Маклаков, Коновалов и др. Если попытаться понять роль масонов в этот период канунов февраля, то надо прийти к заключению, что они склонны были держаться в тени, и главные их фигуры еще не выдвигались, как претенденты на власть: Керенский, Некрасов, Терещенко. Их час наступил с первыми трубными звуками февральской революции.

Когда пришла февральская революция, и Комитет Государственной Думы вместе с «контактной комиссией» Совета рабочих и солдатских депутатов в ночь на 3 марта выработал список членов Временного Правительства, и П. Н. Милюков ночью выступил в Таврическом дворце перед народом на митинге, представляя первых министров революции, — его положение оказалось нелегким. «Всего труднее, — пишет Милюков в своих мемуарах, — было рекомендовать никому неизвестного новичка в нашей среде, Терещенко, единственного среди нас «министра-капиталиста». В каком «списке» он «въехал» в министерство финансов? Я не знал тогда, что источник был тот же самый, из которого был навязан Керенский, откуда исходил республиканизм нашего (т. е. кадетского) Некрасова и Ефремова. Об этом источнике я узнал гораздо позднее».¹³

И. В. Гессен освещает этот вопрос в своих мемуарах более подробно, припоминая свои тогдашние беседы с Милюковым. «По-видимому, — пишет он, — масонство сыграло некоторую роль при образовании Временного Правительства. Недоуменно я спрашивал Милюкова, откуда взялся Терещенко, никому до того неизвестный чиновник при императорских театрах, сын миллионера, — да притом еще на посту министра финансов, на который считал себя предназначенным Шингарев, смертельно предпочтением Терещенко обиженный. Милюков отвечал: «Нужно было ввести в состав правительства какую-нибудь видную фигуру с юга России», и потом эта видная фигура вытеснила Милюкова и сама заняла его место министра иностранных дел. А когда это случилось, Милюков говорил: «при образовании Временного Правительства я потерял 24 часа (а тогда ведь почва под ногами горела), чтобы отстоять

кн. Г. Е. Львова против кандидатуры М. В. Родзянко, а теперь думаю, что сделал большую ошибку. Родзянко был бы более на месте». Я был с этим вполне согласен, но ни он, ни я не подозревали, что значение кандидатуры как Терещенко, так и Львова скрывалось в их принадлежности к масонству».¹⁴

Во Временном Правительстве февральской революции, как мы знаем, исключительная роль выпала на первых порах на долю князя Львова, а затем Керенского. Некрасов и некоторые другие тесные единомышленники его составляли бессменное основное ядро. Если до революции роль масонского руководства была завуалирована, то в февральскую революцию в правительстве члены этого руководства под другими личинами или в персональном плане заняли весь фасад. Милюков уделил в своих воспоминаниях не мало места и много желчи для характеристики масонского курса во Временном Правительстве.

«Когда дело дошло до моего ухода из правительства, — пишет Милюков, — именно Керенский в заседании правительства предоставил себе удовольствие объявить мне, что «семь членов правительства решили... переместить меня в министерство народного просвещения» (неприемлемое для Милюкова). «Кто были эти «семеро»? Конечно, прежде всего «триумвират» из Керенского, Некрасова, Терещенко. Затем два правых — Влад. Львов и Годнев. Кто же были остальные двое? А. И. Коновалов, личный и политический друг Керенского, и князь Львов».¹⁵

И Милюков обобщает наблюдения, сделанные им в правительстве:

«Я хотел бы подчеркнуть еще раз связь между Керенским и Некрасовым и двумя названными министрами — Терещенко и Коноваловым. Все четверо очень различны и по характеру, и по своему прошлому, и по своей политической роли; но их объединяют не одни только радикальные политические взгляды. Помимо того, они связаны какой-то личной близостью, не только чисто политического, но и своего рода политико-морального характера. Их объединяют как бы взаимные обязательства, исходящие из одного и того же источника... Из сделанных здесь намеков можно заключить, какая именно связь соединяет центральную группы четырех».¹⁶

В связи с этими Замечаниями Милюкова о связывавшей представителей масонской элиты близости и личной, и морально-политической, небезынтересно привести характеристику роли масонов в Великой французской революции, какую дает в своей истории революции П. Кропоткин. Он пишет: «Что помешало борьбе партий принять ожесточенный характер с самого начала революции? Весьма вероятно, что интимное и братское общение, установившееся еще до начала революции в масонских ложах, в Париже и провинции, между всеми видными деятелями того времени, способствовало этому единству действия... Почти все выдающиеся революционеры принадлежали к франк-масонству, а Филипп Орлеанский оставался великим национальным мастером вплоть до 13 мая 1793 года. Робеспьер, Мирабо, Лавуазье принадлежали к ложам иллюминатов, основанным Вейсхауштом»... «Предварительная работа несомненно установила между людьми действия известные личные отношения и привычки взаимного уважения», — пишет Кропоткин, — это дало им возможность «действовать в течение четырех лет с некоторым единством против королевского деспотизма». Масонские ложи были закрыты, вследствие внутренних разногласий, в начале 1793 года...¹⁷

Как мы уже выше указали, Милюков, в силу разных соображений, не хотел называть кошку — кошкой, а масонов — масонами, — и ограничивается, как говорят, прозрачными намеками, но их вполне достаточно, чтобы получить представление о месте и влиянии масонов в февральской революции и в событиях 1917 года.

Стоило бы остановиться еще на одном моменте, — поговорить о нитях, связывающих в этот период русских масонов с французскими. Ведь Франция, можно сказать, это прародина русского политического масонства. К сожалению, по литературе трудно проследить эту сторону вопроса. Однако, самый факт взаимовлияния довольно бесспорно вытекает из ссылок того же Милюкова на соглашения Керенского с Альбертом Тома, эмиссаром Франции, которые имели значение и в вопросе коалиционного правительства и о направлении внешней политики.¹⁸

Не будем здесь углублять анализ деятельности конспиративного кружка масонов и их руководящей элиты в февральской революции. Мы знаем, что имена кн. Львова, Керенского,

Некрасова, Коновалова, Авксентьева, Чхеидзе и других носили самые ответственные деятели этой эпохи. Мы можем только ограничиться недоумением: как это могло случиться, что после жестокого поражения, которое потерпела русская демократия, масоны не сочли нужным поделиться своей, масонской, интерпретацией событий и объяснить, что дало им право, моральное и формальное, ставить перед совершившимися фактами общественное мнение?...

7. БОЛЬШЕВИКИ И МАСОНЫ

В сумме вопросов и загадок, связанных с масонским движением, некоторый интерес представляет собой вопрос: были ли масоны среди большевиков? На этот вопрос следует ответить положительно. Среди большевиков, как и среди социалистов других толков, были масоны. Об эсерах-масонах свидетельствует факт видного участия Керенского в масонском движении. Из меньшевиков-масонов названы имена Чхеидзе, Гальперна. Между прочим, И. В. Гессен именует А. Я. Гальперна — членом ЦК эсдеков, что неверно, ибо Гальперн был членом партии, но никогда не входил ни в какое руководящее партийное учреждение. В порядке восстановления истины отметим здесь, что Милуков, в своих воспоминаниях, говоря о совещаниях у Кусковой, где составляли правительство, упоминает среди присутствовавших двух социал-демократов, и обоих относит к большевикам. В отношении Эм. Л. Гуревича-Смирнова это абсолютно неверно, ибо он всегда был меньшевиком довольно правого, ревизионистского толка, участником общественных и газетных начинаний Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповича, и Милуков только по необъяснимому недоразумению приписал его к большевикам.

Что касается подхода большевиков к масонскому движению, то об этом очень трудно сказать что-нибудь определенное. В советской литературе, исторической или мемуарной, редко можно встретить упоминание о масонах. Разумеется, никакой попытки осветить это явление и внести в него новые данные, там не было сделано. Любопытный образчик того, что допущено в этой области, представляет собой следующий отрывок из мемуаров Андрея Белого¹⁹, который также характе-

рен для всего облика этого сумбурно-пламенного поэта, в последний период своей жизни подыгрывавшего коммунистам своими антикапиталистическими настроениями. Вот цитата из Белого о русских масонах, в которой собран подлинный букет и неосведомленности и злобы.

«Есть еще, стало быть, что-то присевшее за капитализмом, что ему придает такой демонский лик; мысль о тайных организациях во мне оживала; об организациях каких то капиталистов, вооруженных особой мощью, неведомой прочим; заработала мысль о масонстве, которое ненавидел я; будучи в целом неправ, кое в чем был я прав; но попробуй заговорить в те годы о масонстве, как темной силе, с кадетами? В лучшем случае получил бы я дурак: какие-такие масоны? Их — нет. В худшем случае меня заподозрили б в бреде Шмакова. Теперь, из 1933 года, все знаю: Милюков, Ковалевский, Кокошкин, Терещенко, Керенский, Карташев, братья Астровы, Баженов, мрачивший Москву арлекинадой «Кружка», то есть люди, с которыми мне приходилось встречаться тогда или позднее, оказались реальными деятелями моих бредней, хотя вероятно, играли в них жалкую, пассивную роль; теперь обнаружено документально: мировая война и секретные планы готовились в масонской кухне...»

Цитату продолжать не стоит. Нужно только подчеркнуть, что замечания Андрея Белого, будто к 1933 году «обнаружены документы», по меньшей мере, преувеличены. Никаких документов большевики не опубликовали и, разумеется, меньше всего данных об участии большевиков в русских ложах.

Впрочем, из того, что известно до сих пор, можно с определенностью утверждать, что известный адвокат Н. Д. Соколов, всегда тяготевший к большевикам и находившийся с ними в связи, был масоном. Можно предполагать, что участник совещания у Кусковой по составлению Временного Правительства, названный в воспоминаниях Милюкова И. И. Степанов-Скворцов, старый большевик, никогда не изменявший Ленину, был также масоном. И тут, в сущности следует поставить точку, ибо слухи о масонстве некоторых большевиков относятся не к русским ложам, а французским, — вопрос, которого мы коснемся ниже.

Сейчас мы задержим внимание читателя на эпизоде, относящемся к периоду до первой мировой войны, в котором за-

мешан Ленин и который имеет некоторые признаки, дающие возможность отнести его к масонству. Мы имеем в виду неожиданное сообщение, появившееся в коммунистическом журнале «Вопросы истории КПСС».²⁰

Речь идет о письме из России, полученном Лениным в бытность его в Галиции 22 марта 1914 г.: «по своему содержанию оно (это письмо) настолько конспиративно, что долгое время не удавалось установить ни автора письма, ни места его отправки». Теперь установлено, что автором письма является большевик Н. П. Яковлев, бежавший из ссылки в начале 1914 года. А содержание его письма, приводимого только в скупых цитатах, весьма заинтриговавшего Ленина, таково. Яковлев сообщает Ленину, что «в либеральных кругах намечается поворот влево», что отдельные представители этих кругов — «экземпляры, социальный вес и влияние которых измеряется многими миллионами рублей», делают попытку устроить нелегальные «встречи» общественных деятелей из кадетов и прогрессистов совместно с представителями левых партий с целью информироваться о настроениях в различных социальных слоях, чтобы «подготовиться к грядущим событиям». Текст письма не опубликован полностью, но из него, по-видимому, ясно, что речь идет о приглашении, идущем из кругов ненавистных Ленину либералов, и более чем вероятно, что инициатива «встреч» либеральных и социалистических кругов принадлежит масонам, возможно, начавшим проявлять политическую активность: в связи с распутинщиной и конфликтами Государственной Думы с правительством в стране было достаточно горячего материала для политического оживления.

Ленин клюнул на это письмо прежде всего потому, что со свойственным ему практическим нюхом почувствовал, что можно получить деньги, и прямо поставил вопрос корреспонденту: «способны ли дать деньги» те группы, с которыми тот вступил в отношения? К сожалению, ответное письмо Ленина тоже дано с купюрами и не дает полного представления о его содержании. «Дорогой коллега! — писал Ленин. — За сообщение очень благодарю. Оно очень важно. По моему, на указанных Вами условиях (каких — неизвестно!) Ваше участие было вполне правильно и для дела (т. е. для большевиков) полезное. Вашу просьбу (заявить в случае надобности, что

Вы не вели никакой игры за спиной единомышленников) я охотно исполню, разумеется, рассчитывая на подробную информацию с Вашей стороны». Далее Ленин интересуется, «насколько откровенно» можно говорить с отдельными участниками этих «встреч» как в отношении их тактических планов, в частности, по вопросу, что способны они внести во «вне-думскую» борьбу, так и в отношении того, «способны ли они дать деньги».

Повторяем, самый текст писем не опубликован. «Что касается содержания писем, — комментирует свое сообщение М. В. Степова, по-видимому, сотрудник «Краковско-поронинского архива В. И. Ленина», — то в них речь шла об участии Н. П. Яковлева в конспиративных совещаниях представителей либеральных кругов в Москве, созывавшихся в марте 1914 года для выработки плана «решительного отпора правительству», вплоть до массовых выступлений «вне Думы» в связи с назначением председателя Совета министров Горемыкина и поворотом правительственного курса вправо». Независимо от того, в какой мере правильно здесь оцениваются задачи и характер совещаний либералов (вряд ли кто-нибудь из них разделял мысль о вне-думских, да еще массовых выступлениях), и независимо от того, подозревал ли Ленин, что инициатива «встреч» идет из масонских кругов (да и знал ли он что-нибудь о масонах!), — можно допустить, что попытка, о которой рассказывает Яковлев в своем письме Ленину и которая встретила положительное отношение Ленина, была акцией масонов.

В московском журнале «Вопросы истории КПСС» № 4 за 1957 г. в отделе «Документы и материалы», в отчете о заседании ЦК РСДРП от 15-17 апреля 1914 г. в Поронино под названием: «Московское тайное совещание» публикуется следующее сообщение, по-видимому, находящееся в связи с вышеприведенной перепиской Яковлева с Лениным: «Едет Малиновский с Бадаевым или Петровский для получения 25 тысяч». К этому пункту решений на стр. 123 приведено примечание 5-ое: «Речь идет о предполагаемом совещании депутатов Думы большевиков с некоторыми руководителями либеральной буржуазной партии прогрессистов (Коноваловым, Морозовым, Рябушинским) по поводу денежной субсидии на организацию съезда РСДРП. По имеющимся в архиве документам, на одном из заседаний информационного комитета этой пар-

тии, настроенной оппозиционно по отношению к царскому правительству, было якобы заявлено о возможности выдачи средств большевикам на устройство партийного съезда» (См. ЦПА ИМЛ, ф. ДП, оп. 9, ед. хр. 38012).

Некоторое значение представляет собою вопрос о том, существовали ли в России после октябрьского переворота, под диктатурой коммунистов — масоны. Разумеется, возможно, что члены масонских лож кое-где в советской России уцелели — не столько среди большевиков, таких при всех обстоятельствах было немного, сколько в рядах людей, оппозиционных и враждебных режиму. Любопытно под этим углом отметить, что отказ некоторых видных масонов приподнять завесу над составом масонских лож мотивировался часто ссылкой на то, что кое-кто из масонов в советской России жив, и всякие разоблачения масонов могут им повредить.

Одно сообщение о масонах в России, относящееся к 1928 году, однако, проникло в печать. Правда, приведено оно одним из неустанных разоблачителей пресловутого «жидо-масонства», — даже с ссылкой на советскую печать (которую нам не удалось проконтролировать), — и ввиду специфического характера такого рода писаний оно мало вызывает доверия, — тем не менее — полноты изложения ради, — мы позволим себе его привести. Речь идет о книге Григория Бостунича, вышедшей в Белграде, в которой мы наткнулись на сообщение, относящееся к Георгию Оттоновичу Мёбесу, бывшему преподавателю французского языка в Пажеском корпусе, опубликовавшему в 1912 году на правах рукописи «Энциклопедию оккультизма».

«Я этого Мёбеса, — пишет Г. Бостунич, — разоблачил еще в 1920 году... определенно назвал его черным оккультистом и масоном, что вызвало яростную критику даже среди моих друзей... И что же? «Ленинградская Правда» от 5 января 1928 года, а потом «Красная Газета» от 15-го июня того же года сообщили, что чекисты «раскрыли» в С. Петербурге существование... «буржуазной» масонской ложи «Астрея», раскассировали ее и сослали членов на Соловки, и среди них... одного из виднейших братьев ее, ставшего, по словам той же «Красной Газеты», после высылки в 1911 году из России гроссмейстера Станислава фон Чапского, гроссмейстером русского масонства, ныне 70-летнего Г. О. Мёбеса»...

В другом месте Бостунич упоминает о «закрытии руководимой Ватсоном и Г. О. Мёбесом ложи «Астрея» в Петербурге большевиками в декабре 1927 года, как о том сообщила «Ленинградская Правда» от 5 января 1928 г.»

Из всего этого рассчитанного на сенсацию сообщения, приправленного и чекистами, и Бостуничем в соответствии с их вкусами и потребностями, — нет оснований делать заключений о том, что преподаватель французского языка Мёбес, действительно, принадлежал к русскому масонству. Но ввиду общей скудости материалов следует и это сообщение зарегистрировать.²¹

* * *

Нам осталось хоть в сжатой форме осветить два вопроса: 1) вопрос об участии евреев в масонском движении и 2) о русских масонах в эмиграции. И. В. Гессен в своих мемуарах, приводя известный ему фактический материал о масонах, приходит к выводу, что «безграничное влияние» и «пронски», которые приписывали реакционные круги со времени первой революции «жидо-масонам», необоснованны и что прибавка «жидо» — «едва ли вообще справедлива». Гессен утверждает: «Насколько мне известно, участие евреев (в масонском движении) было редким исключением и должен признать, что принадлежность А. И. Браудо к масонству мне объяснить трудно». Действительно, он ограничивается только двумя именами масонов: А. И. Браудо и А. Я. Гальперн. К ним, вероятно, надо прибавить адвокатов Е. С. Кальмановича и М. Г. Моргулиеса. Циркулируют слухи, что Г. Б. Слиозберг был масоном, и быть может, в провинции, особенно в Северо-Западном крае, где возникли масонские ложи (Вильно, Витебск), среди них были и евреи. Но познакомившись ближе с составом и деятельностью масонских лож, видишь воочию, что все, время от времени получающие распространение толки о «жидо-масонстве», являются сплошной выдумкой черносотенцев, сдобренной тайной полицией. В России, особенно в годы 1915-1917, функционировало политическое масонство, но в них евреи играли самую ничтожную роль.

Особняком стоит вопрос о русских масонских ложах за границей. В 20-х годах они возникли во Франции. Из их участников наиболее известны Н. Д. Авксентьев, М. А. Осор-

гин, М. А. Алданов, Ю. Делевский. В Соединенных Штатах, в Нью-Йорке, существует в течение ряда лет ложа русских масонов, которая не только не законспирировала самого факта своего существования, — напротив, опубликовала небольшую книгу, посвященную памяти Н. Д. Авксентьева и М. А. Осоргина. (Masonic Club Ro&aia. Bulletin No. 1. April 1943, New York).

После смерти Н. Д. Авксентьева его сменил А. В. Давыдов на посту главы русской масонской ложи в Нью-Йорке, — как будто легализовав ложу под названием Русского Гуманитарно-Философского Общества. Сам Давыдов был человек умеренных взглядов, до революции имел звание камер-юнкера, а в Париже в течение долгих лет был администратором газеты «Возрождение». О принадлежности к русскому масонству М. А. Алданова и В. А. Маклакова упоминалось в статье Л. Сабанеева в «Новом Русском Слове»,²² причем автор подчеркивает гуманитарный по преимуществу характер их восприятия масонства.

В поисках информации о русском масонстве в рядах эмиграции мое внимание было привлечено к брошюре Н. Свиткова, к которой приложен список русских масонов (на 1 января 1932 г.). То, что список тенденциозно составлен, видно хотя бы из того, что в него в качестве масонов включены все лидеры большевиков (Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Радек, Литвинов и Свердлов, который умер в 1919 году), к ним прибавлены и секретарь Распутина, Симанович и банкир Д. Рубинштейн. Из общественных деятелей в число масонов, разумеется, включены П. Н. Милюков, П. Б. Струве, В. Д. Набоков (умер в 1922 г.), которые к масонству не принадлежали. Не стоит распространяться об этой брошюре, не заслуживающей серьезного внимания.²³

В какой мере масоны, как таковые, пытаются наложить свою печать на русскую политическую эмиграцию, — трудно сказать, — хотя в начале возникновения в Нью-Йорке Лиги Освобождения Народов России, построенной на основе коалиции разных партий (эсеров, меньшевиков, народных социалистов и беспартийных из старой и новой эмиграции), казалось, что эта попытка имеет масонские источники. От этого представления пришлось отказаться, когда вследствие разногласий по вопросу об отношении к власовскому дви-

жению, обнаружился раскол в Лиге, — и в то время, как А. Ф. Керенский сохранял в ней лидерство, из нее ушел М. А. Алданов при письменной мотивировочной декларации. Все же несмотря на этот эпизод в Лиге, абсолютно нельзя быть уверенным, что масоны, поскольку они существуют (законы биологии распространяются и на них!), притом в засекреченной форме, — не стремятся вмешиваться в политику русской эмиграции.

8. СЛОВО ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ МАСОНАМ

Появление моей работы о «масонах в русской политике» на столбцах «Н. Р. Слова» (8-12 октября 1959 г.) вызвало довольно широкий резонанс. Помимо откликов в печати, я стал получать немало писем, запросов, опровержений, добавлений. Были возбуждены и новые вопросы, которые до сих пор еще остаются в тени (напр., связь русского и польского масонства) и требуют еще исследовательской инициативы.

Были и дружеские письма, приветствовавшие постановку мною вопроса, принадлежащего истории, вызывающего потребность в ревизии наших привычных представлений о русской политической и общественной жизни до первой революции 1905 г., в период между двух революций, в первую мировую войну и февральскую революцию, — вопроса, по соображениям весьма неубедительного порядка искусственно снятого с порядка дня и в сущности скрытого от общественного мнения...

С любезного разрешения моих друзей, Лидии Осиповны Дан и Николая Владиславовича Вольского, которым позволю себе выразить искреннюю благодарность, я привожу извлечения из писем к ним покойной деятельницы русского масонства Екатерины Дмитриевны Кусковой (которую и я имею право числить среди своих друзей). Из этих писем два относятся к периоду после первой революции и затем к освещению деятельности А. И. Гучкова.

**Письмо Е. Д. Кусковой к Н. В. Вольскому от 15
ноября 1955 г.**

«Самый трудный вопрос о масонстве. Наше молчание было абсолютным. Из-за этого вышла крупная ссора с Мельгуновым. Он требовал от нас раскрытия всего этого дела. А узнал он об этом от тяжело заболевшего члена его партии (хоть убей не помню его фамилию: на Л., народник очень известный). Мельгунов доходил до истерик, вымогал из меня (еще в России!) данных и заверял, что ему «все» известно. Я хорошо знала, что ему ничего почти неизвестно, как и Бурышкину. Потом он в одной из своих книжек сделал намек, что такое существовало. Скажу Вам кратко что было.

1) Началось после гибели революции 1905 г. Во время диких репрессий. Вы их знаете.

2) Ничего общего это масонство с заграничным масонством не имеет. Никогда ни в какой связи с ним не состояло на том простом основании, что это русское масонство отменило весь ритуал, всю мистику и прибавило новые параграфы.

3) Цель масонства: политическая. Восстановить в этой форме Союз Освобождения и работать в подполье на освобождение России.

4) Почему выбрана такая форма? Чтобы захватить высшие и даже придворные круги. На простое название политическое они бы не пошли.

5) Изменение параграфов: а) прием женщин впервые. В масонские ложи заграничные женщины не допускаются;

б) отменить все эти фартуки, всю аммуницию, весь ритуал;

с) посвящение состояло лишь в клятве — молчание, абсолютное.

Качество: мораль, доверие, форма — ложи по 5 человек и затем конгрессы. Ложи не должны были знать о существовании других лож. Но по встречам на конгрессах можно было судить о размахе движения и его составе; д) выход опять с клятвой: никогда и никому, просто «заснуть». Таких выходов не помню, интерес к движению был огромен, и наша пробковая комната* действовала во всю. Характерная

* Речь идет о кабинете в Москве С. Н. Прокоповича, обитого, чтобы не проходил шум и не мешал ему писать, пробкой. (Примечание Н. В. Вольского).

особенность: я знаю двух виднейших большевиков, принадлежавших к движению. Когда произошла октябрьская революция мы с С. Н. были уверены, что все будет вскрыто. Партия ведь не терпела тайн членов. Ничего подобного! Уверена, что эти виднейшие большевики тайну соблюли, быть может, из боязни репрессий и по отношению к себе. Людей высшего общества (князьев и графьев, как тогда говорили) было много. Вели они себя изумительно: на конгрессах некоторых из них я видела. Были и военные — высокого ранга... Почему нельзя вскрыть это движение? Потому, что в России не все члены его умерли. А как отнесутся к живым — кто это знает? Движение это было огромно. Везде были «свои люди». Такие общества, как «Вольно-Экономическое», «Техническое» были захвачены целиком. Это — рецепт Союза Освобождения. Ведь еще во время его действия в Вольно-Экономическом О-ве прочно уселись его члены. Богучарский, Хижняков — секретари, С. Н. — председатель. То же и в «Техническом Обществе». Лугутин, Бауман — в центре, в земствах то же самое. Массонство тайное лишь продолжило эту тактику. П. Н. Милюков, осведомленный об этом движении, в него не вошел: «я ненавижу всякую мистику!» Но много членов к. д. партии к нему принадлежали. Но так как Милюков был в центре политики, его осведомляли о постановлениях конгрессов. Иногда и сам он прибегал к этому аппарату: надо, дескать, провести через него то-то и то-то. Одно из правил: не обращаться за членством к людям, казавшимся непрочными в их моральном или политическом естестве. Многие кандидатуры, строго обсуждавшиеся, отвергались. Изумительно: не было там провокаторов а Ia Марков*, которого покойный Розенберг ненавидел и звал его «косоглазым луном» и осуждал Серг. Ник. за то, что тот привлек его к своему кабинету. Ведь и до сих пор тайна движения, тайна этой организации не вскрыта. А она была огромна. К февральской революции ложами была покрыта вся Россия. Здесь за рубежом есть очень много членов этой организации. Но все молчат. И будут молчать — из-за России еще не вымершей. Один только

* Речь идет о спрофессоре» Маркове, сотруднике «Последних Новостей», потом «генеральном секретаре в 1944-45 г.г. Союза советских патриотов в Париже». Одно время работал при экономическом кабинете С. Н. Прокоповича. Г. А.

В..., как то случайно и уже под конец туда попавший, как будто пробалтывается. Но слышала об этом мельком и с ним в контакт по этому поводу не вступила. После смерти С. Н. получила несколько телеграмм — краткие: "fraternellement avec vous".. — Такой-то. Какое-то «братство» было очень ясно выражено в отношениях, хотя после Октября и разошлись во мнениях. Но личный контакт из-за этого прошлого всегда поддерживался. Писать об этом не могу и не буду. Без имен это мало интересно. А вскрывать имена — не могу. Мистики не было, но клятва была. А она действительна и сейчас по причинам Вам понятным.

Много разговоров о «заговоре Гучкова». Этот заговор б ы л.* Но он резко осуждался членами масонства. Гучков вообще подвергался неоднократно угрозе и с к л ю ч е н и я. А после дела Конради, в котором он вел себя совершенно непонятно и вызвал скверные подозрения, с ним вообще старались в интимные отношения не вступать. Под конец своей жизни он близко сошелся с германским штабом и когда приезжал к нам в Прагу, совсем больной и просил оказать (fraternellment) услугу у чешского правительства, мы этой услуги не оказывали. Он знал, что мы знали о его поездках в Германию и очень запутанно об этом рассказывал. Но один раз произошел инцидент. Его принял Бенеш. И он Бенешу точно рассказал о планах Гитлера напасть на Чехию, на Россию и т. д. Бенеш знал о наших отношениях с Гучковым, спросил у нас, что это значит. Мы посоветовали ему с Гучковым дела не иметь. В следующий приезд Гучкова он его не принял. Потом — слово в слово осуществилось то, что рассказывал Гучков Бенешу и нам. Вот Вам рассказ очень суммарный.

Через кого-нибудь историки, конечно, об этом узнают. Но сейчас, повторяю, писать о нем нельзя. Теперь Вы понимаете, почему здесь об этом не говорят. Маклаков, Балавинский и др. к этому движению не принадлежали. Они принадлежали к французским ложам, совершенно открытым. В Германии все это было не только открыто, но у них были свои дома, где происходили открытые заседания германских масонов. Мы, эмигранты, нередко снимали эти залы под наши собрания.

* Конечно, был. Я сам это слышал от Гучкова. Примечание Н. В. Вольского.

А мы с С. Н. даже жили, приехав из России, у видного германского масона. От него многое узнали. Потом Гитлер все это движение стер с лица земли».

**Из письма Е. Д. Кусковой к Л. О. Дан от 20
января 1957 г.**

...«Всю пятницу с утра до вечернего поезда провела с Ал. Фед. (Керенским). Надо было обсудить, как поступить с упоминанием Милюковым той организации, о которой я Вам говорила... Он очень одобрил то, что я сделала: записав для архива и закрепостив на 30 лет. Он сделает то же самое. Но кроме того в своей книге, которую он пишет, он сделает предисловие, ответив на туманность Милюкова. Ответит лично за себя и от себя, не называя больше ни одного имени. Все это теперь обдуманно, и оба согласились о форме, в какой должно быть сделано осведомление. А вот болтовню следовало бы в Нью-Йорке по возможности прекратить: живы еще люди в России, люди очень хорошие, и их нужно пожалеть»...

**Из письма Е. Д. Кусковой к Л. О. Дан от
12 февраля 1957 г.**

...«Вы забываете, что 9/10 русских людей были не только беспартийны, но они ненавидели партии и партийность... Эту... голую в смысле политическом среду надо было прежде всего вычистить. Этой работой мы и занимались. Она была очень трудна... Заметили, вероятно, наши широкие отношения с «князьями и графьями»? Это — земская среда. Ее надо было привлечь на сторону революции. Это было сделано. Причем поистине дружеские отношения остались между нами и этой средой и потом, после революции.

Надо было завоевать военщину. Лозунг — демократическая Россия и не стрелять в манифестирующий народ. Объяснять приходилось много и долго, — среда косная. Успех там был довольно большой.

Надо было «взять в наши руки» императорское Вольно-Экономическое Общество, Техническое Общество, Горный Институт и др. Это было проделано блестяще: всюду были там

«наши люди»... Пропаганда было где развернуться. Особенно большую роль сыграл Горный Институт (Лутугин, Бауман и другие профессора). Без всех этих подсобных учреждений мы не смогли бы так широко провести «Освобождение», банкеты, заявления земцев и т. д.

Учительская среда. Весьма косная. Проведение съездов, местных и всероссийских.

Кооперация... Все это было сплошь беспартийно, и в некоторых углах — темно и антиобщественно. Работы было столько, что мы... никогда не могли отдохнуть... Политически революционизировалась абсолютно беспартийная среда...

Что касается «поцелуев» и проч., то при одном из обысков у С. П. Мельгунова нашли целый ящик фартуков, крестов и т. д. — от деда его — масона. Все это из новой организации было выкинуто. Осталось одно: моральная связь и требование действий без партийных склок и всех этих болезненных явлений русской партийности. Так это и было. Ссор совершенно не помню, а взаимоподдержку — всякую! помню очень хорошо.

Вы придираетесь к словам: «сырье», «элита» и т. д. Но как же описать русскую среду? Ведь это и было сырье, в котором приходилось работать и вот таким организациям. Керенский должен сделать в своей книге заявление, что с организацией Временного Правительства эта организация прекратила свои действия. Не было ни одного Конвента и никакие «давления» на решения Временного Правительства эта организация не оказывала. Влияние оставалось разве лишь в личных связях. Но ведь более половины членов Временного Правительства к этой организации не принадлежали...»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. П. Н. Милуков. Воспоминания (1859-1917). т. II, стр. 333, также т. I, стр. 147. Нью-Йорк, 1955.

2. А. В. Тыркова-Вклямс. «На путях к свободе», стр. 200.

3. И. В. Гессен. «В двух веках», 1937, стр. 216-217.

4. «Александр Исаевич Браудо», сборник очерков и воспоминаний. Париж, 1937. Стр. 93-101.

5. «Дело А. А. Лопухина в Особом присутствии Правительствующего Сената. Стенограф, отчет. СПб., 1910, стр. 20, 21, 25 и др.
6. А. Герасимов, б. генерал-лейтенант, начальник политической полиции в Петербурге в 1905-1909 г.г. «Борьба против первой революции». Воспоминания (цитата приведена с немецкого текста), 1934, стр. 146-147.
7. Донесение Алексеева приводится в извлечении. Приведено в книге П. Щеголева «Охранники и авантюристы», Москва, 1930.
8. А. Тыркова-Вильямс. «На путях к свободе», стр. 398.
9. "Germany and the Revolution in Russia in 1915-1918." Edited by Z. and B. Zeman, London, 1958.
10. С. П. Мельгунов. «На путях к дворцовому перевороту», Париж, 1939, стр. 143-164, 165-179, 180-198.
11. Из воспоминаний А. И. Гучкова. «Последние Новости» 13 сентября 1⁹³⁶ г., Париж.
12. А. Лукин. Бой под Ангерном. «Последние Новости» 3 сентября 1936 г., Париж.
13. П. Н. Милюков. Воспоминания, т. II, стр. 311-312.
14. И. В. Гессен. В двух веках. Стр. 216-217.
15. П. Н. Милюков, т. II, стр. 329-30.
16. П. Н. Милюков, т. II, стр. 332-333.
17. П. Кропоткин. Великая французская революция, стр. 537-538.
18. П. Н. Милюков. Воспоминания, т. I, стр. 312.
19. Андрей Белый. Между двух революций. Москва, 1934, стр. 316.
20. «Вопросы истории КПСС» № 3 и № 4. Москва.
21. Григорий Бостунич. Массонство в своей сущности и проявлениях. Белград, 1928. Второе издание, стр. 116 и 228.
22. Л. Сабанеев. Об Алданове, «Новое Русское Слово», 1 марта 1959 г.
23. Н. Свитков. Массонство в русской эмиграции, Париж, 1932 г.

РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ И РЕВОЛЮЦИЯ

1. МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Либерализм в России всегда имел и сейчас имеет плохую прессу. Исследователи, историки, социологи, философы избирают полем своей деятельности изучение других, более характерных для русского общественного развития, экстремистских, максималистских направлений, — будь это в области политики, мысли, литературы, искусства. Демонические образы Бакунина и Ленина до сих пор привлекают к себе наибольшее внимание в области политических движений. А в области русской философской мысли и художественного творчества до сих пор доминируют страдальческие тени: от Достоевского и Владимира Соловьева до Александра Блока. Вероятно, этому есть оправдание, — и ключи к нему приходится искать в том, что над русской жизнью тяготеет, волнуя весь мир, проблематика русской революции, — призрак которой замаячил еще при жизни Бакунина и Достоевского, а жертвами трагических превращений которой являются современники, — свидетели крушения империи, двух революций и двух мировых войн...

К проблематике революции русские либералы имели свой особый подход. Взлеты революции их естественно не увлекали, ее максимализм их отталкивал, отпугивал и ужасал. Неудивительно, что широкое общественное мнение мало интересовалось либерализмом, — и в первые годы эмиграции даже первые книги либеральных мемуаристов не вызвали к себе сколько-нибудь пристального внимания. Об этом приходится пожалеть, ибо — нет сомнения, — что для уяснения русского прошлого трагическая судьба либерализма в России не менее поучительна, чем судьба, постигшая все другие общественные течения в России...

Вне нашего рассмотрения остается, разумеется, вопрос об идейных истоках либерализма, ведущих от Монтескье через американскую и французскую революции к первым русским либералам, к Новикову и Никите Муравьеву (декабристу), к западникам — Грановскому и Кавелину, к первым проявлениям либерализма в русском земстве. Говорить в полслова о доктрине либерализма и об его идейной эволюции — грозило бы прежде всего упрощением. С методологической точки зрения достаточно ограничиться утверждением, что русский либерализм в его новейшей фазе опирается как в исходный пункт — в эпоху великих реформ, в ее первой, обнадеживающей стадии, — что этот либерализм, носителями которого были первые земцы-конституционалисты, — по большей части позитивисты и просветители-рационалисты, — лишь порой тронутые червоточинной в духе «кающихся дворян», — был окрашен народническим крестьянофильством, — и крестьянская струна в нем звучала громче и отчетливее всех других струн. В этом пункте и наблюдалось некоторое скрещение путей либерального и революционного народничества, — ибо в годы, последовавшие за великими реформами Александра II, — когда явно наметилась линия декаданса этих реформ, когда власть перешла в руки Шувалова и Дмитрия Толстого, стремившихся повернуть вспять колесо истории, — замаячил впервые с исключительной силой исторической Немезиды — призрак революции. С 1886 года примерно были биты надежды либерализма на конституцию, его ожидания правопорядка.

И так уже с того времени повелось. Шла историческая битва на протяжении десятилетий, и не было конца «поединку роковому» между реакцией и революцией: в последние 15 лет царствования Александра II, в пятнадцатилетие царствования Александра III и в 20 слишком лет последнего царствования.

Было только естественно, что в столкновении реакции и революции брала верх изредка революция, а чаще победа оказывалась на стороне реакции. Но в обоих случаях жертвой оказывался либерализм. Ибо политическая концепция либерализма и, можно сказать, весь смысл его существования сводились к тому, чтобы обеспечить для России правовой режим, конституцию, народное представительство, ответственное правительство, демократические свободы — без примеси реакции и без давления революции, — или точнее — против реакции и

против революции. Задача русского либерализма в 80-х и 90-х годах прошлого века, а затем и в 20-м веке сводилась к тому, чтобы помочь России найти средний путь политического развития и удачно проскользнуть между Сциллой реакции и Харибдой революции. По Гомеру, Сцилла и Харибда были мифологическими чудовищами, охранявшими мессинский пролив, чудовищами с 6 головами и 12 лапами. Одним словом, это были пресловутые «гидры» реакции и революции, мимо которых пытались либералы провести русский государственный корабль. Повесть о русском либерализме и вводит нас в историю попыток земских конституционалистов и представителей умеренной интеллигенции осуществить свою особую миссию в русской политической и общественной жизни, — поможет нам вскрыть причины постигшей их великой неудачи и понять фатальную неизбежность при создавшихся условиях эволюции либеральной мысли в сторону революции.

2. ЛИБЕРАЛЫ «УГОВАРИВАЮТ» РЕВОЛЮЦИЮ

В исторической части своих воспоминаний «Из записок общественного деятеля», один из первых земских конституционалистов, а впоследствии руководителей кадетской партии, И. И. Петрункевич подводит яркие итоги управления Россией после смерти Петра Великого. Он упоминает о либеральном баловстве Екатерины II-ой, захватившей престол убийством полоумного мужа, — о Павле, задушенном своими приближенными в ответ на проявленный им произвол, граничащий с безумием, о Николае I-м, самонадеянно думавшем, что он поднял Россию железным кулаком на высоту могущества, а перед смертью убедившемся на опыте поражений Крымской войны в разложении и гниении самодержавия, построенного на крепостном праве. Александр II-ой, отягощенный наследием предыдущего царствования, вынужден был откровенно сознаться, что лучше освободить крестьян сверху, чем ждать, когда оно само освободит себя снизу. «Самодержец освободил крестьян от крепостной зависимости, а затем настала очередь освободить Россию от самодержца, — пишет Петрункевич. — Такова логика истории».¹

Политические свои первые шаги Петрункевич и его 146

друзья делали в качестве земских конституционалистов. По их инициативе, Черниговское земство в верноподданническом адресе сформулировало свои скромные пожелания, но и эти пожелания не только оказались не ко двору, но были встречены враждебно. Для Петрункевича отношение самодержавия к земским требованиям явилось серьезным уроком. Он опасался угрозы новой вспышки революционного движения в стране. «Для меня было очевидным, — пишет Петрункевич, — что борьба государственной власти и революционного движения вступает в новый фазис». Эта борьба, — пишет он, — «может принять такой беспощадный характер, который станет опасностью не только для старого режима, утратившего всякий смысл, — так как он не умел и не хотел приспособиться к требованиям нового времени, к естественной эволюции страны, к росту сознания народа, но и к нарастающему в течение двух веков сближению с западно-европейской культурой и цивилизацией».

Правительство возлагает все надежды на «даровых сто тысяч полицеймейстеров», и земские конституционалисты, тогдашние либералы, перед лицом назревающих событий вынуждены были выбирать: либо поддержать полицейские методы решения самых актуальных вопросов русской жизни, либо по-прежнему в создавшихся неблагоприятных условиях продолжать свои усилия в борьбе за конституцию, за превращение России в правовое государство. «Нам предстоит выбор, — пишет Петрункевич, — между зачислением себя в армию полицеймейстеров, либо защищать свободу как против самодержавия, так и против террора».²

Было дело в 1878 году. Именно в этом году И. И. Петрункевич сделал попытку, с исторической точки зрения чрезвычайно знаменательную. Убедившись на печальном опыте земского конституционализма, что правительство не склонно прислушиваться к предостерегающим голосам умеренных земцев, он решил подойти к вопросу с другого конца, а именно: попытаться убедить революционеров отказаться от террора. Для этой цели он бросился, так сказать, в самое пекло революции.

В Киеве, по инициативе земцев Петрункевича и Линдфора, состоялись переговоры, в которых со стороны революционеров приняли участие Дебагорий-Мокриевич, Осинский, Ан-

тонов, Ковалевская, Софья Лешерн, Волошенко, Людмила Волкенштейн.³ Вот рассказ Петрункевича об этом почти единственном в своем роде совещании:

«Вопрос, поставленный с нашей стороны, заключался в том, согласны ли террористы временно приостановить всякие террористические акты, чтобы дать нам, земцам, время и возможность поднять в широких общественных кругах и прежде всего в земских собраниях открытый протест против правительственной внутренней политики и предъявить требование коренных реформ в смысле конституции, гарантирующей народу участие в управлении страной, свободу и неприкосновенность прав личности?» Петрункевич затем подводит положительные итоги этой встречи с революционерами.

«Мы... разошлись под впечатлением, что наше предложение имело некоторый психологический успех и что если нам удастся сдвинуть общественное мнение с мертвой точки равнодушия, то террористы поймут необходимость приостановить свою активную деятельность. Мы убедились, что если бы правительство проявило хоть сколько-нибудь готовность сговориться со страной, террор потерял бы под собою почву. Мы убедились также в том, что если правительство не пойдет на уступки, то террористы скорее пожертвуют своею жизнью, чем сделают малейшую уступку власти, ненависть к которой была у них беспредельна».⁴

Как известно, политический результат попыток «защитить свободу» и против правительственной реакции, и против террористической революции на деле был ничтожен. Как раз в последующие годы царствования Александра II-го реакция подняла голову. Подняла голову и революция. В 1878 году раздался выстрел Веры Засулич. В 1879 году в результате раскола «Земли и Воли» образовалась «Народная Воля», видевшая свое призвание, главным образом, в терроре. Царя террористы преследовали по пятам, — и в свою очередь усилились преследования правительством террористов. Ряд участников Киевского совещания были повешены в Киеве и Одессе. Упорствовавший в легальности конституционалист Петрункевич вынужден был свою брошюру «Ближайшие задачи земства» переправить для напечатания за границу...

Следует отметить, что после акта 1 марта 1881 года в кругах «Народной Воли» стало созреть настроение в пользу

отказа от террора, — разумеется, если... если правительство поймет необходимость политических уступок и реформ. Эта тенденция получила свое выражение в известном письме Исполнительного Комитета Народной Воли к Александру III от 10 марта 1881 г. (Как известно, автором этого письма был Н. К. Михайловский). Приведем в извлечении этот интересный политический документ:

«Из положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение Верховной Власти к народу в интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию. Исполнительный Комитет обращается к Вашему Величеству с советом избрать второй путь. Верьте, что как только Верховная Власть перестанет быть произвольной, как только она твердо решится осуществлять лишь требования народного сознания и совести... Исполнительный Комитет сам прекратит свою деятельность, и организованные около него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работе на благо родного народа. Мирная, идейная борьба сменит насилие, которое противно нам более, чем Вашим слугам, и которое практикуется только из печальной необходимости».

Далее формулируются требования, которые Народная Воля рассматривает, как необходимые условия «для того, чтобы революционное движение заменилось мирной работой». «Мы не ставим, а только напоминаем их», и главными среди них являются: политическая амнистия, созыв народных представителей, гражданские свободы. «Легализация Верховной Власти народным представительством, читаем мы далее, может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены совершенно свободно... Заявляем торжественно, перед лицом родной страны и всего мира, что наша партия с своей стороны безусловно подчинится решению народного собрания... и не позволит себе никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному народным собранием».

Еще отчетливее сознание необходимости отказа от террора прозвучало в другом документе: в заявлении Исполнительного Комитета по поводу убийства президента С.-А. Со-

единенных Штатов Гарфялда, в котором мы читаем: «Выражая американскому народу глубокое соболезнование по случаю смерти президента Джемса Авраама Гарфилда, Исполнительный Комитет считает своим долгом заявить от имени русских революционеров свой протест против насильственных действий, подобных покушению Гито. В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей, — в такой стране политическое убийство, как средство борьбы, есть проявление того же деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своею задачею. Деспотизм личности и деспотизм партии одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно проявляется против насилия».

3. РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР

В порядке отступления уместно здесь коснуться вопроса, какова была реакция на террор не в радикальном студенчестве или в рабочих кружках, вовлеченных в революционную и социалистическую пропаганду, — а в широких кругах общества, и либеральных, и даже далеких от либерализма. Материалы по этому вопросу должны пролить свет на ту психологическую атмосферу, в которой приходилось действовать либералам. И. И. Петрункевич в своих воспоминаниях останавливается на отношении к цареубийству 1 марта в провинции. Он пишет: «В Смоленске рассказывали, что когда весть об убийстве императора (Александра Второго) была вечером получена в общественном клубе, в первую минуту публика была ошеломлена и как бы оцепенела, но спустя несколько минут, кто-то из играющих обратился к своему партнеру: «ваш ход», игра продолжалась, и внимание сосредоточивалось не на всероссийской трагедии, а на картах»... «Может быть, некоторые возразят, что это выдумка и клевета, — продолжает Петрункевич. — Ничуть. Разве это не похоже на бал у французского посла во время коронационных празднеств, спустя несколько часов после гибели многих тысяч людей на Ходынском поле в Москве?»⁵ Речь идет о Ходынской катастрофе во время коронации Николая II-го.

Это отношение не только к политическому террору, но и к царубийству отразилось и в письме Исполнительного Комитета Народной Воли к Александру Третьему (от 10 марта 1881 г.), решившегося утверждать, что «даже такой факт, как царубийство, вызывает в огромной части населения — радость и сочувствие! Да, Ваше Величество, не обманывайте себя отзывами льстецов и прислужников. Царубийство в России очень популярно».

Интересна в этом отношении запись из «Дневника» А. С. Суворина за 1887 год. Он передает свой разговор с Ф. М. Достоевским в день покушения Молодецкого на Лорис-Меликова (20 февраля 1880 г.), разговор о политических преступлениях и о взрыве в Зимнем дворце.

«Достоевский остановился на странном отношении общества к преступлениям этим. Общество как будто сочувствовало им или, ближе к истине, не знало хорошенько, как к ним относиться.

— Представьте себе, говорил он, что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего-то ждет и все оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: «Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завел машину». Мы это слышим... Как бы мы с вами поступили? Пошли ли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве или обратились ли к полиции, к городовому, чтобы он арестовал этих людей? Вы пошли бы? (спрашивает Достоевский Суворина).

— Нет, не пошел бы.

— И я бы не пошел. Почему?.. Причины—прямо ничтожные. Просто — боязнь прослыть доносчиком... Напечатают: Достоевский указал на преступников. Разве это мое дело? Это дело полиции. Она на это назначена... Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния. Разве это нормально? У нас все ненормально, — оттого все это происходит, и никто не знает, как ему поступить... Я бы написал об этом... (Но) у нас о самом важном нельзя говорить».⁶

Такое же отношение к террору сохранялось в русском обществе и два десятилетия спустя. В своих воспоминаниях И. В. Гессен рассказывает, что в апреле 1902 года в вечер,

когда Балмашев убил министра внутренних дел Сипягина, он, Гессен, встретился в фойе театра с Щегловитовым. «Поздоровавшись, Щегловитов спросил: Ну, что вы скажете? Я ответил: — Конечно, это ужасно. Но он перебил меня: — Ужасно, ужасно! Но поделом вору и мука!... В высших бюрократических сферах остряли, что желание Сипягина увидеть перед смертью государя объяснялось желанием сообщить секрет приготовления какого-то салата, очень нравившегося царю».⁷ А ведь Щегловитов был не только министром юстиции, но на этом посту был вдохновителем дела Бейлиса и одно время председательствовал в Союзе русского народа.

Если убийство Сипягина не вызвало в обществе особого резонанса, — личность убитого министра была незначительная, — то зато удавшийся террористический акт против Плеве был встречен с большим сочувствием в самых широких кругах. «Радость по поводу его убийства была всеобщая», — отмечает П. Н. Милюков в своих «Воспоминаниях»,⁸ а И. В. Гессен, подтверждая, добавляет несколько новых штрихов к этому событию. «Как ни ужасно, — пишет он, — но убийство Плеве у всех вызвало вздох облегчения, а у многих радость, и, пожалуй, прежде всего в рядах самой бюрократии, непосредственно знавшей и чувствовавшей, что, как выразился Крыжановский, с Плеве никакого дела иметь нельзя было». А Крыжановский был сам весьма реакционно-настроенный человек, которому приписывается, между прочим, идея «третье-июньского переворота», совершенного Столыпиным после разгона 2-ой Государственной Думы.

Неудивительно, что при той психологической настроенности в пользу террора, которая характеризует русское общество еще в начале 20-го века, — накануне первой революции, — скрытые или явные симпатии к террору окрепли после 9 января 1905 года. Тот же Гессен, который тщательно старается регистрировать общественные проявления того времени, делится некоторыми «анекдотами», складывавшимися на фоне политического убийства Каляевым великого князя Сергея Александровича в Москве.

«Великого князя разнесло на куски, оторвало голову, камни обрызганы были мозгами, и тем не менее, несмотря на весь ужас убийства, оно подало повод к новым остроумиям. В доме одного профессора в Москве я тогда услышал фразу:

«Пришлось все-таки раз и великому князю пораскинуть мозгами».

В Москве пользовался тогда успехом анекдотический городской, который на вопрос старушки, кого убили, ответил:

«Проходи, проходи, убили, кого надо!» Что уж в самом деле сетовать на общество, когда в день убийства Сергея Александровича в Петербурге состоялся обед, а после обеда царь и Александр Михайлович занимались борьбой, стараясь друг друга столкнуть с дивана».⁹

Цареубийство 1 марта, к которому отнеслись равнодушно и даже сочувственно одни, вызвало в других, тоже либерально-настроенных кругах, подлинную панику и поспешный отказ от конституционных иллюзий. Недавно еще числившийся в красных А. Суворин превратил «Новое Время» в откровенный порт-пароль реакции. Другой красный Катков прославился крутым поворотом направо и призвал общество к послушанию: «Прошу встать! Правительство пришло!» Борис Чичерин, один из столпов консервативного либерализма, поддерживал правительственную акцию расправы с революционной «бандой» и свои конституционные чертежи перечеркнул законопослушной идеей «приобщения выборных от дворянства и земства к Государственному Совету». А Лев Тихомиров, один из вдохновителей цареубийства в Народной Воле, если не сам цареубийца, — в своей стоградусной эволюции «кающегося террориста» докатился до поста редактора оголтело-правых «Московских Ведомостей». Началась эра Победоносцева, не прекратившаяся и с новым царствованием, когда Николай II, на которого одно время либералы возлагали прекраснотушные надежды, но который обескуражил общество и обессмертил себя приглашением делегации земств оставить навсегда «бессмысленные мечтания» о конституции в России.

Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла...
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стекланным взором колдуна...

(А. Блок).

4. ВРОЗЬ ИДТИ, ВМЕСТЕ БИТЬ

В создавшейся политической обстановке либеральная мысль лишилась последней надежды на то, что Россия располагает возможностью вступить на путь мирного, западного, парламентского развития. В 90-х годах цвет либеральной интеллигенции радикализировался в своих политических требованиях. Повидимому, для России не было иного пути, как пути революции, — и сближение с лагерем революции стало для либерализма неизбежным. Времена были другие: не нео-народничество, а марксизм и шедшее под его знаменем молодое рабочее движение, как магнит, притягивали к себе симпатии либеральных кругов. Молодое поколение либералов нашло свое политическое самоопределение в марксизме, ставшем властителем дум русского общества, — в направлении, казалось, открывавшем выход из тупика, куда загнал Победоносцев с своим планом «подморозить» Россию.

Что, собственно, привлекало в марксизме представителей русской общественной мысли 90-х г.г.? Об этом рассказывает С. Л. Франк в своей биографии П. Б. Струве.¹⁰ Марксизм «был новой политической доктриной и политическим движением и вместе с тем новым общим направлением русской мысли... В этом качестве он был первым последовательным западничеством в России, тогда как прежние западники, начиная с Герцена, оставались как бы «славянофилами» в области социально-экономической, мечтая... об особом, отличном от Западной Европы, пути развития России». Н. А. Бердяев в «Самопознании» в более широком аспекте подает марксизм, как новое кредо широких кругов интеллигенции. «В конце 90-х годов образовалось марксистское течение, которое стояло на гораздо более высоком культурном уровне, чем другие течения революционной интеллигенции. Это был тип мало похожий на тот, из которого впоследствии вышел большевизм... В марксизме меня более всего пленил, — пишет Бердяев, — исторический размах, широта мировых перспектив. По сравнению с марксизмом старый русский социализм мне представлялся явлением провинциальным. Марксизм конца 90-х годов был несомненно процессом европеизации русской интеллигенции, приобщением ее к западным течениям, выходом на большой простор».¹¹

П. Н. Милюков в своих воспоминаниях говорит очень скупое о своих политических настроениях в эту эпоху. Некоторую дань увлечению марксизмом он, однако, отдал. Известно, напр., что его предисловие к «Очеркам по истории русской культуры» признавало положительное значение применения к изучению истории методов «экономического материализма» (т. е. марксизма), а в статье в «Совр. Записках», посвященной большевистскому историку Покровскому, Милюков вспоминал:

«Мы вместе пережили полосу увлечения «экономическим материализмом», жаждали его применения к русской истории». Но, рассказывая в воспоминаниях о своем аресте в 1901 году в Петербурге, Милюков не упоминает о своей причастности к одной нелегальной социал-демократической попытке тех лет. Ева Бройдо в «Летописи революции», в статье о группах «Социалист» и «Рабочая библиотека», существовавших в 1899-1901 г.г., рассказывает, как участники этой группы обратились за литературным содействием к ряду сочувствующих, в том числе и к П. Н. Милюкову. «Милюков писал какую-то брошюру (не помню, на какую тему). Он был арестован одновременно с нами 29 января 1901 г. При обыске, как говорили, у него была взята эта рукопись, и ему было предъявлено обвинение в участии в «Рабочей Библиотеке» (издания которой печатались в нелегальной типографии, проваленной провокатором Гуровичем, который был связан с П. Б. Струве и другими инициаторами издания марксистского журнала «Начало»».¹²

Если признать случайным и эпизодическим участие Милюкова в тех или иных начинаниях марксистов, — то в отношении ряда деятелей, игравших видную роль в русском либеральном движении в начале 20 века, — надо сказать, что одно время они были активными и даже руководящими фигурами в марксизме и в социал-демократии. Особенно связан был с новым течением П. Б. Струве, — автор манифеста 1898 г. о возникновении РСДРП, участник совещания в Пскове совместно с М. И. Туган-Барановским, положившего начало с.-д. газете «Искра» под редакцией триумvirата «молодых»: Ленина, Мартова, Потресова и «стариков» из группы Освобождения Труда:

Плеханова, Аксельрода и Веры Засулич, и в «Искре» Струве напечатал несколько статей. Еще раньше в 1896 г. Струве входил в делегацию русской социал-демократии на Лондонском международном социалистическом конгрессе, а в 1897 г. в за-

граничном «Работнике» он писал о петербургской стачке текстильщиков. Словом, Струве был ряд лет — «свой» в марксистском лагере, даже тогда, когда он стал бернштейнианцем, ревизионистом.¹³

Тем не менее, несмотря на марксизм Струве и его друзей, для представителей социал-демократии с самого начала было ясно, что тут речь идет о двустороннем договоре, о соглашении двух групп. В начале 1901 года переговоры со Струве продолжались за границей между группой «Искры» и «Зари» — с одной стороны, и «группой демократической оппозиции «Свобода» — с другой. «Свободу» представляли П. Б. Струве и В. Я. Богучарский. «Предметом договора служило издание «общеполитического приложения» к «Заре» под названием «Современное Обозрение», которое должно было выходить под совместной редакцией представителей обоих договаривающихся сторон. Проект соглашения написан Г. В. Плехановым от имени редакции «Зари» и П. Б. Струве — от имени «демократической оппозиции». Стоит остановиться на содержании этого проекта, — одного из первых соглашений между социалистами и либералами в ту эпоху. «Этот исторический документ, — подчеркивает А. Н. Потресов, — остается неопределимым свидетелем того положения вещей, которое вынуждало либеральную демократию — при ее политическом дебюте — делать попытку создать общую с революционным марксизмом литературную трибуну и искать опоры... в социал-демократии».

Плеханов в своем проекте подчеркивал, что «социал-демократия всегда готова по мере своих сил поддерживать всякое, более или менее прогрессивное движение, направленное против существующего у нас порядка... Сознательные русские с.-д. всегда твердо держались того убеждения, что (революционные и оппозиционные) элементы должны идти рядом и поддерживать друг друга там, где речь идет о борьбе с общим врагом». Далее говорится, что необходимое для победы над старым порядком соглашение, втягивая в дело «легальную борьбу т. н. общества»... «составит собою политически необходимое и давно желанное дополнение к революционной деятельности социал-демократии»...

Более подробно следует, — к характеристике левых, радикальных тенденций в русском либерализме, — процитиро-

вать часть договора, написанного Струве. В нем автор уже не выступает ни как марксист, ни как представитель рабочего движения. Можно сказать, что эволюция Струве и его политическое самоопределение от марксизма к либерализму находит тут довольно отчетливое выражение. Но в этом документе Струве отражает настроения тех кругов либерализма, которые отдают себе отчет, что интересы успешной борьбы с самодержавием требуют союза либеральной оппозиции с социал-демократией.

«Желая служить делу широкой общественной пропаганды идей свободы, — читаем мы в проекте Струве, — мы не задаемся выработкой какой-либо партийной программы, предпрещающей в деталях то или другое политическое устройство нашей многоплеменной и многоязычной страны... Наше внимание будет одинаково уделено и нелегальной, т. наз. «революционной» борьбе и всем фактически осуществляемым и возможным попыткам — бороться с существующим политическим порядком вещей на его собственной почве. Мы наперед заявляем, что одной из главных задач литературного предприятия будет — политически осмысливать легальную борьбу с — превосходно организованным самовластием бюрократии... Все больше и больше укрепляющееся и у русской оппозиции и у... правительства убеждение в неразрывной исторической связи между т. н. легальной и культурной деятельностью и деятельностью, прямо и открыто направленной на изменение существующего политического порядка, является на наш взгляд важнейшим приобретением политического сознания за последнее время... Мы не отвергаем в легальной общественной деятельности неизбежности известных компромиссов, но мы будем признавать только те компромиссы, которые диктуются неуклонным стремлением скорее и прочнее завоевать для русского человека условия достойного политического существования. За этими пределами практичность переходит в нравственно презренную и политически опасную беспринципность... Наконец, мы считаем нужным подчеркнуть, что **мы** так же, как и соединившаяся с нами для общего дела соц.-дем. группа, признаем первостепенное политическое значение и призвание русского рабочего движения. В нем политическая мысль интеллигенции нашла себе могучего союзника, с ростом которого отныне неразрывно связаны судьбы политической свободы в России. Мы рассчитываем, что "Современное Обозрение" встретит сочувствие и поддержку со стороны всех оппозиционных элементов. Задача его — соединить все эти элементы в одном литературном предприятии, в теснейшем союзе с единственной организованной силой русской оппозиции, социал-демократией».¹⁴

А. Егоров (Мартов) рассказывает, что «договор был уже подписан, но арест Струве и его высылка замедлили осуществление плана» соглашения между с.-д. «Искрой» и либеральной оппозицией. Но были и другие причины, сорвавшие договор, — в первую очередь к этим причинам надо отнести политическое оформление земского движения в 1901-02 г.г. Некоторое значение в этом отношении имел бурный рост студенческого движения в стране. А 1 июля 1902 г. в Штутгарте под редакцией П. Б. Струве стало выходить «Освобождение» — либеральное движение обзавелось своим собственным органом печати, — заграничным, нелегально направляемым в Россию по разным адресам (в том числе и в адреса всех губернаторов).

Год спустя — в июле 1903 г. за границей была основана и организация, объединявшая земцев и радикальную интеллигенцию, — Союз Освобождения. На совещаниях в Шафгаузене и Констанце участвовали наряду с представителями земского движения И. И. Петрункевичем, Ф. И. Родичевым, кн. Д. И. Шаховским, кн. Петром Д. Долгоруким и др. представители радикальной, левой интеллигенции, — среди которых было немало недавних социал-демократов, как П. Б. Струве, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др.¹⁵ Впоследствии в Союз Освобождения включились и будущие народные социалисты — Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов, В. Г. Короленко. Как мы видим, либеральная организация начала нового века в какой-то мере была ориентирована налево.

Это сказалось и в первых выступлениях журнала «Освобождения». В № 1 журнала редакция (устаами Струве) возвещала: «Пусть национальное освобождение будет открыто провозглашено общим делом отцов и детей, революционеров и умеренных. Пусть насилию, унижающему наш народ и извращающему нашу жизнь, будет брошен в лицо соединенный вызов, будет противопоставлена единая борьба. Такого вызова оно испугается, перед такой борьбой оно не устоит». В том же номере «Освобождения» появилась за подписью «сс» (П. Н. Милоков) декларация русских конституционалистов, написанная автором в имени Машук, принадлежавшем Петрункевичу в Тверской губернии. Милоков призывал единомышленников отказаться от лозунга Земский Собор и

выдвинуть на своем знамени лозунги всеобщего голосования и социальных реформ. Вскоре было признано и «принудительное отчуждение помещичьей земли».

Несмотря на разрыв переговоров с социал-демократией, в тактике «Освобождения» продолжала доминировать ориентация на сближение с революционным движением. В № 5 «Освобождения» мы читаем: «Если в России оппозиция считалась крамолой, то это значит, что в России нет крамолы, а есть только оппозиция. Никакого хаоса и никакой анархии революционное движение не может создать. Либерализм должен признать свою солидарность с т. н. революционным направлением». А в «Листке Освобождения» (№ 17) эта солидарность получает конкретное выражение: «Действия различных революционных и оппозиционных партий, как русских, так и заграничных (т. е. эмигрантских), будут координироваться». В одном из следующих номеров «Освобождения» Струве писал, как бы возвращаясь мысленно к переговорам с «Искрой» и «Зарей» в 1901 году: — «Русскому либерализму не поздно еще занять правильную позицию — не против социал-демократии, а рядом и в союзе с нею».

С точки зрения социал-демократии, однако, уже было поздно. На том 2-м съезде РСДРП осенью 1903 года, где произошел исторический раскол на меньшевиков и большевиков, — протянутая рука либералов из Союза Освобождения не встретила ответного пожатия. По предложению Плеханова и Ленина (при возражениях Мартова) была принята специальная резолюция о журнале «Освобождение», в которой съезд «настоятельно рекомендует всем товарищам обращать в своей пропаганде внимание рабочих на антиреволюционный и противпролетарский характер того направления, которое выразилось в органе г. П. Струве».¹⁶ Таким образом, готовность «Освобождения» сохранить союз с социал-демократией оказалась обреченной.

И, действительно, когда осенью 1904 года для оппозиционных и революционных групп созрела возможность «координации», о которой писало «Освобождение», и в Париже была созвана конференция «революционных и оппозиционных партий русского государства», — на ней Союз Освобождения встретил в качестве партнеров — эсеров, финских активистов, поляков, — обе с.-д фракции, меньшевики и

большевики, уклонились от участия на этой конференции. Союз Освобождения был представлен кн. Петром Долгоруким, П. Б. Струве, В. Я. Богучарским и П. Н. Милюковым, — последний участвовал под псевдонимом Александров, — что потом было раскрыто в Государственной Думе Столыпиным по донесению Ратаева, осведомителем которого на конференции был Азеф. Об этой попытке «координации» по существу распространяться не стоит, — ибо от конференции у деятелей Союза Освобождения во всяком случае осталось чувство неловкости, когда выяснилось, что за кулисами ее действовали авантюристские элементы, к тому же свои революционные планы намечавшие при содействии японцев (ведь дело было в русско-японскую войну)...

5. ЛИБЕРАЛЫ «УГОВАРИВАЮТ» РЕАКЦИЮ

Этой формулой можно было бы покрыть тактическую линию генерального штаба русских либералов от канунов первой революции 1905 года — через полосу думского парламентаризма и первую мировую войну — до взрыва второй революции — в феврале-марте 1917 года. Это был период политической истории — бурный и противоречивый, катастрофический, зигзагообразный. Начался он с убийства Плеве. Милюков в своих воспоминаниях пишет: «Плеве, который боролся с земством, устраивал еврейские погромы, преследовал печать, усмирлял порками крестьянские восстания, давил репрессиями первые проявления национальных стремлений финляндцев, поляков, армян... Он, который сказал Куропаткину: чтобы остановить революцию, нам нужна маленькая победоносная война». ¹⁷ Плеве был убит социалистами-революционерами, и он, этот последний временщик самодержавия, уже не мог собственными глазами убедиться в том, как вся его охранительная политика привела к обратному результату и оказалась водой на мельницу революции.

Политические последствия ухода со сцены Плеве сказались очень быстро. Началась «оттепель», объявлена была политическая «весна». Ее открыли земские съезды, банкетная кампания интеллигенции. Поражения на фронте войны с Японией, вслед за студенческим (1901), крестьянским (1902)

и рабочим (1903) движением предыдущих лет, оказались яркими зарницами, предвещавшими революцию. Либеральное движение к концу 1904 года консолидировалось и кристаллизовалось. По мере его углубления и выхода на историческую авансцену, по мере роста его популярности в широких кругах интеллигенции, среди представителей свободных профессий, — шел процесс и его политической дифференциации. Этому содействовали новые органы печати, и новые, свежие голоса, неожиданно зазвучавшие в стране, — яркие провозвестники надвинувшейся уже вплотную революции. 9 января 1905 г. открывает ее первую, причудливую, почти фантастическую страницу, когда на улицы Петербурга с петицией, формулировавшей политические требования народа, вышли многотысячные массы рабочих под руководством главы легальной организации, созданной при поощрении властей, священника Гапона (как оказалось, связанного с Департаментом полиции). Запуганный царь, под влиянием ограниченного разумом советников, ничего умней не придумал, кроме расстрела рабочей демонстрации, — одновременно расстреляв картечью и последние монархические чувства в народе.

Еще до начала первой революции, в ноябре 1904 года умеренные, консервативные земцы получили возможность приступить к переговорам с правительством. Возможно, что инициатива переговоров шла сверху, из растерявшихся придворных и министерских кругов, но это дела не меняло, — ибо попытка убедить правительство пойти на уступки, вступить на путь реформ и была генеральной тактической линией влиятельной фракции либерально-настроенных земцев. С. Ю. Витте, как известно, выбрал для переговоров представителей умеренных земских элементов Д. Н. Шилова, Н. Н. Львова, А. И. Гучкова, гр. Гейдена и др. Сменивший Витте на посту премьера П. А. Столыпин, — это уже было в период 1-ой Государственной Думы, когда девятый вал первой революции уже был позади, — продолжал переговоры тоже преимущественно с умеренными либералами.

Как известно, целью переговоров явилось вхождение в состав правительства представителей общественности. Последние, как правило, если не ставили прямых условий, то всегда обуславливали свое вхождение в правительство теми или другими политическими аргументами. Как в 1904 г., так и в 1905

и 1906 годах, т. е. на всех этапах переговоров, представители либералов стремились "угворить" реакцию пойти навстречу требованиям страны, дать конституцию, созвать народных представителей, положить предел царящему — не без административного восторга — произволу, наконец, дать амнистии политическим заключенным и ссыльным, и этими прелиминарными мерами предотвратить и обуздать революцию.

Переговоры оказались бесплодными. Ни одного из самых умеренных партнеров ни Витте, ни Столыпину не удалось перетянуть на свою сторону. Слово «конституция» нельзя было даже произнести, — ибо царь поставил это слово под запрет. От кандидатуры давно скомпрометированного П. Н. Дурново, как министра внутренних дел, в сферах ни за что не хотели отказаться, — между тем с ним идти в правительство никто из самых консервативных либералов не считал возможным. Картина переговоров с представителями земского съезда в Петербурге 6-9 ноября 1904 г., окончившихся в ничью, буквально повторилась осенью 1905 года по свежим следам всеобщей октябрьской политической забастовки, вырвавшей манифест 17 октября. Опять приглашались умеренные либералы, Шипов, будущий октябрист, а сейчас «конституционалист по высочайшему повелению», Гучков, граф Гейден, — последнему принадлежит тонкое определение той роли, которая отводится представителям общественности: «Нас приглашают на роли наемных детей при особах легкого поведения», — вполне понятно, что никто на такие «роли» не склонен был пойти.

Неискренность, «уклончивость» манифеста 17 октября была очевидной, хотя «правда, Победоносцева за нею уже больше не чувствовалось», — пишет об этом времени Милюков в своих воспоминаниях.¹⁸ Он говорит о «двусмысленности обещаний» и об отсутствии серьезных политических гарантий. Но, приводя слова Милюкова, мы тем самым передвигаемся от консервативных либералов — к либералам радикальным. Милюков — ведь это недавно еще Союз Освобождения, Парижская конференция с эсерами, Союз союзов, сыгравший крупную роль в организации октябрьской всеобщей забастовки 1905 года. Тем не менее Милюков в этот переломный момент в русском либерализме уже представлял собой «центр», — левое крыло освободительного движения передав т. н. «Большой петербургской группе», где действовали Е. Д. Кускова,

В. Я. Богучарский и др. Но к этому времени уже повелительно назревала необходимость перехода от нелегальной организации Союза Освобождения — к образованию легальной политической партии русского либерализма — «к открытой политической партии в европейском смысле слова». В октябре 1905 г. возникла конституционно-демократическая партия (ка-де), которую и возглавил Милюков. С этого момента происходит существенная эволюция и роли либерального «центра». От некогда формулированной Струве тактической задачи: «не против социал-демократии, а рядом и в союзе с нею» уже абсолютно ничего не осталось. Либеральная политика переходит к совершенно новым задачам: она ведет переговоры с правящими кругами о власти, — точнее, — она «уговаривает» реакцию...

На долю П. Н. Милюкова выпала эта задача еще за несколько лет до того, как были призваны на предмет переговоров умеренные земцы, на заре его политической деятельности. В своих воспоминаниях он передает эпизод, как, сидя в заключении в петербургских «Крестах» (1902 год), он был вызван неожиданно к Плеве. «Он спросил меня в упор: что я сказал бы, если бы он предложил мне занять пост министра народного просвещения... Я ответил, что поблагодарил бы, но, по всей вероятности, от него бы отказался... — Почему же? — Потому, что на этом месте ничего нельзя сделать. Вот если бы ваше превосходительство предложили мне занять ваше место, тогда я бы еще подумал»¹⁹. Разумеется, продолжения переговоров, — если это были переговоры, а не так сказать проба пера, — не было.

Но в последующие годы Милюкову, уже признанному лидеру легальной либеральной общественности, пришлось несколько раз вести переговоры и с Витте, и с Столыпиным, и — совершенно секретно — с Ф. Д. Треповым, — хотя и не занимавшим поста премьера, но бывшим представителем «второго», настоящего правительства (при царском дворе).

В своих материалах «К истории русского лжеконституционализма» Милюков прослеживает различные стадии переговоров в 1905-06 г.г., в которых участвовали преимущественно умеренные, земские представители общественности, — и приходит к выводу, что все попытки «уговорить» реакцию оказались фатально обреченными в сложившейся обстановке.

Он пишет: «По поводу записок Д. Н. Шилова было недавно высказано предположение, что если бы русская интеллигенция оказалась более уступчива и если бы старое земство сыграло роль умеренного центра... то весь ход русских событий мог бы сложиться иначе. Не буду отрицать вредных последствий интеллигентского максимализма... Но ведь власть не могла сговориться не только с максималистами»²⁰. Он продолжает подбивать итоги: «Только государственное предвидение могло предупредить надвигавшуюся катастрофу. В рядах общественности это предвидение вовсе не было уж такой редкостью... Но предостережения наткнулись на... толщу непонимания и закоренелых предрассудков... Самая элементарная интрига царедворца легко одерживала верх над государственной проницаемостью... Серьезный компромисс был невозможен, а несерьезный — бесполезен»²¹.

В этом было все дело: царь и его приближенные, — а именно они, — а не Витте или Столыпин, — были решающими инстанциями в период переговоров. Они не искали сколько-нибудь серьезного компромисса ни со страной, ни с общественностью, — ни до манифеста 17 октября, ни после него. Подъем общественного движения вызвал оторопь в придворных и бюрократических кругах, оторопь сменилась испугом, когда в освободительном движении стали брать верх революционные и социалистические течения. Перед натиском октябрьской всеобщей политической забастовки, явившейся кульминационным пунктом национальной революции, царь и правительство устоять не могли и вынуждены были уступить. Однако, мера этих уступок и степень их серьезности находились в зависимости от дальнейшего хода событий.

Не столько политическим сознанием или расчетом, сколько инстинктом самосохранения руководствовался старый порядок, когда, наблюдая нараставший разлад и распад в лагере революции и оппозиции, стал довольно стремительно брать назад или лишать всякого содержания сделанные уступки. Переоценивая свои силы и возможности, революция своей политикой в Совете рабочих депутатов, нерасчетливой практикой всеобщих забастовок, заранее обреченных на провал, и всем трагическим развитием, приведшим к краху московское декабрьское восстание, революция не только изолировала рабочие и социалистические круги, не только оттолкнула от се-

бя симпатии либеральных кругов и вырыла пропасть между собою и обществом, — революция как бы сама вскормила и окрылила реакцию.

Левое крыло либерализма, еще ориентировавшееся на соглашение с революционным движением, как бы лишилось последних политических аргументов в пользу этой ориентации. Правое крыло и центр либерализма перед лицом надвинувшегося «Ахеронта» слева (мифологической адской реки, волны которой грозили затопить все и **вся...**) и предчувствуя ответное наступление «Ахеронта» справа, — разнуданных и осмелевших черносотенных банд, уже на другой день после манифеста 17 октября устроивших под руководством полиции массовые погромы евреев и интеллигенции, — продолжали свою безнадежную и обреченную работу по «уговариванию» реакции.

Поправление либерализма несколько позже получило свое яркое выражение в выступлении семи смиренных либералов в сборнике «Вехи», духовным вождем которого явился тот же П. Б. Струве, который в 90-х годах примкнул к социал-демократии. Вместе с группой бывших марксистов, Бердяевым, Булгаковым, Франком и др. он не только попытался возродить направление «консервативного либерализма» времен Б. Н. Чичерина, — но наиболее отчетливо обнаружил стремление к сговору с правительством П. А. Столыпина, с его политикой жестокого усмирения революции, с его великодержавными империалистическими тенденциями. В сборнике «Вехи» разочарование в освободительном движении приняло весьма экстремистские формы, выражаясь в пересмотре идейного наследия... Петра Великого и, конечно, Белинского и в «благословении» власти, оградившей вехистов от разлива революционной стихии. «Центр» либерализма так далеко не шел. Напротив, Милюков и Петрункевич провели решительное размежевание с кругом идей, одушевлявших участников сборника «Вехи». Разгон 1-ой и 2-ой Государственных Дум убедил всех, что курс на реакцию взят твердый, и попытки умеренных либералов удержать Столыпина от разгона 2-ой Думы, — бесплодные попытки перебросить мост к правительству, «уговорить» его, добиться от него какого-нибудь компромисса с Думой, — засвидетельствовали лишний раз обреченность всей политики правого крыла либералов.

Вот как подвел итоги русского лжеконституционного развития один из правых кадетов, В. А. Маклаков, — один из тех, кто в переговорах с П. А. Столыпиным в последний раз до войны пытался «уговорить» реакцию, чтобы избежать рецидива революции и обеспечить для России мирное, парламентское направление. «Во 2-ой Думе, — писал он, — начала... намечаться та объективно необходимая комбинация «прогрессивного блока», которая одна могла реформировать Россию без потрясений и изменить ее облик, сохраняя в ней и порядок, и преемственность государственной власти... Для той кучки, которая хотела, чтобы государство служило только их интересам,... Первая Дума, против своего желания, вела все-таки нас к революционному взрыву, вторая же (Дума) могла от него Россию избавить. После ее неудачи все пошло по иному. Третья Дума компрометировала и Столыпина, и октябристов. Несмотря на внешний успех конституционного строя и связанный с ним расцвет экономической жизни, она вела к возобновлению старой борьбы власти и общества. Это обнаружилось в 4-ой Думе. И при третье-июньском законе результат выборов оказался другой. Страна опять явно левела, а вместе с нею и Дума. Правительство же искало спасения в еще большем повороте направо. Серьезный конфликт назревал. Он был замаскирован и отсрочен войной. Под влиянием военной опасности думские партии уже обдуманно перешли к той спасительной комбинации «прогрессивного блока», которую инстинктивно наметила 2-ая Дума. Это был новый и самый реальный шанс примирения с властью. Но с этим было опоздано. Верховная власть тогда с рельс уже сошла и летела к пропасти, ничему не внимая».²²

Маклаков нас подводит таким образом к новейшей истории России, к последнему этапу, когда была сделана в слушный час попытка «уговорить» реакцию. Втянутая в мировую войну, потребовавшая от страны и народа напряжения сверхсметных сил, — Россия столкнулась с распадом всей политической системы, разъединенной распутищиной, сухомлиновщиной, протопоповщиной. Идея объединить самые умеренные, самые лояльные элементы Государственной Думы под фирмой Прогрессивного Блока, — и таким образом поставить заслон против разлива революционной стихии, особенно грозной во время войны, — целиком принадлежала признанному лидеру

либерализма П. Н. Милюкову, видевшему в Прогрессивном Блоке (1915 г.) инструмент давления на власть, способ заставить ее опомниться и пойти на необходимые реформы. Прогрессивный Блок явился последней попыткой уговаривания реакции со стороны либералов. Эта карта либерализма была бита, как и все предыдущие. Сцилла реакции повернулась спиной к либералам, и они автоматически очутились перед Харибдой революции.

6. РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ПОНЕВОЛЕ

Что могло быть более умеренного, нежели план объединения большинства 4-ой Госуд. Думы, — кадет, октябристов, националистов, — вплоть до Крупенского, Шульгина, Пуришкевича, на программе самых скромных политических требований, — объединения, к которому примыкали члены Государственного Совета, генералы великой войны? Пожалуй, программа эта почти ничем не отличалась от верноподданнических адресов Черниговского и Тверского земств, которые формулировал 30 лет тому назад И. И. Петрункевич. Как и тогда, как и в 90-х годах, — так и сейчас при временщиках типа Штюмера, не могло быть и речи ни о конституции, ни о правовых гарантиях, ни о сколько-нибудь серьезных реформах, — ни о действительной обороне на фронте. Катастрофа надвигалась неотвратимо. Старый режим, как слепая лошадь, летел в пропасть навстречу гибели. Прогрессивный Блок не мог и не хотел разделять его судьбу, и Госуд. Дума — против своей воли — стала фактором революции.

В. А. Маклаков, как известно, в ряде своих мемуаров "Власть и общественность на закате старой России", «Первая Госуд. Дума», «Вторая Госуд. Дума» и в статьях, опубликованных в парижских «Современных Записках», подверг критическому пересмотру и переоценке деятельность русских либералов, особенно в полосу первой революции 1905-1907 г.г.-«Партии эволюции, — писал он, — надлежало помогать власти во всех ее попытках двигаться в лучшую сторону, как **бы** ни было это движение незначительно». Вместо этого либералы критиковали правительство, более того, возбуждали в населении враждебное отношение к власти. Либералы, по его мнению, впадали сами в максимализм, когда выдвигали лозунги

Учредительного Собрания и всеобщего избирательного права, — не говоря уже о том времени, когда они искали прямого союза с революционными социалистическими партиями. Возражения со стороны Маклакова вызывали ретроспективно и поведение либералов в переговорах с Витте и Столыпиным и отношение их к т. н. органической работе в Госуд. Думе. Нет сомнений, что в той сложной и зыбкой политической обстановке, которая господствовала в эти годы, русский либерализм порой метался между Сциллой реакции и Харибдой революции, и ни здесь, ни там не мог добиться сколько-нибудь приемлемого компромисса, и в этом смысле критика Маклаковым политики кадетской партии ухватывает какие-то объективные моменты.

Но вместе с тем он несомненно не может отрицать, что Милюков прав, утверждая, что «партия в своем большинстве употребляла все усилия, чтобы спасти Россию от революции, к которой ее вели другие факторы».²³ Милюков безусловно прав в своем ответе на критику Маклакова, когда, даже соглашаясь с последним, что «конституционная монархия была единственным способом мирного преобразования государства», резонно замечает, что в этом рассуждении Маклакова забыто, что «сама самодержавная власть не оставила другого пути к конституционной монархии, кроме революционного». Да в сущности в конкретном политическом плане это признает и Маклаков, когда пытается искать причины исторической неудачи либерализма. «Причиной злополучного уклona нашей новейшей истории (речь идет здесь о «войне общества с властью») было самодержавие. У него все было в руках, чтобы обойтись без войны. Примирение власти и общества, возвращение самодержавия на героический путь великих реформ — зависело тогда от него. Последний несчастный наш самодержец этого не захотел и сам начал войну со страной», — пишет Маклаков. И с особенной отчетливостью это сказалось в годы войны, когда положение пыталась исправить «спасительная комбинация прогрессивного блока». Но «с этим было опоздано, — отдает Маклаков себе полный отчет, — Верховная власть уже с рельс сошла и летела к пропасти, ничему не внимая».

Какая иная политика в это время была возможна? В. А. Маклаков, вскрывая пороки и преступления либерализма, на

самом деле ставит другую проблему, притом гораздо более важную. Это проблема о готовности царя и старого режима в 1906-1917 годах идти на Реформу или реформы на основе соглашения с умеренно-либеральными течениями. Наличие этой готовности царя и его окружения надо доказать, и бремя доказательства в этом отношении целиком ложится на Маклакова. Приводит ли он такие доказательства? Решается ли он, знаменитый русский адвокат, взять на себя защиту старого режима? Нет. Ибо самый умеренный либерал XX века не может взять на себя задачу — обелить старый режим, его политику, фатально заводившую в тупик страну, а двор и монархию — к распаду и гибели. Ему ничего другого не осталось, как признать в своей работе о 1-ой Госуд. Думе: «Через 10 лет революция пришла. Не либеральная общественность и не революционные партии ее вызвали. Ее подготовили непосильная тяжесть войны и ошибки потерявшей голову власти».

Вопрос о том, кто вызвал русскую революцию, до сих пор еще недостаточно освещен в литературе, и в эмиграции, особенно в ее монархических и правых кругах, до сих пор господствуют самые примитивные представления и предрассудки на этот счет. Русская действительность эпохи канунов февральско-мартовской революции, казалось бы, наглядно устанавливает, что в 1914-1916 годы все политические события развивались, вопреки всяким застарелым предрассудкам и банальным представлениям о революции. Накануне февраля 1917 года никто не ожидал революции и не верил в ее близость. Сколько бы большевики ни рассказывали о «железных батальонах», которые подготовили революцию, — на деле ни у большевиков, ни у меньшевиков, ни у эсеров не было ни одного сколько-нибудь серьезного подпольного центра, который ориентировался бы на близкую революцию и который бы мог ей в какой-либо мере содействовать. Ни революционных армий у революции не было, не было у нее и вождей.

Но жаждой перемены, сознанием необходимости перепрячь лошадей, — даже в годы войны, когда такая перемена была сопряжена с большим риском, — были охвачены все в России. Царский двор, распутинская шайка, несколько крайне-правых кружков, получавших субсидии от тайной полиции, — были абсолютно изолированы в стране. И нужно признать бесспорным, хотя и парадоксальным фактом, — что к революции 1917

года в России призывали не социал-демократы-меньшевики в Госуд. Думе и в рабочих группах Военно-Промышленных Комитетах, не трудовики в Госуд. Думе и не кадеты, с особенной тревогой относившиеся к революции во время войны.

Но «революционерами поневоле» были все: деятели Прогрессивного блока Госуд. Думы и Госуд. Совета от Милокова

— до Пуришкевича, деятели Союза городов и Союза земств, деятели Военно-Промышленных Комитетов, весь генералитет во главе с генералом М. В. Алексеевым, многие министры царского правительства, не принадлежавшие к партии Распутина. и — великие князья. В поисках выхода из политического тупика, куда была загнана Россия, объединились не только радикальные и либеральные, но консервативные и монархические круги, — не останавливавшиеся ни перед перспективой дворцового переворота, ни перед перспективой революции. Из этого всенародного порыва и вышла февральская революция, революция национальная по своему происхождению, — хотя ее носителями явились революционеры поневоле.

В. А. Маклаков, один из ретроспективных критиков либерализма и сам революционер поневоле, в одной из своих книг счел нужным выступить и в защиту либеральной формулы прогресса. «Идеи либерализма теперь не в фаворе, — писал он.

— Сейчас отстаивают не «права человека, а «силу государственной власти»... Я не только не отрицал этих идей, но находил, что если бы даже должно было признать, что эпоха личной свободы в мире окончилась, и вернулось время управления сверху, или что прогресс состоит в том, чтобы человеческое общество превратить в улей или муравейник, в чем Муссолини, Гитлер и Сталин между собой солидарны, — то и в этом случае в России 20 века для таких взглядов не было почвы. Нападки на либерализм, как таковой, получили свой *raison d'être* в государствах, где личная свобода все свои результаты дала и показала свою оборотную сторону... В России этого не было; она не даром была отсталой страной. Ей еще нужно было именно то, в чем многие уже разочаровались на Западе; была нужна самостоятельность личности, защита личных прав человека, ограждение его от государства. Прогресс для России был в этом».

В связи с этим уместно привести и некоторые размышления Маклакова о коммунистической революции в России. «Де-

лом революционеров была только октябрьская революция, — писал он. — Но их большевистская революция была вредна потому, что ее цели были России не нужны. Во славу «теории» она осуществила их силой; но такая победа полезных результатов дать не могла. И, действительно, пока еще не достигнуто ничего из того, чего октябрьская революция добивалась, — ни народовластия, ни равенства, ни господства трудящихся, ни коммунизма. В уродливой форме вернулась личная власть, привилегии «классов», хотя и других, всемогущество бюрократии, беззащитность народа и человека, т. е. все язвы старых порядков. Конечно, командные высоты оказались в руках новых людей; сложилась новая аристократия, новый двор и «угодники»; трудящиеся сделаны были полными париями; честолюбивые люди стремятся выйти в бюрократию и властвовать над народом. Новые господа своей личной судьбой могут быть и довольны; но революция ставила не эти задачи и потому не она победила. На общем несчастье выиграли только отдельные люди».²⁴

ПРИМЕЧАНИЯ

1. И. И. Петрункевич. "Из записок общественного деятеля», "Архив русской революции», т. XXI, Берлин, 1934, стр. 96-97.
2. И. И. Петрункевич. «Из записок общественного деятеля», «Архив русской революции», т. XXI, Берлин, 1934, стр. 97.
3. В. Богучарский. «Народная Воля». Стр. 403.
4. И. И. Петрункевич. Стр. 101.
5. И. И. Петрункевич. Стр. 150.
6. А. С. Суворин. Дневник, М., 1923, стр. 15-16.
7. И. В. Гессен. В двух веках, стр. 144.
8. П. Н. Милюков. Воспоминания, т. I, Н. И. 1955, стр. 224.
9. И. В. Гессен, стр. 195.
10. С. Л. Франк. Биография П. Б. Струве, Н. И., 1956, стр. 13-14.
11. Н. А. Бердяев. «Самопознание». Опыт философской автобиографии, Париж, 1949, стр. 125.
12. Е. Л. Бройдо. «Летопись революции», Берлин, 1923, кн. 1у стр. 132.
13. Л. Дан. «Около редакции «Искры» (из воспоминаний) и Г. А. «Комментарии», «Против течения», кн. 2, Н. И., 1954, стр. 57-72.
14. «Общественное движение в России в начале 20 века», т. I. Статьи А. Н. Потресова, А. Егорова (Ю. О. Мартова), Н. Череванина, стр. 615-616 и др.

15. И. И. Петрункевич, стр. 338.
16. Протоколы 11-го съезда РСДРП (1903), стр. 402-403, Москва, 1959.
17. П. Н. Милюков. Воспоминания, т. I, стр. 224.
18. П. Н. Милюков. Воспоминания, т. I, стр. 312.
19. П. Н. Милюков. Воспоминания, т. I, стр. 203.
20. П. Н. Милюков. Три попытки, Париж, 1921 г., стр. 83-84.
21. П. Н. Милюков. Три попытки, Париж, 1921 г., стр. 85-86.
22. В. А. Маклаков. Вторая Государственная Дума, Париж, стр. 257-258.
23. П. Н. Милюков. «Кадетский либерализм», «Совр. Записки», кн. 41.
24. В. А. Маклаков. Первая Государственная Дума, Париж.

СОЦИАЛИСТЫ В РОССИИ И В ЭМИГРАЦИИ

1. ПОСЛЕ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Нет более соблазнительной темы, и темы более жгучей, чем тема об «истоках» постигшей Россию великой катастрофы. Пусть скептики утверждают, что история учит нас только тому, что она ничему не учит, — наша мысль то и дело возвращается к прошлому, задумываясь над тем, что было, ворошит и вопрошает историю, свидетелями, участниками, жертвами которой судьба нас поставила. По известному выражению, история — это политика, опрокинутая в прошлое, — может быть, она в таком случае способна кое-чему научить и современность?...

Историческим фоном, на котором факторы революции получили питание и развитие, явилась первая мировая война. Война вызвала хаос и осложнения, страсти и нигилизм, разнузда инстинкты разрушения, обесценила человеческую жизнь, породила настроение: все — трын-трава.

Война наглядно вскрыла гнойники и язвы старого порядка. Наличие общественности в стране, Государственной Думы, городского и земского самоуправления, — всей системы нарождавшегося конституционализма могло постепенно, — быть может? — оказать воздействие на разлагающийся Двор, убить гидру распутинщины. Но война сорвала эмбрион парламентаризма, растоптала зародыши свободы. Поражения на фронтах, рост продовольственной и хозяйственной разрухи в тылу усиливали действие деструктивных элементов в стране. И старый порядок, как слепая лошадь, неся в подкарауливавшую его бездну, влача за собой еще упиравшийся народ, еще сопротивлявшуюся, хотя и явно слабеющую страну...

Среди факторов русской действительности некоторую роль играла и резервная армия профессиональных революционеров, уцелевшая от событий 1905 года и как бы нарочно вскормленная старым режимом «про запас», на случай своего крушения. Люди особой психологии, отталкивавшиеся от настоящего, живущие мечтой о неопределенном, но многообещающем будущем. Правда, поколение революции 1905 года постепенно перестраивалось. Многие поняли знамение времени и отдавали себе отчет в том, что Россия уже вступила на путь политической эволюции, на путь, ведущий к демократии. Но были еще подпольщики, были тюремные сидельцы, были политические эмигранты, — для которых Россия оставалась всегда в будущем, никогда в настоящем. И когда вспыхнула война, российская вольница восприняла ее как широко распахнутую дверь в революцию.

Перед войной страна еще подбивала итоги первой революции. Каковы были эти итоги? Одни считали, что революция, достигнув своей кульминации во всеобщей политической забастовке в октябре 1905 года, в скорости потерпела поражение. Это была побежденная революция. Другие, напротив, полагали, что несмотря на все свои «прыжки в сторону» (пользуясь немецким выражением), революция наметила перспективу нового свободного развития, вызвала к жизни какой ни на есть, но парламент, расширила свободу печати. «Начальство вернулось», но вернулось в другом виде: в России уже не стало неограниченного самодержавия. Двор, дворянство, бюрократия должны были потесниться, уступить некоторые свои позиции.

Конечно, процесс эволюции был противоречив и зигзагообразен. В течение полутора лет свирепствовала контрреволюция, бушевал белый террор, шла вакханалия военно-полевой скорострельной юстиции. Административный восторг брал реванш на окраинах, особенно в антисемитизме и ущемлении национальных стремлений. Все, что отдавало революцией в напуганных сердцах представителей старого порядка, — даже 1-я и 2-я Государственные Думы, — подвергалось ликвидации. Строптивые элементы угонялись в Сибирь. Никак нельзя было говорить, что Россия превращается в правовое государство.

Но все же: медленным шагом, робким зигзагом, — примерно с 1908 года, — наблюдался процесс пореволюционной

стабилизации. Либеральные, умеренные общественные силы находили себе довольно широкое применение. Прошла полоса общественных съездов с участием радикальной интеллигенции и организованных рабочих групп. Полуявочным способом и в порядке легальности создавались организации рабочих и возникла социалистическая печать, — меньшевиков, эсеров и большевиков.

Третья Государственная Дума, а затем и Четвертая, — возникшие на основе третьеиюньского государственного переворота, явились в сущности первой ступенью политического воспитания народных масс в городе и деревне. Административный произвол еще разгуливал на воле, но все же обуздывался народившимся в стране новым эффективным фактором — общественным мнением. «Темные силы» еще брали верх в органах управления и мешали складываться правовому государству, — но объективно можно сказать, что борьба за превращение России в правовое государство западного образца шла, и порой не безуспешно.

Сложнее обстоял вопрос с субъективными итогами революции 1905 года. Ленин, напр., еще на весну и осень 1907 года назначал даты новых революционных вспышек, все еще рассчитывая на новый девятый вал революции и носился с партизанскими лозунгами образования боевых подпольных «троек» и «пятерок».

В иных социалистических кругах, не шедших на примирение с действительностью, шла дискуссия: переживаем ли мы в России еще 1848 год, год подъема, — или мы уже въехали в 1849, год спуска с горы? Если наступил 1849 год, — тогда уже нет речи о революционной ситуации в России, — тогда наступает полоса «конституционных иллюзий».

Так и не закончив дискуссии, так и не выяснив в точности, идет ли Россия в гору или под гору, — участников дискуссии стал точить червячок сомнений. Хорошо знавшие Ленина люди утверждали, что он всегда был верен пословице: береженного и Бог бережет. Почва Финляндии горела у него под ногами, и его потянуло к гостеприимным берегам Сены.

2. ОДИНОЧЕСТВО ЛЕНИНА

Может быть, одним из интереснейших фактов эмиграции в годы 1908-1914, — до войны, — был малоизвестный и почти забытый факт растущей изоляции большевиков и особенно растущего одиночества Ленина, — вероятно, самой колоритной и демонической фигуры в русском революционном движении — после Бакунина.

В этот период отошла от Ленина вся старая гвардия большевизма, созданная им и сцементированная им с особой хозяйской тщательностью в полосу раскола с меньшевиками на 2-м съезде РСДРП (1903 г.) и в боях 1905 года. От большевизма откалывались целые группы и фракции, — и в первую очередь группировка «Вперед» со своими разветвлениями «отзовистов» и «ультиматистов». Чтобы уяснить себе значение этих расколов, следует перечислить имена отступников, игравших большую роль в формировании большевизма: Богданов-Малиновский, Воинов-Луначарский, Базаров-Руднев, Мешков-ский-Гольденберг, Григорий Алексинский, Покровский-Домов, Сокольников-Бриллиант, Рожков, Станислав Вольский, Войтинский, Рыков, Красин, Лядов-Мандельштам, Менжинский, Лозовский, Мануильский, Владимиров, — вот имена наиболее известных тогда большевиков в России и за границей, покинувших Ленина. Горький тоже порвал с Лениным. В связи с делом провокатора Малиновского (члена Государственной Думы), которого Ленин пытался покрыть, — ушел в оппозицию Трояновский. Отчасти с делом Малиновского возникли первые трения у Бухарина в отношениях с Лениным. С Каменевым был разрыв после ареста большевиков — членов Госуд. Думы.

Надо иметь в виду, что целый ряд будущих, послеоктябрьских большевиков в годы, предшествовавшие войне и даже в первые годы войны, считали себя меньшевиками, не предвидели и не предчувствовали своей карьеры под Лениным. Троцкий, например, несмотря на свои индивидуалистические уклоны, оставался одним из ведущих меньшевиков и был в стане последовательных противников Ленина. Чичерин-Орнатский (будущий наркоминдел) был секретарем меньшевистских групп содействия за границей. Ларин (будущий национализатор промышленности), Урицкий (будущий глава петроградской Чка), Майский и Александра Коллонтай (будущие

красные дипломаты), — наконец, Антонов-Овсеенко (прославившийся в октябре штурмом Зимнего дворца), — все они были меньшевиками накануне войны, во время войны, а некоторые и позже, — и даже порой меньшевиками правого толка: ликвидаторами, потом оборонцами.

Один из рабочих-эмигрантов А. С. Шаповал в своих мемуарах² воссоздает обстановку в Париже вокруг Ленина в 1911 году: «Ленин был почти одинок»... «Как дятел какой-то Ленин говорит одно и то же», — высмеивает его Алексинский. «Тоже лезет со своим деревянным языком», — смеялся над французским языком Ленина б. большевик С.». «Ничего не понимает ваш Ленин в философских вопросах», — говорят другие большевики или полубольшевики. К этому времени на собраниях большевиков бывало всего 12-15 человек, — отмечает Шаповал. К тому же на собраниях царило «враждебное настроение против Ленина». Доходило до того, что опасались, как бы его не столкнули с трибуны. Б. Горев подтверждает воспоминания Шаповала: «Был период (приблизительно 1911 год), когда Ленин и его небольшая группа в эмиграции была почти одинока». Это одиночество возрастало с каждым годом.²

Политическая изоляция Ленина особенно подчеркнута выглядела незадолго до войны, когда по инициативе Международного Социалистического Бюро 16-17 июля 1914 г. было созвано в Брюсселе совещание для примирения всех социал-демократических течений в России. Из видных иностранных социалистов на совещании были Вандервельде, Каутский, Гюисманс, Роза Люксембург. Почти все видные меньшевистские группировки были представлены, как и наиболее видные деятели: Плеханов, Аксельрод, Мартов, Троцкий, Чхенкели (член Гос. Думы), печатник Романов, Батурский, Триа (из России). Был и Алексинский от группы «Вперед».

Большевикам очень не хотелось участвовать в одном совещании с меньшевиками да еще с целью объединения. Поэтому Ленин прежде всего решил самому не ехать в Брюссель. Об этом писал Ганецкий в «Ленинградской Правде».*³ «Ильич взбешен. Лучше бы не принимать участия. Жаль времени и денег. Но неудобно». И Ленин послал делегатов второго ранга: Инессу Арманд, Владимирского, Попова да Ганецкого (от

польских социал-демократов), которые и прочитали написанную Лениным декларацию против объединения.

Меж тем совещание в Брюсселе признало, что «в настоящее время не существует тактических разногласий достаточно крупных, чтобы оправдать продолжение раскола». И эту точку зрения разделяло полностью Международное Социалистическое Бюро. Война сорвала все маниловские планы и намерения. Но в сущности при противодействии Ленина эти планы и без войны не имели никакого шанса.

Особенностью политической изоляции Ленина было не столько решительное отмежевание его от всех течений меньшевизма (что можно объяснить полярностью его политики и идеологии), — сколько систематический разрыв его с единомышленниками, с большевиками, в какой-либо мере расходившимися с ним, даже независимо от важности этих расхождений. Отход от Ленина большевиков продолжался и во время первой войны. Так, в 1915 году на конференции заграничных большевиков в Швейцарии вспыхнули острые разногласия между Лениным и влиятельной тогда группировкой «божийцев» (по имени городка Божи), с четверкой видных большевиков: Бухариным, Пятаковым, Евгенией Бош, Трояновским.

В том же 1915 году на Циммервальдской конференции интернационалистов Ленин не только был в меньшинстве, — против «правой циммервальдской», но и в самой «циммервальдской левой» он ухитрился разорвать с Розой Люксембург и Карлом Радеком. Изоляция Ленина в большевистском лагере как раз достигла своего апогея накануне революционных событий в России, — именно в январе 1917 года Ленин подал в отставку...

Очень соблазнительно продлить эти замечания и распространить их на эпоху февральской революции 1917 года. Ведь по приезде в Россию в ночь с 3 на 4 апреля Ленин тотчас же оказался в изоляции в своей собственной большевистской среде. Его лозунги социалистической революции, свержения Временного Правительства, братания на фронтах, разрыва с социалдемократией встретили всеобщее сопротивление. Когда он выступил со своими «апрельскими тезисами», Каменев от имени большинства ЦК дезавуировал его, и никто из видных боль-

шевиков, — Рыков, Сталин и другие, — не был с ним согласен.

Ленин оставался в меньшинстве и позднее, после провала июльского выступления большевиков и обвинения в получении Лениным немецкого золота, когда скрылся в пресловутом шалаше у финской границы, вызвав острое недовольство в большевистской головке, настаивавшей на его явке на суд Временного Правительства.

Изолирован Ленин был в большевистском штабе даже в октябре 1917 года, когда не имея контакта со своими единомышленниками по вопросу о восстании и никем не поддержанный, он предъявил ультиматум и грозил уходом. Та же картина изоляции повторилась спустя неделю-другую, когда все дело с восстанием повисло на волоске, ибо против восстания высказались наиболее близкие ему люди: Зиновьев, Каменев, Рыков, Шляпников, Лозовский, Рязанов, Ларин...

Чем объяснить в таком случае загадку победы Ленина, от идей и лозунгов которого все отталкивались, все буквально шарахались? Ролью личности в истории, которая столь недооценивалась марксистской мыслью? Или тем, что в революции Ленин оказался человеком одержимым, мономаном, обладал железным упорством, и был единственным характером среди претендентов на власть? Или не последнюю роль тут сыграла особенность психологии большевистской среды, того слоя профессиональных революционеров-большевиков, который облыжно называли «железной когортой», но который на деле отличался бесхребетностью и беспринципностью, и авторитарностью, и склонностью к беспредельному послушанию?

Как это ни покажется парадоксальным, но в большевизме издавна, — еще со времени уральских большевиков 1902-03 г., выразивших уже тогда готовность к вождизму, к подчинению личной диктатуре, — сложились предпосылки для образования слоя исполнителей с гибкой поясницей, впоследствии столь напоминавших собою готовых на все чиновников старого режима, а порой и превосходивших их своей лакейской психологией...

3. «МЫШИНАЯ ВОЗНЯ» В ЭМИГРАЦИИ

Вторая эмиграция XX века, — после революции 1905 года, была немногочисленна. Вероятно, ее надо считать в несколько сот человек. Преимущественно это были вожди эсеров, меньшевиков и большевиков, которым удалось благополучно унести ноги после крушения и избежать расправы, тюрьмы и ссылки.

С течением времени этот основной костяк политической эмиграции стал пополняться беглецами из сибирской ссылки. Вспомним побег в бочке с капустой такого крупного террориста, как Гершуни, или побег Троцкого, покинувшего место своей ссылки с довольно большими удобствами.

Конечно, вокруг руководящих фигур эмиграции довольно скоро образовалась периферия. Одни вернулись за границу по не привычке к русской жизни, не доверяя к тому же легальным возможностям, открывшимся после революции. Другие рекрутировались из категории «вечных эмигрантов», как были когда-то в России вечные студенты. Была также и молодежь, приехавшая учиться в зарубежных университетах, сочувствовавшая социалистическим идеям и входившая в группы содействия большевикам, меньшевикам, эсерам. Как правило, многие бедствовали.

В эмигрантских колониях, в центрах политической эмиграции, — а их было немало: Париж, Женева, Вена, Берн и другие, — однако, не прекращалось неизменное кружковое кипенье. Шла борьба партий, шла «мышинная возня» фракций. Меньшевики в эти годы еще входили в одну с.-д. партию с большевиками, но в рамках единой партии уже сформировались не только два течения, две фракции, но в сущности уже сложились две партии. Поэтому на так наз. пленумах Ц.К. (1908 и 1910) шла ожесточенная внутренняя борьба, получавшая вонне выражение в острой полемике, в дожде листовок и порой брошюр.

Всякий, кто хотел бы ознакомиться с отравленной атмосферой тех лет, должен прочесть брошюру Ю. О. Мартова «Спасители или упразднители» (1911), — после которой станет очевидной неизбежность раскола с.-д. партии. И действительно, Мартов и Дан вышли из состава редакции официального партийного органа «Социал-Демократ», которым окончательно завладел Ленин, а в 1912 году произошел формальный разрыв между меньшевиками и большевиками. (В Вене обра-

зовался так наз. Августовский Блок, которому удалось объединить почти все меньшевистские течения).

Троцкий до того издавал в Вене свою газету «Правду» и долго не мог примириться с тем, что большевики у него похитили принадлежавшее ему название, а в Париже выходил меньшевистский «Голос Социал-Демократа», под редакцией Мартова, Дана, одно время Плеханова, — испытывавшего в те годы почти необъяснимое тяготение к Ленину и к его якобинским тенденциям и бывшего неверным союзником меньшевиков. Что касается эмиграции социалистов-революционеров, то вся их жизнь и мысль была потрясена страшной трагедией, — разоблачением провокаторской роли главы боевой организации Азефа. Именно за границей разыгрался эпилог этой трагедии, парализовавшей надолго партию социалистов-революционеров.

Нужно сказать, что, несмотря на бурный характер фракционной борьбы этих лет, предшествовавших первой мировой войне, — все это был главным образом журнальный шум, кружковой характер которого довольно отчетливо выпячивался. Дело в том, что во вторую эмиграцию — после событий 1905 года — связи эмигрантов с Россией были постоянны и прочны. Можно сказать, что в годы 1908-14 политическая эмиграция больше, чем в какое-либо другое время, жила отраженным, заемным светом российского общественного оживления: вокруг Государственной Думы, вокруг русской легальной печати. Там, в Петербурге и Москве, постепенно, зигзагообразно, преодолевая противоречия нарождающегося конституционализма, шел подъем в области культуры, литературы, общественности, политики, а здесь, в Париже и Женеве, давало о себе знать слабое эхо этого подъема. Но только прислушиваясь к отдаленным раскатам этого эха, политическая эмиграция приобретала силу жизни и находила смысл своему существованию.

Чтобы подчеркнуть кружковой, тепличной, даже искусственный характер деятельности политической эмиграции, нужно отметить, что в России в эти годы открывались какие-то легальные возможности для рабочего и социалистического движения, наносившие непоправимый удар революционному подполью, — к тому же, особенно у большевиков, насквозь пропитанному полицейской провокацией. Самым крупным

фактором тогдашней социалистической политики была с.-д. фракция Госуд. Думы, с высокой трибуны которой, несмотря на цензуру, доносилось свободное слово, обращенное к рабочим. Не меньшее значение имела и легальная социалистическая печать в столице: меньшевистский «Луч» и большевистская Правда» выходили с 1912 года до самой войны, подвергаясь бичам и скорпионам, но все же связывая с.-д. партию с широкими кругами. Через пень-колоду, но все же существовали профессиональные союзы и рабочая печать в разных видах. Выходили и журналы по страховому движению.

В смысле непосредственного контакта с родственными кругами легальные зацепки в России в огромной степени превосходили все то, что делала в области пропаганды заграничная печать. Созная это, наиболее способные люди в эмиграции всячески старались сотрудничать в легально выходивших газетах и журналах, поддерживать возможно более тесные отношения со всеми формами открытого и массового движения, которое строили и которым руководили главным образом меньшевики, принадлежавшие к течению ликвидаторов, идеологом которых был А. Н. Потресов с журналом «Наша Заря».

Перед лицом того, что происходило в России, с каждым годом все более теряла свое значение деятельность политических эмигрантов, особенно тех группировок, которые чурались новых веяний, старались консервировать нравы и методы отжившего подполья и были обречены на питание собственным соком.

4. ВОЙНА И ОБОРОНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Война радикально изменила характер русской политической эмиграции. Как только подул могучий ветер мировой войны, хилый болезненный цветок эмиграции налился новыми соками. В первый момент в рядах эмиграции почувствовалась всеобщая растерянность, душевное смятение, охватившее все группировки, — перекинувшиеся от профессиональных политиков к широкой периферии русских людей за границей. Когда прошла полоса растерянности, оказалось, что сотни, если не тысячи русских в эмиграции, охваченные патриотическим порывом, стали записываться волонтерами

во французскую армию. Для большинства оборончески-настроенных выходцев из России было ясно, что Францию и Англию необходимо всемерно защищать от наступления Германии.

Сложнее обстояло дело с Россией, где политический режим, с которым в остром конфликте находились все без исключения русские эмигранты, мешал им стать на позицию защиты отечества. Довольно скоро, однако, эта внутренняя коллизия была преодолена для всех противников Германии.

В этом направлении действовал и тот факт, что в войне царская Россия выступает рука об руку с западно-европейскими демократиями и что победа кайзеровской Германии несла с собой угрозу колониального закабаления России. Казалось, что русский народ, в результате огромных усилий добившийся победы, — вырвет у старого порядка и свободу. Так складывалось в эмиграции, в том числе и социалистической, оборонческое движение, во главе которого стал столь видный идеолог русского марксизма и социал-демократии, как Г. В. Плеханов.

В Париже, основном центре политической эмиграции, наиболее влиятельным и было оборонческое движение. На началах коалиции блока эсеров и меньшевиков, — явления почти невиданного в русских радикальных кругах, — возникла оборонческая печать: «Призыв», «Почин», газеты «За рубежом», «Новости», — перекликающаяся с оборонческой печатью в России.

Там с возникновением войны правительство ничего умней не придумало, как закрыть с.-д. издания, — в том числе «Нашу Зарю», орган Потресова, произвести аресты и ссылки (среди других был сослан Ф. Дан, по амнистии 1913 г. — 300-летия дома Романовых — вернувшийся в Россию и возглавлявший меньшевистское движение). Но с течением времени с.-д. оборонцами удалось возобновить свои издания — «Наше Дело», выпустить сборник «Самозащита».

Из видных оборонцев, группировавшихся в России вокруг Потресова, отметим В. Левицкого, В. Засулич, П. Маслова. В эмиграции наряду с Плехановым занял влиятельное место в оборонческом движении б. большевик Г. Алексинский и целая плеяда выдающихся деятелей партии социалистов-революционеров: Авксентьев, Слетов, Аргунов, Бунаков, Бах, Лазарев,

Воронов, Вл. Лебедев, Савинков, Колосов, Моисеенко, Сталинский и др.

В оборонческом лагере популярная среди социалистов концепция об империалистическом характере войны, объясняемой антагонизмом между Англией и Германией, пользовалась слабым кредитом. Еще меньше в этой среде имели влияние эсхатологические предвидения близости крушения капиталистического мира и неизбежности прихода международной социальной революции, водружающей свое победное знамя на развалинах старого мира. Если в интернационалистах, сторонниках Циммервальда, оборонцы видели доктринеров и мечтателей, утопистов и фантастов, то пораженцев (главой которых стал Ленин) они считали предателями, шкурниками и немецкими агентами. Лозунг, выброшенный Лениным, — о превращении войны империалистической в войну гражданскую встречался в штыки и воспринимался в лучшем случае, как бред сумасшедшего.

Для того, чтобы оттенить позицию социалистов-оборонцев в отношении царящего в России политического режима, достаточно привести мысль, выраженную в манифесте оборонческого блока в «Призыве»: Мы не говорим, — читаем мы там, — что сначала должна придти победа над внешним врагом, а потом только свержение царизма. Возможно, что свержение старого порядка явится предварительным условием и залогом победы над Германией...

Кульминационным моментом в истории оборонческого блока явилось волонтерское движение, в которое вошло до 3.400 человек. Возникло оно снизу, стихийно, спонтанейно, не спрашивая вождей и не оглядываясь на политические группировки эмиграции. Но среди первых отрядов волонтеров было много эсеров и сочувствующих им, немало меньшевиков и даже большевиков. Одни считают, что среди волонтеров было 600 социалистов, другие — до 1000. Перед отходом на фронт волонтеры-социалисты устроили собрание, от имени которого была оглашена декларация 21 августа 1914 г., составленная Александром Экком (Мухиным), стоявшим близко к большевикам. (На Лондонском съезде РСДРП — май 1907 — он был в составе лодзинской делегации польских с.-д.)

В этой декларации — после анализа причин войны, выз-

ванной захватной империалистической политикой правящих классов всех европейских держав, после утверждения, что победа австро-германской феодальной военщины над западноевропейскими демократическими государствами приведет к закреплению и усилению международного милитаризма, к задержке общественной эволюции Европы и свободного развития рабочего движения и к укреплению самодержавного строя России, — мы читаем:

«Мы, социалисты России, глубоко убеждены, что верно в меру наших сил служим интересам международного пролетариата, последовательно остаемся непримиримыми врагами российского самодержавия и, наконец, проявляем наибольшую волю к сознательно-социалистическому действию, вступая в армию французской республики с лозунгами: да здравствует демократия! да здравствует германская республика! долой царизм! да здравствует международный социализм!»⁴

5. ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТЫ

Оборонческие настроения и господство растерянности среди социал-демократов в эмиграции отметила А. Коллонтай (тогда еще меньшевичка) в своем дневнике, который она вела в другом пункте эмиграции, в Берлине:⁵ «В колонии меньшевики и большевики. Разница невелика. Немцев критикуют. Доходят до возгласов: «Эх, прогулялись бы наши казаки по Берлину, повыбило бы это спеси у немцев»... Большинство оправдывает все партии — и германскую, и французскую... При создавшейся мировой конъюнктуре — иначе поступать нельзя... Но все желают поражения Германии».

Так было в начале войны, но с развитием событий среди заграничных меньшевиков постепенно стали брать верх интернационалисты, циммервальдисты. В Париже они обзавелись своей прессой: «Наш Голос» (потом «Голос»), в редакцию которой входили Антонов-Овсенко (Гальский), меньшевик-ликвидатор, и отошедшие от Ленина большевики Мануильский (Безработный) и М. Владимиров (Шейнфинкель). После закрытия «Голоса» стала выходить газета «Новое Слово», редакция которой была составлена на паритете из 3-х меньше-

виков и 3-х бывших большевиков (среди последних был и Лозовский).

Существенно, однако, было то, что «Новое Слово» было органом Ю. Мартова, входившего в редакцию в составе меньшевистской тройки и... Троцкого, стоявшего за спиной тройки бывших большевиков и в первый период, когда он официально не входил в редакцию...

В годы войны на долю Ю. Мартова выпала исключительная роль в меньшевизме и даже за его пределами, — в левом секторе русского социализма вообще. Можно без преувеличения сказать, что Мартов стал подлинным «властителем дум» в годы войны и не только в эмиграции. Его интернационалистская позиция довольно успешно перекликалась с Организационным Комитетом меньшевиков в России, существовавшим нелегально. Так называемый Заграничный Секретариат О. К. состоял исключительно из интернационалистов и выпускал официальный партийный орган «Известия Загр. Секретариата».

Мартов оказал большое влияние на позицию, занятую соц.-дем. фракцией в Государственной Думе: 8 августа 1914 г. она огласила декларацию (за которую голосовали не только депутаты-меньшевики во главе с Чхеидзе, но и депутаты-большевики), голосовала против военных кредитов и в знак протеста против империалистической войны покинула заседание Думы. Видная группа политических ссыльных-меньшевиков в Сибири (Дан, Церетели, Звездин), с которыми солидаризовались некоторые большевики (среди них Рожков, Войтинский) выпустили два сборника, выдержанные в духе интернационалистских идей Мартова, — они вошли в историю меньшевизма в этот период под именем «сибирских циммервальдистов».

Мартов в «Нашем Слове» в Париже очень одобрительно отозвался о статье Квирильского (Церетели) в сибирском сборнике. Когда группе ссыльных меньшевиков в Самаре удалось поставить свой орган «Наш Голос», то и в нем сказались интернационалистские настроения. Оборонцам не без труда приходилось преодолевать сопротивление интернационалистских идей и настроений в социалистических кругах. Только в конце 1915 года после выборов представителей рабочих групп в Центр. Военно-Промышленный Комитет были обо-

ронцами (К, Гвоздевым и др.) завоеваны прочные позиции в рабочем движении*

Наряду с широким распространением идей циммервальдизма среди меньшевиков следует отметить, что этот круг идей объединил вокруг Мартова почти всех выдающихся большевиков, которых Ленин оттолкнул своей брутальностью в предыдущий период. Мартов стал в этот период для них идейным центром, к которому они тяготели и в органе которого они сотрудничали.

Это сближение получило бы еще более определенное выражение, если бы эти бывшие большевики по старой привычке не оглядывались на Ленина, опасаясь как бы он их не облил помоями своей яростной и беспощадной полемики. Впрочем, объективности ради надо сказать, что как идеологические основы интернационалистской позиции, так и политические настроения в первый период войны в сущности вели к сближению меньшевиков-интернационалистов с Лениным и его тесным окружением (Зиновьев, Литвинов, Шляпников), остававшимся ему в ту пору при всех условиях верным.

В одном из писем Мартова к редакции журнала «Наше Дело» его позиция была сформулирована следующим образом: «Все вопросы, поставленные на очередь, могут быть рассматриваемы и решаемы лишь в свете основной проблемы англо-германского антагонизма, выдвигающего на очередь вопрос об империалистическом банкротстве международного капитализма... Дилемма — или постоянные войны на пути к окончательному торжеству империалистического сверхкапитализма или решительные этапы классовой борьбы на пути к ликвидации капитализма... Вступление капитализма в новую фазу, сулящую эру войн внешних и гражданских, должно будет коренным образом изменить характер движения (рабочего), приведя в соответствие его будничную прозу и его, так сказать, психологию с революционным и интернациональным характером нашей теории». И далее: «Наш меньшевизм имеет свое оправдание, как приспособление к специфическим условиям применения ортодоксального марксизма; когда ему приходится определить свое отношение к вопросам мирового масштаба, он не должен танцевать от печки антибольшевизма, а черпать свою ориентацию из вечных основ марксизма, не сму-

щаясь тем, что в данной обстановке в чем-либо существенном совпадает с большевизмом».⁶

Как мы видим, формулировки Мартова в большой мере созвучны политическим оценкам Ленина в начальный период войны. Более того, Мартов и в организационной области шел навстречу большевикам, когда солидаризировался с мыслью, высказанной в парижском «Голосе», что «старые рамки фракций... сломлены. Единое отношение к войне спаяло товарищей, стоявших на разных флангах нашей партии».⁷

Разумеется, Мартов не скрывал своих весьма существенных расхождений с большевиками и в части, касающейся войны. Так, в том же цитированном нами письме к редакции «Нашего Дела» он решительно отбрасывает пораженческую точку зрения. «Неверно, будто всякое поражение ведет к революции, всякая победа — к победе реакции»... Хотя тут же он делает оговорку: «Для нашей тактики остается в силе одно положение, что использовать условия, созданные победой ли, поражением ли, сможет лишь та сила, которая не связала себя ничем с войной, не взяла на себя никакой ответственности за нее», — иными словами, по мнению Мартова, только силы интернационализма. Эта точка зрения в общем разделялась всеми интернационалистами, в том числе и социалистами-революционерами, принадлежавшими к интернационалистскому крылу. В. Чернов, издававший в Париже газету «Мысль», и М. Бобров-Натансон представляли тогда эсеровскую левую в эмиграции и были делегатами в Циммервальде.

Правда, в рядах меньшевиков-интернационалистов не было полного единодушия. П. Б. Аксельрод, несмотря на свой интернационализм, не переставал подчеркивать разницу, существующую для него между германским агрессором и истекающими кровью под его ударами Бельгией и Францией. А. Мартынов, тогда меньшевик-интернационалист, а потом редактор журнала Коминтерна, в своей покаянной работе «Великая историческая проверка», вспоминая об этом периоде писал: «Полного единства в редакции «Известий ЗСОК» не было, ибо П. Б. Аксельрод чувствовал себя в этой коллегии, как пленник... Плеханов ему был более близок, чем Ленин. Отождествление поведения бельгийских и французских социалистов с германскими он считал не марксизмом, а цинизмом».⁸ Любопытное письмо в этом же духе появилось из Копенгагена в «Нашем Слове», в котором

автор за подписью Le Vin (возможно, что это был Д. Ю. Далин) возражал Мартову, высказывая свои сомнения по поводу практикуемого интернационалистами отождествления германского и франко-английского империализма и ссылаясь на жестокую оккупацию Бельгии Германией.

Ленин, конечно, внимательно следил за развитием интернационалистских настроений среди меньшевиков. И чем острее ощущал он свою изоляцию от своих бывших учеников и последователей, тем больше он дорожил поддержкой, которую он рассчитывая получить от Мартова. Он воспользовался своим первым докладом о войне, прочитанным в Лозанне, чтобы похвалить парижский «Голос», как «лучшую социалистическую газету в Европе» и сказать о Мартове, что этот писатель делает теперь именно то, что должен делать социал-демократ». ⁹ Большевик М. Харитонов в своих воспоминаниях передает слова, сказанные ему в Цюрихе Лениным: «Как хорошо было бы, если бы Мартов перешел совсем к нам». ¹⁰

Но Мартов слишком хорошо знал большевиков и в частности Ленина, чтобы не принимать всерьез ленинские посулы и зазывания. В «Голосе» Мартов, втянутый в полемику с Лениным, обвиняет последнего не в чем ином, как в стремлении «погреть в фракционном фанатизме свои руки около зажженного на мировой арене пожара». ¹¹

Но еще до этой полемики Мартов писал Аксельроду, что «скорее чем с Плехановым, мы, может быть, могли бы столкнуться с Лениным», но тут же добавил: «Насчет сговора с Лениным я только так упоминаю: охоты работать с ним у меня нет», а в другом письме он уточняет причины этой неохоты:

«Ленин и Ко нас больше скомпрометирует, чем будет нам полезен». ¹² Уже в начале 1915 года у Мартова сложилось полное разочарование в отношении вождей почти всех течений, — не только в отношении Плеханова, с которым он радикально расходился, но и в отношении представителей интернационалистских группировок. В письме к Ф. Дану от 9 января он писал:

«Осязаю на каждом шагу, как симптомы распада эксплуатируются и еще более будут эксплуатироваться теми специалистами по обличению кружковщины, которые на самом деле ухитряются использовать в мелочных кружковых интересах даже величайшие мировые трагедии и катастрофы. Сейчас этим занимается и Антид-Ото (Троцкий), с которым я должен дер-

жаться вечно настороже, и Тулин (Ленин), и даже пресловутый Гарденин (Чернов)».¹³

Пестрота окружения Мартова в парижской социалистической эмиграции особенно остро дала себя почувствовать в февральскую революцию 1917 г., когда множество деятелей, по недоразумению числившихся в меньшевиках, — «самоопределились» в качестве сторонников Ленина и приложили свою руку к торжеству октябрьского переворота...

6. БОЛЬШЕВИКИ

Когда Ленин в начале первой мировой войны был арестован австрийской полицией в Поронино и при содействии австрийских социал-демократов был через две недели освобожден и прибыл в Швейцарию, — он с ужасом убедился в страшном развале в своих собственных большевистских рядах. Один из его приближенных Г. Л. Шкловский пишет в своих мемуарах об этом времени:¹⁴ «Отчаяние, растерянность, разброд, вступление добровольцами в армию — вот картина в первые дни войны среди всей эмиграции, не исключая даже доброй части большевиков». Он же сообщает: «Заседавший в Париже Заграничный центр (КЗО) совершенно развалился, а часть его пошла добровольцами во французскую армию». В архиве Истпарта находится письмо из Парижа Людмилы Сталь, в котором читаем: «Растерянность КЗО дошла до чрезвычайных размеров. Мнения в КЗО разделились диаметрально по отношению к войне. В секции большевиков шла ужасная война не на жизнь, а на смерть между сторонниками двух течений. Атмосфера была напряженная... «Антимилитаристы» вынесли <глупую> резолюцию с таким финалом: «Социалиста только силой можно заставить идти на войну»».¹⁸

Как гром с ясного неба прозвучал в большевистской группе в Париже уход в волонтеры Антонова-Попова, Кузнецова-Шапошникова, Богушко, Ильи Джапаридзе, Давыдова, — всех этих недавно еще твердокаменных ленинцев, решительно перешедших на оборонческие позиции.

Шкловский в упомянутых выше мемуарах отмечает, что Шапошников был членом президиума большевистской конфе-

ренции еще в 1911 году, а Антонов — видным членом заграничной организации большевиков. Некий Ядов, опубликовавший свои воспоминания в «Каторге и ссылке», отмечает, что Антонов «очень видный член группы» поразил большевиков, когда «вел агитацию за волонтерство, погиб сам в траншеях». По-видимому, неожиданный поворот такого видного ленинца в оборонческом направлении настолько болезненно был воспринят большевиками, что еще в 1924 г. в примечании к воспоминаниям Ядова редакция «Каторги и ссылки» продолжала искать объяснения его поведению и сочла нужным сообщить, что Антонов «находился в самом начале войны в крайне неуравновешенном состоянии в связи с пущенной про него клеветой, будто он состоит на службе в охранном отделении».

Так или иначе, но Ленин с самого начала войны в выпестованной им среде наткнулся на множество неприятных сюрпризов. Изоляция его явно росла даже в собственном тесном кругу. Шкловский в этом отношении показателен. Встретившись с Лениным накануне Бернской конференции большевиков, он тут же высказал ему свое убеждение, что «победа немцев будет победой худшей формы реакции». Ленин ему в ответ: «Если вы этого мнения, то нужно этому препятствовать, т. е. желать им поражения и победы русской армии». И тут же переходя в наступление, Ленин стал разъяснять своему растерявшемуся ученику, что «во время империалистической войны каждый социалист должен бороться против своего империалистического правительства, и тогда война империалистическая превратится в войну гражданскую».

Разумеется, от этих слов Ленина просветился ограниченный разумом Шкловский: ««Огромнейший сноп света был брошен так внезапно: гражданская война — вот тот рычаг, за который нужно ухватиться, чтобы заставить грозные события работать на нас, на мировую революцию» — пишет прозревший «русский шовинист» (до приезда Ленина Шкловский ходил в шовинистах).

Ленин изменил бы самому себе, если бы хоть в чем-нибудь поколебался в занятой им с самого начала войны позиции. 6-7 сентября 1914 г. состоялось первое совещание большевиков, на котором были приняты и одобрены ленинские «тезисы» (раньше они назывались: резолюция в 7 пунктах), превращенные затем в манифест Ц.К. Кроме лозунга превращения

войны империалистической — в гражданскую, основной мыслью этих «тезисов» была мысль о том, что «поражение царской монархии является наименьшим злом».¹⁷ Эту же мысль выразил Ленин в письме к Шляпникову (в октябре 1914 г.):

"Для нас не может подлежать ни малейшему, абсолютно никакому сомнению, что наименьшим злом было бы поражение царизма в этой войне».

В первом своем докладе, прочитанном в Берне, Ленин напал не на оборонцев, которых он считал отпетыми «социал-патриотами», а на «полуменьшевиков», — на Каутского, на Троцкого. Он решительно отвергал мысль о скорейшем заключении мира, — лозунги мира, говорил он, — это поповские лозунги. Не мир, а война. Надо взять ружья и направить их против офицеров, против капиталистов. Нужно добиваться поражения России, обокрывать Россию до Киева, до Одессы, до Риги, до Либавы и вышибить из нее великодержавный дух. Надо добиваться отделения Украины и Прибалтики... Вот с чем выступал Ленин.

Оборонцы, даже из среды большевиков, погибавшие на полях Франции за свободу России, видели в Ленине — врага № 1. Интернационалисты, циммервальдисты, даже левые из них — отшатнулись от него, и даже остававшиеся с Лениным Бухарин, Пятаков и другие «божийцы» высказались за лозунги мира и запротестовали против пораженчества, знамя которого выбросил Ленин.

Но самый чувствительный удар ему был нанесен из России депутатами Гос. Думы — большевиками, которыми руководил Каменев. В ноябре 1914 года, как известно, была арестована большевистская фракция (минус Малиновский, который после «реабилитации» Ленина, в Россию не спешил вернуться...), взятая при обсуждении ленинских «тезисов» о войне. И депутаты, и Каменев, представив кассационную жалобу в суд, указали, что им нельзя вменить в вину пункты 6 и 7 «тезисов» (о поражении России, как о «меньшем зле» и о переходе империалистической войны в гражданскую), — так как эти пункты противоречат общей декларации социал-демократов в Госуд. Думе, внесенной 8 августа от имени большевиков и меньшевиков.

Это поведение своего агента Каменева никогда не мог

простить Ленин. Но что было ему делать? В России у него не было других сторонников. Позиция Сталина была неизвестна: сам он находился в ссылке, и никто тогда даже в большевистской среде не интересовался его мнением. Кто же был с ним за границей? Можно назвать трех верных оруженосцев Ленина в первую мировую войну: Зиновьева, его правую руку и первого борзописца, Шляпникова (Беленина) да Литвинова (Папаша, Максимович), выступавшего по его поручению в Скандинавии и Англии.

Помимо этого тесного кружка у Ленина были то тут, то там последователи. Ядов, напр., из парижской группы большевиков, так определял свое политическое кредо: «Для нас вопрос был ясен: отечества у нас нет, защищать нам нечего. Враг не рабочий, а тот, кто его обирает»...

Оставалось быть «пораженцами, мечтавшими о разгроме русской армии и надеявшимися... даже на революцию». Такая упрости́тельская концепция вряд ли что-нибудь существенное добавляла к аргументации великого упрости́теля Ленина.

* * *

И в этот словесный шум, в этот мир взаимных обвинений, в эту злосчастную борьбу фракций, в этот мир идей, часто окрашенных фантастическими и эсхатологическими представлениями, — внезапно из потустороннего мира свалилась благостная весть о падении 300-летней монархии Романовых и о пришествии долгожданной революции. Сейчас многим современникам кажется, что они были мыслью подготовлены к ней и предчувствовали ее, видели воочию ее признаки. Действительно, в каких-то кружках готовили с запозданием дворцовый переворот, а в других — уже составляли будущее Временное Правительство.

Но когда в Петрограде на совещаниях, душой которых был Керенский, говорили о революции, — то одни отсрочивали ее приход лет на 30, а другие — на 50. А за границей? Если судить по печати русской эмиграции тех лет, то надо признать, что ни пораженцы, ни интернационалисты, ни оборонцы не верили в близость революции.

И тем не менее демократическая революция пришла, и

спасать ее, и углублять ее поспешили на родину и оборонцы, возглавившие новую Россию, и интернационалисты, критиковавшие ее, и пораженцы, ликвидировавшие ее.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. А. С. Шаповал. В изгнании. М., 1927. Госиздат. Стр. 154-56.
2. Б. Горев. «Каторга и ссылка», кн. 10, 1924, стр. 29, Москва.
3. Я. Ганецкий. «Ленинградская Правда», 27 июля 1924 г.
4. См. Лидия Крестовская. «Из истории волонтерского движения во Франции», Париж, 1921.
Вл. Лебедев. «Из рядов французской армии». Москва, Изд. Сабашниковых, 1916 г.
5. А. Коллонтай. «Отрывки из дневника». Ленинград, 1925.
6. Письмо Ю. О. Мартова цитируем по «Пролетарской революции» № 3/15 за 1923 г., дано в приложении к статье А. Шляпникова. Стр. 281-291.
7. «Голос», № 61.
8. А. Мартынов. «Красная Новь», июнь-июль 1923, стр. 191.
9. «Голос» №№ 37 и 38.
10. «Записки Института Ленина», т. II, 1927, стр. 119.
11. «Голос» № 87.
12. Переписка Мартова и Аксельрода, Берлин, 1924, стр. 303, 305.
13. Переписка Мартова и Аксельрода, Берлин, 1924, стр. 320-21.
14. «Пролетарская Революция», кн. 5/40, 1925 г.
15. Цитировано у М. Сыромятникова, «Бернская конференция заграничной организации РСДРП-большевиков в 1915 г.».
16. «Каторга и ссылка», «Парижская эмиграция в годы войны» № 3/10, 1924 г.
17. «Социал-демократ» № 33.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Авксентьев Н. Д. — 130, 135, 136, 183
Адрианов — 44 Азеф — 5, 24, 27, 30, 50, 55, 59,
113, 114, 160, 181 Акседьрод П. Б.
— 29, 60, 62, 155,
177, 188, 189, 194 Алданов М. А. —
126, 136 Александр II — 4, 145, 146,
148,
150
Александр III — 145, 149, 151
Александр Мих., кн. — 153
Александра Федоровна — 14, 65,
70, 72, 74, 80-82, 90, 99, 100
Алексей, митр. — 71 Алексеев М. В.,
ген. — 96, 100, 124,
170
Алексеев В. — 107 Алексеев, колл.
асс. — 115, 143 Алмазов Б. — 83, 96,
97, 107, 108 Амфитеатров А. В. — 112
Андронников, кн. — 80 Аникст О. —
58 Аничков Е. — 112, 113 Анненский
Н. Ф. — 158 Антонов — 148 Антонов-
Овсенко — 177, 185 Антонов-Попов
— 190, 191 Аргунов А. — 113, 183
Арманд И. — 177 Астров Н. И. — 123,
131 Айзенштадт, рав. — 86
- Бадмаев — 14, 80
Баженов Е. Н. — 112, 131
Базаров-Руднев В. — 176
Бакунин М. А. — 144
Балавинский — 140
Балашов — 40
Балмашев — 152
Барк П. Л. — 90, 91, 94
Батюшнн — 96, 98, 101, 102
Бауман — 138, 142
Бах А. Н. — 183
Бебель А. — 117
Бебутов Д., кн. — 102-104, 112, 117,
118 Белецкий С. П. — 65, 71, 80, 83,
84, 89-91.
Белинский В. Г. — 165 Белый А. —
130, 131, 143. Бенеш — 140
Бердяев Н. А. — 154, 158, 165, 171
Бецкий К. — 107, 108 Бнкерман И. М.
— 94 Бланкенштейн — 86 Блок А. —
144, 153 Бобринский А. — 98
Богданов-Малиновский А. — 176
Богров Д. — 5-7, 11, 13, 16-21 Богров
В. — 11, 23 Богучарский В. — 138,
156, 160,
163, 171 Богущко — 190 Бек М.
П. — 8, 22, 23 Бок Б. И. — 15
Бокельман — 103 Бонч-Бруевич,
ген. — 96 Борисов — 65
Бостуннич Г. — 134, 135. Бош
Е. — 178 Брамсон Л. М. —
121

Б

Бабушкин — 98 Бадаев А. — 24, 37,
40, 56, 57, 60, 62

Брандинский, провок. — 31, 36 Браудо
А. И. — 110, 113, 114, 135,

142

Бресдав — 31 Брейденбол — 106
Бродский Л. — 86 Броецкий — 29
Бройдо Е. Л. — 155, 171 Брюн де-Сент
Ипполит — 29 Булгаков С. Н. — 165
Бунаков И. — 183 Бурцев В. Л. — 50,
113, 118 Бухарин Н. И. 44, 47, 176, 178,
192 Бьюкенен Дж. — 99, 108

В

Вандервельде Э. — 177
Васильев, св. — 73, 74
Варварин В. Н. — 114
Варнава — 71
Варшавский — 86
Ватсон — 134
Веригин Д. П. — 5, 10, 14, 16
Вейсхаушт — 129
Винавер М. М. — 86, 121
Виноградов В. — 54
Витте С. Ю. 85, 88, 102, 104, 108, 161,
164
Виссарионов — 26, 27, 32, 33, 35, 36,
39, 41
Владимиров — 176, 1&5
Владимирский — 177
Воейков, ген. — 65, 69
Волкенштейн Л. — 148
Волошенко — 148
Вольский Н. В. — 137, 138, 140
Водьский Станислав — 176 Воронов Б.
— 184 Войтинский В. С. — 176
Вырубов — 112

Вырובה А. — 65, 69, 73, 74, 80,
112 Вяземский Д., кн. — 125

Г

Г. А. — 171
Гадльперн А. Я. — 113, 130, 135
Гамбаров Ю. — 112 Ган Л. — 7, 12, 22,
23 Ганепкий Я. — 49, 51, 54, 177
Гарфилд, през. — 150 Геловани А. —
26 Гепнер — 98, 101 Герасимов А., ген.
— 21, 23, 114,
143
Гермоген, еп. — 73 Гершуни Г. — 180
Гессен И. В. — 112, 113, 122, 127,
135, 142, 143, 151, 152, 171 Гейден,
гр. — 161, 162 Гинсбург — 85, 86
Гинцбург, бар. — 85, 86 Гитлер — 170
Гито — 150 Годнев — 128 Голощекнн
— 31 Гомер — 146 Горев Б. — 177, 194
Горемыкин И. Л. — 25, 78, 82, 83,
90, 133
Горький М. — 40, 120, 176 Гоц А. Р. —
121 Граббе гр. — 68 Грановский — 145
Гроссер Б. — 48 Грузенберг О. — 86
Гуревич-Смирнов Э. Л. — 130 Гурко,
ген. — 101 Гурлянд — 97 Гурович —
155 Гусев-Дробкин С. И. — 30 Гучков
А. И. — 8, 16, 23, 90, 110,
122-25, 127, 140, 143, 161, 162
Гюисманс К. — 177

Д

Давыдов — 190
Давыдов А. В. — 136
Далин Д. Ю. — 189
Дан Л. О. — 48, 131, 141, 171
Дан Ф. И. — 48, 49, 51, 61, 121, 180-82, 186, 189
Данилов, ген. — 66
Дебагорий-Мокриевич — 147
Дегаев — 60
Деготь В. — 52, 58, 62
Дедюлин — 10, 14-16
Дексбах, подполк. — 7
Делевский Ю. — 136
Демидов И. П. — 123
Джапаридзе Илья — 190
Джунковский, ген. — 26, 27, 34, 43, 59
Добровольский, мин. — 71, 80, 101
Добрый — 98, 101 Довконт, кап. — 123 Долгов, подп. — 29 Долгорукий П. Д., кн. — 158, 160 Долгоруков, кн. — 68 Достоевский Ф. М. — 144, 151
Дрентельн, полк. — 68 Дурново П. Н. — 8, 116, 162

Е

Екатерина II-ая — 146 Елизавета — 72 Елизарова А. — 60 Ефремов И. Н. ~ 121, 127

Ж

Жеватов, кн. — 65 Животовский — 98
Житков К., кап. — 123 Житомирский, провок. — 50, 52

З

Заварзин — 27, 33-35, 61 Зарудный — 118 Засулич В. И. — 148, 155, 183
Звездин С. Л. — 186 Зеликсон-Бобровская — 31, 61 Зеньковский А. В. — 15, 17-19, 23 Зиновьев Г. — 29, 45, 49, 51, 54, 55, 136, 179, 187, 193

И

Ивавов — 12 Иванов — 33, 34 Изгоев А. — 3
Илиодор — 71, 73 Ирен — 72 Исидор, еп. — 71

К

Кавелин — 145 Каменев Л. Б. — 25, 29, 136, 176, 178, 179, 192 Каменка — 101
Калинычев Ф. — 41 Кальманович Е. С. — 86, 114, 135 Каляев — 152
Капнист, гр. — 123 Карклин — 58
Каррик В. — 80-82, 84, 89, 93, 107, 108 Карташев — 131 Катков — 153 Каутский К. — 177, 192 Кедрин — 112 Керенский А. Ф. — 25, 43, 77, 110, 113, 121, 125, 127, 128-31, 193
Кишкин Н. М. — 123 Ковалевский М. М. — 112, 113, 131 Ковалевская — 148

Коковпев В. — 9, 14, 22, 23
Колоколов — 56
КОЛОКОЛЬНИКОВ П. Н. — 46, 62
Колосов Е. — 184
Коллонгай А. — 176, 185, 194
Кольшко — 102-106
Колобакин А. — 118
Комиссаров — 84
Коновалов А. И. — 25, 110, 120, 123,
124, 127, 128, 130, 133
Конради — 140
Коробка Н. — 77
Короленко В. Г. — 158
Корсак В. Е. — 114
Кошева В. — 48
Красин Д. Б. — 176
Крестовская Л. — 194
Кривошеин А. В. — 78
Кривой М. — 44
Кропоткин НА. — 129, 143
Крыленко Н. — 33, 57-59, 61, 62
Крымов, ген. — 124, 125
Крупенский Н. — 167
Крупская Н. К. — 39, 40, 44, 45,
51, 52, 54, 61, 62
Кузнецов-Шапошников — 190
Кулябко — 5, 6, 10, 12-14, 18, 19
Курлов П. — 5, 9, 10, 14-19, 21, 22, 96,
108, 115
Курлов А. — 5 Куропаткин — 160
Кускова Е. Д. — 110, 120, 126, 130, 131,
137, 138, 141, 158, 162

Л

Лавуазье — 129 Лазарев Е. Е.
— 183
Лапинский П. — 48
Ларин Ю. — 176, 179
Лауниц, фон-дер — 115
Лебедев В. — 184, 194

Левицкий В. — 183
Лемке М. — 124
Ленин — 24, 25, 27-29, 31-45, 47, 49-51,
53-62, 106, 132, 133, 136, 154, 155,
159, 175-180, 187-193
Лешерн С. — 148
Линдфор — 147
Литвинов М. — 31, 136, 187, 193
Лобов, провок. — 31
Логвинов, прап. — 96
Лозовский — 176
Лопатин Г. — 60
Лопухин А. — 27, 113, 114, 143
Лорис-Меликов — 151
Лукин А. — 123, 143
Лукин Л. — 23
Луначарский А. В. — 42, 176
Лугутин — 138, 142
Львов Г. Е., кн. — 110, 123, 126-129
Львов В. — 128
Львов-Клячко Л. — 23
Львов Н. Н. — 161
Люксембург Р. — 177,^е 178
Лядов-Мандельштам — 176

М

Мазэ, рав. — 86
Макарий митр. — 71
Макаров А., мин. — 43, 44
Маклаков В. А. — 15, 166-170, 172
Малиновский Р. В., провок. — 24-29,
31-60, 133, 176, 192
Манасевич-Мануйлов — 6, 80, 82,
84, 85, 91, 92, 96-98, 101, 102,
104, 115, 118
Мандель — 86
Мануильский Д. — 176, 185
Манус — 80, 82, 85
Маракушев, провок. — 31
Мария Павл., кн. — 124

Мария Федоровна — 73
Марков, проф. — 139
Марков 2-ой — 11, 24
Мартов Ю. О. — 29, 48, 49, 60-62, 121, 155, 158, 159, 172, 177, 180, 181, 186-90, 194
Мартынов — 27, 33
Мартынов А. — 188, 194
Маслов П. П. — 183
Майский И. М. — 176
Мебес — 134, 135
Медичи Ек. — 20
Мельгунов С. П. — 108, 112, 117, 121, 124, 126, 142, 143
Менгден, гр. — 66
Менжинский — 176
Меньшиков М. О. — 88, 93-95
Мешковский-Гольденберг — 176
Мещерский, кн. — 10, 105
Миллоков П. Н. — 89, 95, 110-112, 121, 122, 124, 127-31, 136, 139, 141-43, 152, 155, 158, 160, 162, 163, 166, 168, 170, 172
Мирабо — 129
Митя — 73
Михайловский Н. К. — 149
Мицакис — 104
Млодецкий — 151
Моисеенко — 184
Монтескье — 145
Моргулис М. С. — 112, 135
Морозов — 133
Муравьев Н. К. — 35
Муравьев Никита — 145
Муранов, деп. — 25
Муссолини — 170
Мушин А. — 11
Мюллер Г. 117
Мякотин В. — 121, 158

Н

Натансон-Бобров М. А. — 188
Некрасов Н. В. — 110, 113, 121, 125, 127, 128, 130

Никитин Б. — 105, 108
Николай I — 146
Николай II — 3-6, 90, 91, 94, 100»
104, 124, 150
«Николай III» — 67
Николай Николаевич — 63, 66, 67»
68, 70, 75, 124
Николай Михайлович — 110
Нилов, адм. — 68
Новожилов — 40
Нотович — 105

О

Озеров — 97
Оксман Ю. — 107
Ольденбург С. — 4
Орджоникидзе — 35
Орлов, кн. — 68
Орлов, подполк. — 96
Орлов-Давыдов — 103, 113, 117
Осинский — 147
Осоргин М. А. — 135, 136
Оцеп — 58

П

Павел — 146
Павлов -- 107, 108
Павлович — 42
Палладий — 71
Пассвил — 102
Пассовер А. Я. — 114
Паша — 73
Петр Великий — 146, 165
Петровский Г. деп. — 25, 40, 133
Петрункевич И. И. — 146-48, 150, 165, 167, 171, 172
Пиденко — 89
Пиранг, подполк. — 7
Пискунов, полк. — 5

Питирим — 65, 71, 80, 82, 100, 101, 104
Плеве — 104, 152, 160, 163
Плеханов Г. В. — 121, 155, 156, 159, 177, 181, 182, 188, 189
Победоносцев К. П. — 69, 153
Покровский М. — 155, 176
Поляков Сам. — 86
Попов И. И. — 60, 62
Попов — 177
Поскребухин, провок. — 31
Потресов А. Н. — 121, 155, 156, 172
Прокопович С. & — 110, 130, 138-140, 158
Протопопов — 65, 71
Пуришкевич В. М. — 167, 170
Пурталес — 89
Путилов — 101
Пушкарский М. — 23
Пятницкий О. — 31, 36, 61

Р

Радек К. — 136, 178
Раев — 65, 70
Ранцау — 102
Распутин — 14, 65-69, 71-74, 80-88, 99, 100, 123, 125, 170
Ратаев — 160
Рачковский — 104
Редигер, мин. — 69
Резанов, полк. — 96, 98
Ренгардтен И. П., кал. — 123
Ренненкамф, ген. — 65
Ренников — 93
Роберти де — 112
Робеспьер — 129
Родзянко М. В. — 24, 26, 39, 124, 128
Родичев Ф. И. — 44, 158
Розанов В. В. — 8, 93
Розанов М. — 35

Розмирович Е. Ф. — 44, 47
Рожков Н. — 176
Романов А. Б., печ. — 177
Романов, провок. — 31, 35
Ронжин, ген. — 66
Рубинштейн Д. Л. -- 80-85, 88-93, 96-101, 136
Рубинштейн С. — 98
Рузский, ген. — 100
Руманов — 86
Рыков А. — 176, 179
Рябушинский П. — 126, 133
Рязанов Н. — 179

С

Сабанеев Л. — 143
Саблер — 70, 71
Саблин — 65, 68
Савинков Б. — 184
Сазонов, мин. — 68
Самарин — 26
Самойлов Ф. деп. — 24, 25, 42, 60
Сандомирский Г. — 12
Свердлов Я. — 30, 35, 40, 48, 136
Свитков Н. — 143
Сенько-Поповский — 5
Серафим, митр. — 71
Симанович — 80, 85-88, 99, 101, 107, 136
Сипягин, мин. — 152
Скворцов В. — 89
Скобелев М. И. — 48, 126
Слетов — 183
Слиозберг Г. Б. — 86, 87, 107, 135,
Смирнов С. А. — 123
Соколов Н. Д. — 110, 118, 131
Сокольников Г. — 176
Соловьев Вд. — 144
Спридович А. — 5, 10, 14, 16, 27, 41, 60
Спондарьян — 35
Сталин — 20, 40, 48

Сталинский — 184
Сталь Д. — 190
Степанов-Скворцов И. И. — 131
Стешова М. — 133
Стиннес — 103
Столыпин А. А. — 89, 93, 95, 116
Столыпин П. А. — 3-22, 115, 117,
152, 160-66
Струве П. Б. — 3, 154-160, 163,
165
Суворин А. С. — 88, 151, 153, 171
Суворин Ал. — 92, 93, 107
Суворин М. — 92
Суворин Б. — 92
Суворина Анаст. — 90-92
Судейкин — 60
Сухомлинов, мин. — 65, 67, 71, 81
Сыромятников — 194

Т

Терещенко М. И. — 110, 113, 121,
125, 127, 128, 131
Тимашев Н. С. — 8
Тихомиров Лев — 153
Толстой Дм. — 145
Тома Альберт — 129
Тренк — 103
Трепов Ф. — 8, 163
Трепов, ген.-губ. — 18
Триа — 177
Троцкий Л. Д. — 18, 19, 136, 177, 180,
186, 189, 192
Трояновский А. А. — 47, 48, 55, 176,
178
Трусевич — 9
Туган-Барановский М. — 155 Туляков,
деп. — 25 Турау, сен. — 10, 13
Тыркова-Вильямс А. — 108, 113,
117, 142, 143
Тютчева, фрейлина — 71

У

Урицкий — 176 Утин — 101
Ухтомский, кн. — 105

Ф

Федоров М. М. — 123
Феофан — 73
Ферман — 103
Фигнер В. Н. — 60
Филипп Орлеанский — 129
Филипп — 72
Франк С. Л. — 154, 158, 165, 171
Фредерикс, бар. — 68
Фридман Н. М., деп. — 76, 86

Х

Харитонов М. — 189
Хатисов — 124
Хвостов А., мин. — 65, 71, 80, 84^
90, 91, 99
Хижняков — 138 Хонявко И.
— 42, 61

Ц

Цветков-Просвещенский — 46, 62
Церетели И. Г. — 186
Цехановский — 98
Циоглинский — 25, 48

Ч

Чапский С. — 134
Челноков М. В. — 123
Череванин Н. — 172

Черкасский М., кн. — 123
Чернов В. М. — 121, 188, 190
Черномазов, провок. — 29, 37, 52
Чичерин В. Н. — 153, 165
Чичерин-Орнатский — 176 Чхеидзе Н.
С. — 37, 42, 46, 110,
126, 130, 186
Чхенкели А. И. — 177

Ш

Шавельский Г. — 63-75, 78, 79

Шадит Г. — 86
Шаповал А. — 52, 60, 62, 177, 194
Шаховской Д. И., кн. — 158
Шингарев А. И. — 127
Шипов Д. Н. — 161, 162, 163
Шкловский Г. — 190, 19Ь
Шляпников А. — 179, 192-194
Шмаков — 131
Шорникова провок. — 41

Шперберг — 106
Штюрмер Б. — 65, 71, 90, 91, 96-
98, 106, 167
Шувалов — 145
Шульгин В. В. — 8, 167
Щегловитов — 12, 152
Щеголев П. Е. — 111, 143
Щербатов Н., мин. — 78

Э.

Экк, А. — 184

Я

Ягов — 103
Ядов — 191
Яковлев Н. — 132, 133
Янушкевич, ген. — 66, 78, 95
Яхонтов А. Н. — 76, 77

RUSSIA ON THE EVE OF THE REVOLUTION

Historic Sketches

THE MONARCHISTS THE
LIBERALS THE MASONS THE
SOCIALISTS

CONTENTS:

1. The assassination of Russia's prime minister Pyotr Ar-kadyevich Stolypin:
"a riddle wrapped in an enigma." 3
2. The Malinovsky affair: Member of the 4th Duma— Lenin's trusted aid—a
police spy! 24
3. Heading for disaster. The monarchy in wartime. . . 63
4. The dissolution of the old regime. 80
5. The masons on Russia's political scene. 109
6. Russian liberals and the revolution. 144
7. Russian socialists—at home and in exile. 173
8. Name index. 195

ОГЛАВЛЕНИЕ

I	<i>Загадки убийства Л. А. Столыпина</i>	3
II	<i>Большевистский Азеф — депутат 4-й Госуд. Думы Роман Малиновский — агент Ленина и Департамента полиции</i> .	24
	1. Скандал в Государственной Думе	
	2. Провокация и большевизм	
	3. Малиновский в Департаменте полиции	
	4. Охранка окружает Ленина	
	5. Правая рука Ленина	
	6. Слухи о провокации	
	7. Ленин трижды реабилитирует Малиновского	
	8. Эпилог	
III	<i>Навстречу гибели. — Монархия в годы войны</i>	63
IV	<i>Картины распада старого режима</i>	80
	1. В распутинском созвездии	
	2. Распутин и евреи	
	3. Газета «Чего изволите»	
	4. Авантюристы тыла	
V	<i>Масоны в русской политике</i>	109
	1. Конспираторы	
	2. Из истории масонства	
	3. Тайная полиция и масоны	
	4. Ритуал. Политический смысл масонства	
	5. Дворцовый переворот и масоны	
	6. Временное правительство и масоны	
	7. Большевики и масоны	
	8. Слово предоставляется масонам (Из писем Е. Д. Кусковой)	

VI *Русский либерализм и революция* 144

1. Между Сциллой и Харибдой
2. Либералы «угovarивают» революцию
3. Русское общество и революционный террор
4. Врозь идти, вместе бить
5. Либералы «угovarивают» реакцию
6. Революционеры поневоле

VII *Социалисты в России и в эмиграции* 173

1. После первой революции
2. Одиночество Ленина
3. «Мышиная возня» в эмиграции
4. Война и оборонческое движение
5. Интернационалисты
6. Большевики

VIII *Указатель имен* 195

КНИГИ И БРОШЮРЫ ТОГО ЖЕ

АВТОРА

"Лирика". Изд-во б. О. Половой. Петроград, 1916. *"Мир издалека"*,

Изд-во «Заветы». Берлин, 1923. «К расколу Бунда» Изд. Ц. К. с. д.

Бунда. Москва, 1920. *"На заре красного террора"* Берлин, 1929.

"Еврейская проблема в Советской России", (идиш). Изд. Социал. Фербанда, Нью-Йорк, 1944.

"Советская Россия и евреи" (англ.). Изд. Американско-Еврейской Лиги борьбы с коммунизмом. Нью-Йорк, 1949.

"Правда о власовцах" Нью-Йорк, 1949.

"Коммунистический антисемитизм" (англ. и идиш). Изд. Евр. Рабочего Комитета. Нью-Йорк, 1953.

"Большевистская революция и меньшевики" Нью-Йорк, 1955.

"Русско-еврейская интеллигенция". Портреты. Изд-во «Ид-Бух», идиш, Буэнос-Айрес, 1962 г.

В издании «Межуниверситетского «прожекта» по истории меньшевистского движениям:

"К истории правого течения среди меньшевиков", Н. И. 1960.

"Движение уполномоченных от фабрик и заводов в 1918 г.", Н. И. 1960.

"Революционная юность". Воспоминания 1903-1917. — Н. И., 1961.

"Биографический словарь меньшевиков" (готовится к выходу).

При участии автора в редакции:

"Воспоминания социалдемократа" П. Гарви. Н. И. 1946. *"Професс.*

союзы в России 1917-21" П. Гарви. Н. И. 1958. *Сборники "Против течения", №№ 1 и 2,* Н. И. 1952, 1954. *"Книга о Витебске"* (идиш) Н.

И. 1956. *Сборник памяти В. И. Лебедева,* Н. И. 1958.

История Всеобщего Еврейского Рабочего Союза — Бунд (идиш). Нью-Йорк.

"Книга о русском еврействе" 1860-1917. Изд. Союза русских евреев Н. И., 1960.

Русское еврейство 1917-1960 — (готовится к печати). *Книга о Минске* (идиш) — (готовится к печати).